

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

РОЛЬ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Сборник тезисов докладов
IV Саратовского юридического форума
(г. Саратов, 4–8 июня 2024 г.)*

Саратов
2024

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2024

ISBN 978-5-7924-2105-9

УДК 34(063)
ББК 67.0я43
Р68

Составители:

д.ю.н., доцент *Е.Н. Абанина*; д.ю.н., профессор *С.Ф. Афанасьев*;
д.ю.н., профессор *А.Г. Блинов*; д.ю.н., профессор *А.Н. Варыгин*;
д.ф.н., профессор *А.И. Демидов*; к.ю.н., доцент *Т.В. Ерохина*;
к.ю.н., доцент *С.Н. Зайкова*; д.ю.н., профессор *О.В. Исаенкова*;
д.ю.н., доцент *А.В. Колесников*; к.ю.н. *К.С. Кротов*;
д.ю.н., профессор *Н.С. Манова*; д.ф.н., профессор *И.Д. Невважай*;
д.ю.н., профессор *Е.В. Покачалова*; д.ю.н., профессор *А.Ю. Соколов*;
д.ю.н., доцент *С.Ж. Соловых*; к.ю.н., доцент *Н.В. Спесивов*;
д.м.н., профессор *А.С. Федонников*; д.ю.н., доцент *Л.Г. Шапиро*

Ответственный редактор:

доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе
Саратовской государственной юридической академии
С.А. Белоусов

Рецензенты:

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
Т.В. Милушева;
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса Саратовского национального
исследовательского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского *Е.Н. Тогузаева*

*Рекомендован Советом по науке
Саратовской государственной юридической академии*

Р68 **Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России** : сборник тезисов докладов IV Саратовского юридического форума (г. Саратов, 4–8 июня 2024 г.) / [сост.: Е.Н. Абанина, С.Ф. Афанасьев, А.Г. Блинов и др.; отв. ред. С.А. Белоусов] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7924-2105-9

Сборник содержит тезисы выступлений участников IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» по проблемам, связанным с наиболее актуальными вопросами права и обеспечения национальной безопасности в современной России и рассмотренным с точки зрения юридической науки и практики.

Предназначен для научных и практических работников, преподавателей, докторантов, аспирантов и обучающихся юридических вузов.

Все статьи издаются в авторской редакции.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования: процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц; оперативная память RAM ОЗУ: не менее 512 Мбайт; свободное место на жестком диске (HDD): не менее 10 Мбайт; операционная система: Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader; дискковод CD-ROM; мышь.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Акимжанов Т.К.

О ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
И ЕЕ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ КАК СЕРЬЕЗНОЙ
КРИМИНАЛЬНОЙ УГРОЗЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 8

Грачёва О.А.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ. 13

Киселев М.Б.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РОССИЙСКИХ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНОВ КАК АКТУАЛЬНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. 18

Мещерякова А.Ф.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 23

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Антропов Н.А.

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ СПОРОВ О ПОДСУДНОСТИ МЕЖДУ СУДАМИ
В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 28

Громозова О.Ю.

РЕАЛИЗАЦИЯ БРЕМЕНИ (ПРИНЦИПА) ДОБРОСОВЕЩНОСТИ
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СУДОВ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ 32

Карпова А.А.

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕДЪЯВЛЕНИЕМ
И РАССМОТРЕНИЕМ ИСКА ИНОГО ЛИЦА О ПРИМЕНЕНИИ
ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ К ЕЕ СТОРОНАМ,
И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ 35

Свирин Ю.А. СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	40
Тимофеев Е.И. СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕЖИМА ПРОВЕРОЧНЫХ ИНСТАНЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	45
Фомина О.Ю. О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ В СУДЕ	49

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Алехина А.О. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОБЛЮДЕНИЕ БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЛИЧНОЙ СВОБОДОЙ	53
Баранова М.А. О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	57
Батчаева А.А. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	63
Блинова О.Г. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ И НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ	66
Гаврилов Б.Я. ОБВИНЯЕМЫЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК РУДИМЕНТ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	70
Горшкова К.Н. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	79

Дилбандян С.А. НАЧАЛО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ.	83
Елистратова В.В. ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.	93
Карташов И.И. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ	99
Лавнов М.А. СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	104
Манова Н.С. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ.	110
Овчинникова Н.О. БЕЗОПАСНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ.	116
Седова Г.И., Малышева И.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	125
Францифоров Ю.В. ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	130

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Данилин Е.М. О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ОСАГО ПУТЕМ ОБМЕНА ДОКУМЕНТАМИ.	134
Мамедов И.Н. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ	139

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СЕССИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ
«РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН
В СФЕРЕ ТРУДА И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ»**

Абалдуев В.А.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ
КАК ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ
ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ 143

Девятерикова Ю.А.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ТРУДА И ПРАВА
НА ТРУД В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ 148

Иванов А.А.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
УКАЗОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 2 ИЮЛЯ 2021 Г.
№ 400 И ОТ 9 НОЯБРЯ 2022 Г. № 809 152

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА,
ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Воронин В.В., Лушин Е.А.

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ «ПОИСКОВАЯ ТЕХНИКА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ» 156

Зуев С.В.

О СОЗДАНИИ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ИЛИ ЕДИНОЙ
ЭКОСИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 161

Карташов И.И.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 166

Кувандиков З.О.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН 171

Михеев Д.С.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО 177

Рассолов И.М., Усова М.А.

ПРАВО И РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
НОВОЕ НА ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ 181

Тимошенко А.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЦЕНАРНОГО ПОДХОДА
ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ 186

Ходырева Е.А.
К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 189

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Вяткин А.Н.
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА 193

Лапшин В.Е.
ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ
САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ. 198

Попова Е.И.
К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ РЕКОМЕНДАЦИЙ
ПО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ПОТЕРПЕВШИМИ СВОИХ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ. 203

Усанов И.В., Быстряков Е.Н.
МЫСЛИТЕЛЬ СТАНИСЛАВ ЛЕМ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И КРИМИНАЛИСТИКА. 207

Хатов Э.Б.
О ТАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО
ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ 211

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Акимжанов Талгат Курманович,
*доктор юридических наук, профессор,
директор НИИ права при университете «Туран»,
научный сотрудник НИЦ Алматинской академии МВД РК
имени М. Есбулатова, заслуженный работник МВД РК,
почетный работник образования РК,
полковник юстиции в отставке
(г. Алматы, Республика Казахстан)*

О ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ КАК СЕРЬЕЗНОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ УГРОЗЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию современного состояния борьбы с преступностью и поиску новых форм противодействия ей. На основании проведенного анализа правоприменительной практики автор вносит предложения по дальнейшему совершенствованию процесса борьбы с преступностью.*

Ключевые слова: *преступность, организованная преступность, национальная безопасность, противодействие преступности, борьба с преступностью.*

Проблема противодействия преступности в настоящее время становится в Казахстане и странах дальнего и ближнего зарубежья все более актуальной по той причине, что именно преступность и особенно ее организованные формы представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности любого государства.

В Законе Республики Казахстан от 6 января 2012 г. «О национальной безопасности Республики Казахстан» к одним из источников угроз национальной безопасности, наряду с другими, отнесены снижение уровня законности и правопорядка, в том числе рост

преступности, включая организованные ее формы, сращивание государственных органов с криминальными структурами, террористическими и экстремистскими организациями, покровительство должностных лиц незаконному обороту капитала, коррупция, незаконный оборот оружия и наркотических средств, способствующих снижению степени защищенности национальных интересов [1, с. 202].

В Республике Казахстан с 1991 г., т.е. с момента самостоятельного развития как суверенного государства, были приняты три Концепции правовой политики Республики Казахстан, которые утверждались указами Президента Республики Казахстан:

- первая на период с 2002 по 2010 г. [2];
- вторая на период с 2010 по 2020 г. [3];
- третья на период с 2021 по 2030 г. [4]

Благодаря принятым и реализованным Концепциям правовой политики Республики Казахстан, удалось на системном уровне достичь определенных успехов в вопросах противодействия преступности: обеспечена на государственном уровне минимизация вовлечения граждан в сферу уголовной юстиции; произошла экономия мер уголовной репрессии, в результате чего расширилось применение уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества; удалось сформировать у большей части населения негативное отношение к криминальным проявлениям в обществе и многое другое.

По мнению известного ученого-криминолога В.Н. Кудрявцева, в современном обществе наблюдается серьезное противоборство между преступностью и государством [5, с. 29].

Уполномоченным органам в противодействии с преступностью не всегда удается в полном объеме обеспечить эффективный заслон общества от преступных посягательств, поскольку криминальный мир в целях функционирования и самосохранения довольно успешно приспосабливается ко всем изменениям и усилениям со стороны правоохранительных органов, используя все имеющиеся возможности (подкуп государственного аппарата в своих целях, воздействие на представителей правоохранительных и специальных органов и многое другое).

О необходимости проведения гибкой, вместе с тем справедливой уголовной политики государства было закреплено в утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674 «Концепции правовой политики Республики Казах-

стан до 2030 года», где было отмечено, что в процессе реализации правоприменительного процесса должна быть пересмотрены формы и методы противодействия преступности, включая и ее организованные формы, скорректировано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан [4].

Учитывая способность современной преступности, особенно ее организованных форм проявления, проникать во все отрасли жизнедеятельности общества, особенно, в экономическую сферу, нетрудно понять, что система противодействия преступности должна носить упреждающий характер, основанный на данных криминологического прогноза, и охватывать весь государственный механизм и проводимую уголовную политику Республики Казахстан.

Современные тенденции в развитии криминала описаны достаточно подробно и убедительно известным российским ученым В.С. Овчинским в его последних фундаментальных работах, таких как «Криминология цифрового мира» [6] и «Киберполиция XXI века. Мировой опыт» [7], «Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие» [8].

Ярким примером отставания системы противодействия преступности от самой преступности и отсутствия прогностического направления в решении данной проблемы стали январские события 2022 г. в Республике Казахстан, когда мирные демонстрации граждан, недовольных социально-экономическим положением в стране, под влиянием террористов и экстремистов плавно перешли в массовые беспорядки, которые сопровождались погромами, поджогами, убийствами как сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, так и мирных граждан. За несколько дней массовых беспорядков был нанесен значительный ущерб государственным и иным учреждениям среднего и малого бизнеса, убито 238 человек, в том числе 19 сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих.

Только активное участие войск ОДКБ, прибывших благодаря высокому международному авторитету Президента РК К.-Ж.К. Токаева в Республику Казахстан, смогло стабилизировать и нормализовать обстановку в стране в кратчайшие сроки.

Как нам представляется, в результате недостаточного криминологического прогнозирования в Республике Казахстан за последние десятилетия упущены начинающие проявления экстремистских течений в обществе, возросли факты вовлечения наших граждан в запрещенную деятельность за пределами государства,

а также усилились попытки организации деятельности запрещенных организаций в Казахстане.

Неслучайно, давая оценку произошедшим в Республике Казахстан в январе 2022 г. событиям, Президент РК К.-Ж.К. Токаев отметил, что правоохранные и специальные органы проспали или не захотели замечать спящие экстремистские ячейки.

Как представляется, произошедшие события в январе 2022 г. в Казахстане требуют дальнейшего переосмысления отдельных положений противодействия преступности и поиску новых более эффективных мер воздействия на преступность и преступников.

Необходимо обратить внимание на совершенствование таких направлений, как:

1. Усиление научного обеспечения сопровождения всего процесса противодействия преступности.

2. Формирование новой концепции противодействия преступности, суть которой должна рассматривать следующие направления:

а) расширение сферы противодействия преступности правоохранными органами, чтобы внимание было направлено не только на лиц, совершивших преступления, но и на законопослушную часть населения, путем усиления ранней профилактики преступлений;

б) рассматривать процесс борьбы с преступностью как меры по обеспечению национальной безопасности государства;

в) укрепление международного сотрудничества в сфере противодействия преступности;

г) усиление профилактической направленности всего процесса противодействия преступности.

3. Дальнейшее совершенствование законодательства, обеспечивающего процесс борьбы с преступностью.

4. Более глубокая диагностика самой преступности и обеспечение реализации прогностического направления.

На наш взгляд, только целенаправленная работа в вопросах противодействия преступности принесет положительные результаты и будут обеспечены общественная безопасность и правопорядок в обществе.

Список источников

1. Правоохранные органы: сборник законодательных актов. Алматы: Юрист, 2019. 56 с.

2. Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 г. № 949 (утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 17 июня 2011 г. № 102).

3. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (с изм. и доп. от 16 января 2014 г.). URL: <http://jonline.zakon.kz>

4. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года».

5. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. 352 с.

6. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.

7. *Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.* Киберполиция XXI века. Международный опыт. М.: Междунар. отношения, 2020. 288 с.

8. *Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С.* Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие / вступ. сл. О.В. Храмова. М.: Норма, 2022. 184 с.

Грачёва Ольга Алексеевна,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию деятельности органов прокуратуры по противодействию экстремизму на современном этапе. На основе действующего законодательства анализируются основные формы противодействия данному негативно-му явлению. Автором делаются выводы и предложения по внесению изменений в действующее законодательство.*

Ключевые слова: *прокуратура, противодействие экстремизму, предупреждение преступности, экстремистская деятельность, прокурорский надзор.*

Экстремизм и терроризм представляют собой серьезную угрозу для общества, осознание их повышенной общественной опасности вынуждает совершенствовать методы противодействия данным явлениям. При этом в действующем законодательстве указано, что экстремистская деятельность отнесена к одной из наиболее серьезных и актуальных угроз современному российскому обществу и государству.

Согласно действующему российскому законодательству, обязанность по противодействию экстремизму возлагается на широкий круг государственных и муниципальных органов. В числе этих субъектов противодействия экстремизму находится и отечественная прокуратура.

В юридической литературе сущность прокурорского противодействия экстремизму получила различную оценку. Одни авторы считают, что «эта деятельность представляет собой одно из ординарных направлений прокурорского надзора» [1, с. 204–205], другие склонны рассматривать ее «в качестве приоритетного направления» [2, с. 118], третьи, подчеркивая неразрывную связь с прокурорским надзором, признают за ней «самостоятельную правовую природу» [3, с. 97]. Наиболее последовательной представляется позиция ученых, с одной стороны, «признающих самостоятельность

правовой природы данной деятельности, с другой – подчеркивающих ее обусловленность прокурорским надзором» [4, с. 28–29], потому предупреждение органами прокуратуры проявления экстремистской деятельности выступает неотъемлемым элементом общей системы предотвращения проявлений экстремистской направленности и защиты общественной безопасности.

Именно прокуратура – оптимальный орган, способный предотвратить любые формы проявления экстремизма со стороны поднадзорных ей лиц в современных условиях, а также координировать деятельность других правоохранительных органов в этом направлении, фактически осуществляя опосредованный надзор практически за любыми проявлениями экстремизма, в том числе со стороны лиц, прямо не входящих в предмет надзора прокуратуры [5, с. 264].

Стоит отметить и то, что надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности должен быть организован на основе соответствующих мер стратегического характера. Процесс состоит из трех основных этапов, каждый из которых дополняет друг друга:

1. Прогнозирование. На первом этапе выполняется анализ тенденций и факторов внешней и внутренней среды организации. На основе этого анализа создается прогноз относительно будущих условий, в которых придется действовать. Данный прогноз служит основой для дальнейшего планирования и принятия решений.

2. Установление целей. На втором этапе, опираясь на прогноз, устанавливаются долгосрочные и краткосрочные цели организации. Цели служат ориентиром для всех последующих действий и должны быть четкими, реалистичными и измеримыми.

3. Планирование. На третьем этапе разрабатывается детальный план действий по достижению поставленных целей. В него входят следующие элементы: стратегическое планирование: разработка долгосрочной стратегии организации, определение ее миссии, видения и ключевых направлений деятельности; тактическое планирование: разработка среднесрочных планов, детализирующих стратегию и определяющих конкретные действия для достижения целей; оперативное планирование: разработка краткосрочных планов, устанавливающих конкретные задачи, сроки их выполнения и ответственных лиц; программирование надзорной деятельности: определение видов и механизмов контроля за ходом реализации планов, своевременного выявления и устранения отклонений

[6, с. 123–124]. Планирование с ориентацией на будущее является итеративным процессом, который требует постоянного мониторинга и корректировки планов в соответствии с меняющимися условиями.

В дополнение к этапам первых трех уровней целесообразно рассматривать четвертый этап, который опосредованно влияет на противодействие экстремизму. Одним из таких может быть план сотрудничества органа прокуратуры со средствами массовой информации. Данный план предполагает активное взаимодействие прокуратуры с журналистами и телевидением для освещения вопросов, связанных с расследованием экстремистских преступлений.

Помимо надзорной деятельности, прокурор также выполняет важные функции ненадзорного характера. Одной из них является координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Координация представляет собой логическое продолжение надзорной деятельности прокурора в этом направлении. Она заключается в объединении усилий всех правоохранительных органов, а также органов, выполняющих отдельные правоохранительные функции. Данная деятельность направлена не только на борьбу с преступлениями экстремистской и террористической направленности, а также с преступлениями, связанными с финансированием экстремизма и терроризма, но и на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению подобных преступлений [7, с. 14–15].

Важным в этом ключе выступает международное сотрудничество. Прокурор взаимодействует с правоохранительными органами других стран, обменивается информацией и опытом в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом. При этом выработка международных нормативно-правовых норм в данном направлении также способствует предупреждению экстремистской деятельности [8, с. 158–159].

Заключение двусторонних договоров между прокуратурами различных государств представляет собой важный и эффективный механизм для укрепления международного сотрудничества в борьбе с преступностью, включая противодействие терроризму. Эти соглашения обеспечивают прочную правовую основу для обмена информацией, оказания взаимной правовой помощи и координации совместных усилий по выявлению, расследованию и преследованию транснациональной преступности.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что в целях укрепления действующего законодательства, усиления прокурорского надзора за исполнением законов о предупреждении и борьбы экстремизмом, а также устранения пробелов и противоречий в этой области предлагается ряд новых инициатив:

- формирование, например Государственного экспертного центра противодействия терроризму и экстремизму. Создание специализированного экспертного органа позволит консолидировать научные и практические знания в сфере противодействия экстремистской деятельности, проводить исследования, готовить аналитические материалы и рекомендации, а также осуществлять независимую экспертизу вопросов, связанных с данным направлением;

- разработать и внедрить комплексные меры по профилактике и противодействию радикализации населения, в том числе через систему образования, средства массовой информации и социальные сети. Также реализовать формы и механизмы привлечения общественности и гражданского общества к профилактике и противодействию этим угрозам, в том числе через волонтерские движения и повышение правовой грамотности населения.

Осуществление перечисленных мер позволит создать целостную и эффективную систему противодействия экстремизму, отвечающую современным вызовам и угрозам, стоящим перед государством и обществом.

Список источников

1. *Тамаев Р.С.* Противодействие экстремизму средствами прокурорского надзора // Бизнес в законе. 2008. № 4.
2. *Агутин А.В.* К вопросу о понятии прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8).
3. *Воронин О.В.* О значении координационной, профилактической и административно-юрисдикционной деятельности прокурора // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1).
4. *Воронин О.В.* Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск: НТЛ, 2013.
5. *Аганов П.В.* Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор. М.: Проспект, 2016.
6. *Мельников В.Ю., Магомедов Г.Б.* Уголовно-процессуальные и правовые вопросы противодействия экстремизму и борьбе с тер-

роризмом: учебное пособие. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018.

7. *Чукреев В.А.* Теоретические и практические аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

8. *Евдокимов К.Н.* Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102).

Киселев Максим Борисович,

*руководитель аналитического отдела
организационно-статистического управления
Главного следственного управления Следственного комитета РФ,
полковник юстиции, аспирант Московской академии
Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РОССИЙСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КАК АКТУАЛЬНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена проблематике противодействия уголовно-правовыми средствами распространению заведомо ложной и дискредитирующей Вооруженные Силы РФ, российские добровольческие формирования и государственные органы информации, автором на основе собственного опыта приводятся возникающие на практике проблемные вопросы применения ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, обосновывается актуальность проведения комплексных практикоориентированных научных исследований в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, специальная военная операция, Вооруженные Силы РФ, распространение ложной информации, дискредитация, научные исследования.*

Гибридный геополитический конфликт России со странами коллективного Запада, резко обострившийся с началом проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, наглядно демонстрирует актуальность угроз информационного характера, выдвинувшихся на одно из первых мест среди вызовов национальной безопасности Российского государства.

Особую значимость в современных условиях приобрела информационная безопасность использования Вооруженных Сил РФ, добровольческих формирований и российских государственных органов для защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, выступающая сложным, многоаспектным явлением, влияющим на состояние таких элемен-

тов национальной безопасности России, как государственная и общественная безопасность.

Как объект криминальных посягательств информационная безопасность использования Вооруженных Сил РФ, добровольческих формирований и российских государственных органов включает и общественные отношения, обеспечивающие интересы личности, общества и государства в сфере реализации потребности в достоверной информации о деятельности указанных субъектов по защите интересов страны, поддержанию международного мира и безопасности.

Развитие информационных технологий в настоящее время предоставляет неограниченные возможности для распространения деструктивного контента, оказания дистанционного информационно-психологического воздействия на население и провоцирование деятельности, дестабилизирующей социально-политическую обстановку. Подобными возможностями активно пользуются недружественные страны и внутрироссийские оппозиционные силы, вбрасывая в информационное поле фейки, демонизирующие и дискредитирующие Россию, решения и действия ее военно-политического руководства.

Как справедливо отметил Ю.В. Голик, «глубинная задача процессов по очернению России, развивающихся как внутри страны, так и за ее пределами и имеющих не одну сотню лет, – подорвать ситуацию в стране изнутри, ослабив веру народа в свою власть и собственные силы, заставив его или взбунтоваться, или опустить руки» [1, с. 9].

На формирование у граждан ложных представлений о целях и задачах специальной военной операции, негативного отношения к руководству страны, российским Вооруженным Силам и государственным органам, инспирирование протестных настроений и вовлечение граждан в деятельность по воспрепятствованию проводимой государством политики направлено и умышленное распространение заведомо ложной и дискредитирующей информации о реализации Российской государством военной функции по защите интересов страны, поддержанию международного мира и безопасности.

Являясь по своей сути идеологической пропагандой, данная деятельность нарушает базовое конституционное право российских граждан на получение достоверной информации, несет существенные криминальные вызовы для стабильности российского обще-

ства и устойчивости страны. В связи с этим установление в марте 2022 г. уголовной ответственности за дискредитацию и распространение дезинформации о деятельности российских Вооруженных Сил (впоследствии расширенной в отношении посягательств на информацию об исполнении полномочий государственными органами за пределами страны и оказании Вооруженным Силам РФ содействия добровольческими формированиями) явилось важной вехой в рамках деятельности российского законодателя по защите национальных интересов от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности, в частности по борьбе с современной антироссийской пропагандой [2, с. 68–70].

Криминализация рассматриваемых деяний вызвала определенный интерес в юридической литературе. Вопросы квалификации, уголовно-правовая характеристика распространения фейков о действиях российских военных и их дискредитации, основания криминализации деяний стали предметом исследований в работах А.М. Абдулатипова, А.В. Бриллиантова, Н.Н. Бугеры, В.В. Бычкова, Л.В. Дулькиной, О.Д. Жука, Я.Н. Ермоловича, И.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Кашина, А.Г. Кибальника, М.К. Кумышевой, А.А. Лихолетова, С.В. Мурадян, С.А. Пичугина, А.И. Родионова, А.В. Сумачева и ряда других авторов.

Вместе с тем по объективным причинам имеющиеся исследования осуществлены при отсутствии достаточного объема правоприменительной практики по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, формирование которой активно продолжается.

Так, следователями Следственного комитета РФ за 2022–2023 гг. по ст. 207.3 УК РФ возбуждено 303 уголовных дела о распространении заведомо ложных сведений о деятельности российских Вооруженных Сил, добровольцев и государственных органов и 99 дел по ст. 280.3 УК РФ об их дискредитации [3], российскими судами за тот же период осуждено 73 лица по ст. 207.3 УК РФ и 48 лиц по ст. 280.3 УК РФ [4].

При этом в ходе складывающейся следственной и судебной практики правоприменители сталкиваются со сложностями, связанными:

- с толкованием оценочных и достаточно общих терминов и формулировок, использованных при конструировании ст. 207.3, 280.3 УК РФ («заведомо ложная информация», «публичное распространение», «публичные действия», «публичные призывы», «дискредитация», «под видом достоверных сообщений»), законо-

дательные определения или судебные разъяснения которых для целей применения рассматриваемых норм отсутствуют;

- необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов, разграничения уголовно-наказуемой дискредитации от допустимой в гражданском обществе критики действий отдельных должностных лиц, органов военного управления или деятельности органов государственной власти;

- конкуренцией ст. 207.3 и 280.3 УК РФ между собой, а также в случаях распространения ложных сведений в отношении конкретных представителей российских Вооруженных Сил, добровольческих формирований и государственных органов конкуренцией ст. 207.3 УК РФ с деянием, предусмотренным ст. 128.1 УК РФ (клевета);

- отсутствием для целей ч. 3 ст. 207.3 УК РФ нормативно определенных четких критериев «тяжких последствий» и наоборот детальным, исчерпывающим перечнем последствий, необходимых для квалификации деяния по ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, что зауживает объективную сторону данных преступлений.

Поиск оптимальных путей решения возникающих на практике сложностей видится возможным путем научно-практического осмысления соответствующей проблематики.

В связи с этим в целях повышения эффективности уголовного преследования, реализации принципа неотвратимости наказания и предупреждения совершения новых преступлений рассматриваемой категории представляется актуальным проведение комплексных практикоориентированных научных исследований по проблемным вопросам уголовно-правовой охраны информации о деятельности российских Вооруженных Сил, добровольческих формирований и государственных органов по защите интересов страны, ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности.

Список источников

1. *Голик Ю.В.* Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11.
2. *Иванов А.Л., Савин П.Т.* Об изменениях в Уголовном кодексе РФ: выбор между свободой человека и безопасностью государства? // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2023. № 4. С. 66–74.

3. Статистические сведения Следственного комитета Российской Федерации за 2022–2023 годы. URL: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 05.06.2024).

4. Сведения отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (форма № 10-а) за 2022–2023 годы. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 05.06.2024).

Мещерякова Анна Федоровна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Правосудие»
Пензенского государственного университета*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу надзорной деятельности органов прокуратуры за исполнением законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности. Осуществление прокурорского надзора в данном контексте не является зарождающимся начинанием, а представляет собой сложившуюся и устоявшуюся практику. Центральное место в исследовании занимает эффективность применения нормативных правовых актов, регулирующих данные отношения, а также изучение некоторых аспектов прокурорского надзора в этой узкой области.*

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, экстремизм, религиозный экстремизм, национальная безопасность.*

Выбранная тема исследования приобретает значимость в современном контексте глобального макроэкономического кризиса. Данный кризис вызвал заметное обострение присущих современному обществу, в том числе и российскому, социальных противоречий, включающих национальность, расу, религию, пол, культуру, духовность, собственность и другие социальные измерения.

В этой обстановке государства и национальные общества подвергаются жесткой проверке на устойчивость и жизнеспособность. Эта проверка выходит за рамки воздействия внешних факторов и охватывает глубокое влияние упомянутых внутренних противоречий. Критические исследования служат лакмусовой бумажкой, определяющей прочность и устойчивость государства и общества на фоне многогранных социальных различий и глобальных экономических потрясений.

Статистические показатели деятельности органов прокуратуры в части надзора за исполнением законов о межнациональных отношениях и противодействии экстремизму демонстрировали рост с начала 2000-х гг. вплоть до 2023 г. [1].

Необходимо рассматривать данный всплеск в контексте более широкой картины экстремизма в российском обществе. Угроза экс-

тремизма проявляется во многих аспектах, включая, в частности, демографическую ситуацию в молодежной среде, национальную принадлежность, религиозность, и заметно усиливается в связи с проведением специальных военных операций на Украине.

Кроме того, внешнее давление, в частности в виде санкций, введенных коллективными западными государствами, в значительной степени способствовало росту политического экстремизма на внутренней почве.

В современном научном дискурсе понятие «экстремизм» предстает как предмет, омраченный отсутствием общепринятого и однозначного определения. Присущая ему неоднозначность подчеркивает расхождение точек зрения в мировом юридическом сообществе [2, с. 20].

Термин «экстремизм» восходит к своему латинскому прародителю – «крайний», который по своей сути передает непоколебимую приверженность радикальным взглядам и методикам. Экстремизм, как отпрыск слова «экстремальный», представляет собой обширную доктринальную базу и стратегический подход, тщательно разработанный для достижения социально-политических, религиозных и национальных целей средствами, противоречащими установленным правовым нормам. К таким запрещенным методам относятся незаконное применение силы, акты насилия, нарушение основных прав человека, посягательство на гражданские свободы.

В различных правовых системах подобные вопиющие деяния однозначно квалифицируются как уголовные преступления, в основе которых нередко лежат мотивы, основанные на враждебности и отвращении. Это подчеркивает, что экстремисты не только испытывают неприязнь к отдельным субъектам, но и питают глубокую вражду и презрение к конкретным национальным, религиозным или общинным группам.

Экстремисты, не являясь простыми исполнителями насилия или нарушителями закона, воплощают в себе архетип «идейных» злоумышленников, горячо отстаивающих праведность своего дела. Их образ действий, основанный на идеологическом рвении, закрепляет непоколебимую уверенность в правильности своей миссии [3, с. 706].

В сфере противодействия экстремистской деятельности организация прокурорского надзора выступает одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности.

Прокуратуре отводится ключевая роль в обеспечении строгого контроля за распространением информации экстремистского характера и механизмами вербовки, используемыми экстремистскими группировками. Меры прокурорского реагирования, направленные на выявление экстремистских тенденций в религиозных и общественных объединениях, имеют существенное значение как превентивная стратегия противодействия распространению экстремизма.

Упреждающая позиция становится особенно актуальной в связи с тем, что совершение противоправных действий лицами, связанными с экстремистскими организациями, влечет за собой правовые последствия, предусмотренные ст. 282 Уголовного кодекса РФ.

Так, Онгудайский районный суд вынес решение в пользу прокурора Республики Алтай по административному иску об отнесении религиозного объединения «Каракольская инициативная группа», именуемого также «Ак-Дян», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера», к экстремистским организациям [4].

Судебное решение стало итогом всестороннего расследования, проведенного прокуратурой. Были получены убедительные доказательства того, что члены религиозной общины совершили деяние, квалифицируемое по ст. 282 Уголовного кодекса РФ.

Они призывали к сокращению присутствия в регионе православных храмов, уничтожению буддийских организаций, включая, в частности, ООО «Ак Буркан», Общину Лотосовой сутры, Карма Кагью и другие, на территории Республики Алтай. Конечной целью выступало полное очищение данного субъекта РФ от этих религиозных символов и институтов.

За последние два десятилетия в Российской Федерации была сформирована необходимая правовая база для противодействия экстремистским проявлениям, что нашло отражение в своде антиэкстремистских законов. Вместе с тем наличие качественных законодательных норм в этой области, к сожалению, может столкнуться с неоптимальной практической реализацией, что снижает эффективность государственных усилий в данной сфере.

Уголовный кодекс РФ содержит множество положений, связанных с экстремистской деятельностью. Тем не менее существует дискуссия по поводу взаимосвязи и возможной избыточности положений ст. 205.2, 280, 280.1 и 282 УК РФ. По общему мнению экс-

пертов, приведенные статьи выполняют роль специализированных пунктов, дополняющих ст. 280 и содержащих более подробное описание составов преступлений.

Кроме того, следует обратить внимание на ч. 3 ст. 17 УК РФ, устанавливающую критерии выявления публичных призывов к подрыву территориальной целостности РФ и возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной вражды.

Эти действия подпадают под понятие «экстремистская деятельность» и могут быть отнесены законодателем к квалифицирующим признакам ч. 2 ст. 280 УК РФ, что позволило бы создать более стройную и последовательную структуру уголовного законодательства, исключить дублирование.

Удивительно, но соответствующая административная ответственность для юридических лиц, поддерживающих экстремистскую деятельность, отсутствует, хотя физические лица за аналогичные действия несут правовые последствия по ст. 282 УК РФ. Устранение этого несоответствия крайне важно для создания последовательной и всеобъемлющей правовой базы для борьбы с экстремизмом.

Таким образом, для повышения эффективности противодействия экстремизму в Российской Федерации необходимо провести тщательный анализ и доработку законодательства, касающегося экстремистской деятельности.

Реформы должны быть направлены на уточнение составов преступлений, устранение дублирования, обеспечение последовательности и согласованности уголовного и административного законодательства. Это позволит повысить эффективность и комплексность борьбы с экстремизмом в стране.

Для Российской Федерации крайне важно продолжать совершенствовать правовую базу и прокурорский надзор в соответствии с динамикой экстремистских угроз. Данный процесс будет играть ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и сохранении сплоченности общества перед лицом этих вызовов.

Список источников

1. Статистика МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.05.2024).

2. *Кафтан В.В.* Противодействие терроризму: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 261 с.

3. Гудков Ю.А., Филина Н.В. О противодействии экстремизму в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 8. № 11. С. 705–709.

4. Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай от 11 декабря 2018 г. по административному делу № 2а-331/2018. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/37708061> (дата обращения: 21.05.2024).

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Антропов Никита Алексеевич,
*аспирант кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ СПОРОВ О ПОДСУДНОСТИ МЕЖДУ СУДАМИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье исследуются аспекты, связанные с проблемами в области определения подсудности, в частности дел по корпоративным спорам и дел о наследовании доли участника общества с ограниченной ответственностью. Делается вывод о существующей потенциальной возможности нарушения единого образа в толковании и применении судами норм процессуально-го права о подсудности дел. Изучены подходы правоприменителя относительно определения подсудности споров данной категории и запрета споров о подсудности между судами в гражданском и арбитражном процессе.*

Ключевые слова: *запрет споров о подсудности, корпоративные споры, подведомственность, подсудность, экономические споры.*

Согласно положениям процессуальных кодексов, споры о подсудности между судами являются недопустимыми [1, 2]. Несмотря на понятность на первый взгляд данного положения, споры о подсудности возникают не только между судами одного звена, но и между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Запрет споров о подсудности, безусловно, коррелирует с гарантией, предусмотренной Основным Законом РФ, о судебной защите [3]. В противном случае споры органов судебной власти лишали бы граждан и организации данного права.

Одной из наиболее показательных ситуаций, при которых могут возникать споры о подсудности между судами различных зве-

ньев, выступают случаи рассмотрения дел о наследовании доли участника общества с ограниченной ответственностью. Из анализа ст. 225.1. и ст. 38 АПК РФ споры, связанные с принадлежностью долей обществ, составляют предмет ведения исключительной подсудности арбитражных судов. Разъяснения высших судов, которыми руководствуются нижестоящие суды при вынесении определений и установлении подсудности, не позволяют однозначно сделать вывод об относимости дела к случаям исключительной подсудности. Несовершенство юридической конструкции, изложенной в АПК РФ, неоднократно отмечалось правоведами, в том числе еще о существующей на тот момент подведомственности дел, до замены ее терминами «подсудность» и «компетенция» [4, с. 70–71].

Так, согласно позиции Верховного Суда РФ, судам общей юрисдикции подведомственны дела, которые возникают из наследственных правоотношений, в том числе по спорам о наследовании доли участника общества и выплатам действительной стоимости доли [5].

При этом, согласно постановлению Президиума ВАС от 10 сентября 2013 г. № 2332/13, АПК РФ не исключает из подведомственности арбитражных судов споры по требованиям о выплате действительной стоимости доли умершего участника его наследнику. Кроме того, данные вопросы урегулированы не нормами ГК РФ, а Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6].

Проблема также заключается в том, что, несмотря на возможность рассмотрения корпоративных споров в судах общей юрисдикции, в ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, отсутствуют нормы, которые должны регулировать данные правоотношения.

С учетом позиции Верховного Суда РФ при рассмотрении корпоративных споров в судах общей юрисдикции по аналогии закона могут быть применены нормы АПК РФ, регулирующие рассмотрение корпоративных споров [7].

Следует отметить, что обстоятельство, при котором арбитражному судопроизводству свойственно применение конкретных норм для разрешения корпоративных споров, а гражданскому судопроизводству характерно как применение норм, предусмотренных АПК РФ, по аналогии закона, так и норм искового производства, предусмотренных ГПК РФ, неизбежно влечет не только отсутствие единообразия рассмотрения данных споров в судах общей юрис-

дикции, но и отсутствие единообразной практики по корпоративным спорам в целом.

С большой долей вероятности можно предположить, что суды общей юрисдикции при рассмотрении данного рода споров будут применять наиболее привычные для себя нормы, в то время как арбитражные суды ограничены, что проблематично назвать законодательным упущением, исключительно применением специализированных норм. Кроме того, передача дел о наследовании доли участника общества с ограниченной ответственностью в суды общей юрисдикции, на наш взгляд, представляется весьма сомнительной. Несмотря на двойственность правовой природы данного спора, которая включает в себя в том числе вопросы наследования, можно утверждать, что практика арбитражных судов по рассмотрению споров, так или иначе относящаяся к категории корпоративных, более разработанная. Безусловно, конкуренция судов по решению данных споров обусловлена прежде всего системой судов в Российской Федерации.

Возвращаясь к вопросу определения подсудности споров о наследовании доли участника общества с ограниченной ответственностью, следует обратиться к обзору судебной практики Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ характеризует данные споры как возникающие из наследственных правоотношений, а следовательно, с учетом норм ГПК РФ, относятся к ведению судов общей юрисдикции независимо от субъектного состава [8].

Таким образом, существующая на сегодняшний день потенциальная возможность нарушения единообразия в толковании и применения судами норм процессуального права о подсудности дел сдерживается постановлениями и разъяснениями высших судов. Руководствуясь данными указаниями, трактовка процессуальных норм фактически приравнивается нижестоящими судами к самим процессуальными нормам, вследствие чего правила становятся обязательными для дальнейшего применения при рассмотрении аналогичных дел. Обязанность судов принять к рассмотрению дело, переданное из другого суда, ставит точку в решении данного вопроса.

В заключение следует отметить, что цель правил о подсудности не сводится только к географическому распределению спорных правоотношений и распределению равномерной нагрузки на органы судебной власти. Ограничение споров о подсудности между судами, обязанность суда рассмотреть по существу дело, направ-

ленное из другого суда, обеспечивает также гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2023. № 12, ст. 1893.

2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30 марта 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

4. *Виноградская Н.Ф., Якимов А.А.* К вопросу о подведомственности корпоративных споров в новом Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2003. № 8.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. № 127.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 10 сентября 2013 г. № 2332/13 по делу № А08-5402/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.

Громозова Ольга Юрьевна,
*адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

РЕАЛИЗАЦИЯ БРЕМЕНИ (ПРИНЦИПА) ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению вопроса добросовестности как важнейшего принципа гражданского права. В статье проводится анализ о недобросовестности и ее доказывании, а также об использовании ссылок на недобросовестное поведение. В статье также исследуются практические аспекты добросовестности, которые связаны с оценкой добросовестности в современных реалиях. Важнейший тезис – понимание и оценка добросовестности должна оставаться в центре внимания как для участников гражданского оборота, так и для судов.*

Ключевые слова: *добросовестность, гражданские правоотношения, договорные обязательства, недобросовестность, корпоративные споры.*

Согласно п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются [1]. Законодатель, вводя категорию «добросовестность» в качестве основополагающего принципа цивилистических отношений, возложил обязанность оценивания добросовестного поведения и обратного от него недобросовестного как на суд, так и на участников гражданского судопроизводства. Научная квалификация добросовестности как бремени основана принципиальным подходом регуляции и охраны гражданских правоотношений, а также пониманием того, на чем основана сущность обязательства [2, с. 78].

Тем не менее категория добросовестности в последние годы особенно востребована в правоприменении и доктрине, причем трактовка данной категории в контексте самостоятельного принципа притягивает цивилистов к обсуждению легальности и законности контекста применения принципа добросовестности в частных случаях.

Законодатель исходит из того, что стороны гражданских правоотношений действуют добросовестно, при этом границы такого поведения ограничены запретом на действия с целью причинения вреда другому лицу, а также в обход закона с заведомо противоправным интересом недобросовестно осуществлять свои права. Таким образом, все остальные действия участников правоотношений – добросовестные.

В последние годы в разрешении гражданских споров все чаще наблюдается тенденция ссылаться на недобросовестное поведение и злоупотребление правом участниками гражданского оборота. Наиболее часто вопрос недобросовестности одного из участников ставится в делах, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств, а также в корпоративных и банкротных спорах. Данная тенденция означает стремление судей комплексно изучать субъективную сторону поведения каждого из участников спора, выясняя факт возможного недобросовестного поведения, однако проблема заключается в том, что определение степени добросовестности лица – это сложная задача, реализуемая судом под риском допущения ошибки в виде неверного судебного акта.

Практический интерес составляет добросовестное поведение участников гражданского оборота, основанное на общеизвестных фактах, не требующих доказывания в судебном процессе. Е.В. Васьковский утверждал, что общеизвестные факты не нуждаются в доказывании, потому как отрицание их либо прямо нелепо, либо вызывается недобросовестным желанием затянуть производство [3, с. 364; 4]. Например, в эпоху активного внедрения Интернета в мировое сообщество встает вопрос об общеизвестности информации, размещенной в мировой сети. Сведения, содержащиеся в новостных сводках средств массовой информации, могут быть признаны общеизвестным фактом в случае, если они обладают объективным характером и известны широкому кругу лиц. Суд же о данном факте может узнать и в ходе процесса, затем признавая или не признавая его общеизвестным. Одним из наиболее классических примеров, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств, является пандемия COVID-19. До соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ суды сталкивались с проблемами понимания пандемии в юридическом смысле. Суд не всегда готов верить информации, размещенной в Интернете. Верховный суд Чувашской Республики не признал

размещенную на сайте информацию о создании политической партии и проведения съезда этой партией общеизвестным фактом [5].

Добросовестность лица, ссылающегося на общеизвестный факт, также требует объективной оценки суда. Автор видит очевидную проблему, связанную с чрезмерными ссылками участников гражданского судопроизводства на злоупотребление правом или недобросовестное поведение без соответствующих оснований. Это влечет за собой потерю смысла добросовестности, закрепленной в материальном праве. Нередко, за обращением к недобросовестности оппонента кроется отсутствие объективной позиции, основанной на доказательственной базе. При наличии точной правовой позиции одной из сторон вторая сторона ссылается на недобросовестность, чтобы обратить внимание суда на мнимое усложнение простого дела под предлогом злоупотребления или недобросовестности.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Кузбагаров Э.А.* Принуждение в гражданском праве в публичном интересе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 186 с.
3. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. 2-е изд. М., 1917.
4. Гражданский процесс. Хрестоматия / под ред. М.К. Треушников. М., 2005. 429 с.
5. Решение Верховного Суда Чувашской Республики от 28 ноября 2011 г. по делу № 3-59/2011. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/468576009> (дата обращения: 01.06.2024).

Карпова Анастасия Алексеевна,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной юридической академии*

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕДЪЯВЛЕНИЕМ И РАССМОТРЕНИЕМ ИСКА ИНОГО ЛИЦА О ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ К ЕЕ СТОРОНАМ, И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям правового регулирования исков о применении последствий недействительности сделок, предъявляемых иным лицом к ее сторонам. Автор, отмечая значительное множество подобных исков и отсутствие единого законодательного и правоприменительного подхода к их пониманию и рассмотрению, приходит к выводу о том, что вся их совокупность может быть разделена на две большие группы в зависимости от законного интереса истца и вектора направленности по отношению к реституруемому имуществу.*

Ключевые слова: *иск о применении последствий недействительности сделки, недействительность сделки, реституционное правоотношение, реституционный иск, косвенный иск.*

Иск о применении последствий недействительности сделки (далее также «реституционный иск») иного лица, не являющегося стороной сделки, часто встречается в судебной практике, однако требует более пристального доктринального внимания. Если из п. 3 ст. 166 ГК РФ непосредственно следует, что иск о применении последствий ничтожной сделки может быть инициирован иным лицом (в случаях, регламентированных законом), то в части таковой возможности иного лица по иску о применении последствий недействительности оспоримой сделки материальный закон молчалив.

Из п. 2 ст. 166 ГК РФ, ст. 173, 173.1, 174 ГК РФ следует, что иное лицо вправе оспорить недействительную сделку, однако отсутствуют какие-либо указания на его право предъявить также иск о применении последствий ее недействительности. Аналогично, право иного лица оспорить сделку закрепляется в ч. 4 ст. 46 Федерально-го закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограничен-

ной ответственностью», в ч. 6 ст. 79 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», в абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ и т.д. При этом отдельная норма, предусматривающая право иного лица инициировать сопутствующий иск о применении последствий недействительности оспоримой сделки в соответствующих законах, как правило, отсутствует¹. Возможно, это стоит объяснить некой негласной отсылкой к положениям ст. 12 ГК РФ, где в качестве способа защиты указано именно «признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности».

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 января 2019 г. № 305-ЭС18-12295 по делу № А40-126677/2017 признано, что ответ на вопрос о праве иного лица заявить реституционный иск обусловлен обстоятельствами рассматриваемого дела и нормами, которые регулируют «правоотношения истца со сторонами оспариваемой сделки», а признание за истцом материально-правового интереса в оспаривании сделки и права на удовлетворение такого иска в этой части означает и интерес истца на заявление реституционных требований.

Примеры реституционных исков иного лица многообразны: это и иски участников корпорации, и кредиторов (уполномоченных органов) или арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), и иски из семейных или наследственных правоотношений. Иск иного лица широко используется в целях внеконкурсного оспаривания, основы которого в российском частном праве заложены развивающейся доктриной и судебной практикой, в отсутствие четкой законодательной регламентации [1, с. 818; 2, с. 105–112; 3, с. 8–54].

В то же время ситуация осложняется тем, что норма п. 3 ст. 166 ГК РФ о праве иного лица инициировать реституционный иск из ничтожной сделки истолкована настолько расширительно в абз. 2 п. 78 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», что, по сути, указанное разъяснение носит нормотворческий характер и «открывает» ее для широкого применения любого заинтересованного лица.

¹ Напротив, в АПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 225.1) в качестве исков в рамках корпоративных споров указан не только иск о признании сделки недействительной, но и иск о применении последствий недействительности.

Д.О. Тузов полагает, что интерес в иске по п. 3 ст. 166 ГК РФ может быть только у субъекта реституционного притязания, т.е. лица, осуществившего предоставление по недействительной сделке и приобретшего в силу этого право требования против другой стороны, а также у его универсального или сингулярного правопреемника [4, с. 114–116].

Действительно, предметом иска о присуждении является материально-правовое требование истца к ответчику [5, с. 593, 595]. В рассматриваемой ситуации, напротив, реституционные материально-правовые требования к сторонам недействительной сделки предъявляются иным лицом, при этом не в отношении себя, а в отношении одной стороны сделки к другой стороне и (или) в обратном направлении.

При иницировании реституционных исков иным лицом возникают значительные процессуальные сложности¹: сама фигура истца, не имеющего самостоятельного материально-правового требования к ответчикам, но иницирующего иск о присуждении, в данном случае вызывает обоснованные вопросы. Помимо этого, возникают сложности при исполнении соответствующего решения: взыскателем и должником должны быть указаны стороны реституционного правоотношения в каждом из выданных исполнительных листов, а истец, не являясь стороной исполнительного производства, не имеет возможности влиять на его ход и предъявлять соответствующие исполнительные листы к исполнению. В связи с этим важно признать, что разработка доктринальных основ внеконкурсного оспаривания и других реституционных исков иных лиц не может осуществляться в отрыве от цивилистического процесса.

Одним из направлений, которое, как видится, можно развивать в вопросе урегулирования подобных исков, – это их разделение по группам, в зависимости от сути законного интереса истца и вектора его направленности по отношению к реститулируемому имуществу.

1. Иное лицо иницирует иск не столько в целях возврата имущества, выбывшего по оспариваемой сделке, сколько в целях восстановления имущественной сферы одной из сторон данной сдел-

¹ В данном абзаце речь не идет об исках из корпоративных споров и исках в рамках обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве), поскольку они имеют собственное правовое регулирование и процессуальные особенности рассмотрения.

ки, т.е., образно говоря, намеревается возвратить в прежнее состояние некую имущественную общность (конкурсная масса, наследственная масса, имущественная масса корпорации, имущественная масса совместных собственников).

2. Иное лицо является кредитором в правоотношении с одной из сторон оспариваемой сделки и реституционный иск используется как инструмент возврата спорного имущества в собственность своего должника и последующего обращения взыскания на данное имущество (внеконкурсное оспаривание), т.е. законный интерес истца сужен именно до пределов конкретного имущественного блага, которое неправомерно было отчуждено одной из сторон по данной сделке.

Резонно предположить, что первый из рассмотренных случаев в целом должен быть процессуально обобщен: необходима разработка общих и частных особенностей соответствующих исков, определение их расположения в координатах «косвенный иск – прямой иск», правового статуса иного лица, а также особенностей рассмотрения и исполнения решений по ним.

Напротив, во втором случае обращение с подобным иском используется для создания правовых оснований удовлетворения последующих материально-правовых притязаний к одной из сторон сделки. Представляется, что для данной ситуации (при отсутствии фактов действия контрагента должника с умыслом причинения вреда его кредиторам) положено другое нормативное регулирование, которым, возможно, будет предусмотрен такой вариант, как прямой иск к приобретателю имущества по сделке [6, 7] или расширение полномочий судебного пристава-исполнителя, регламентированных положениями ст. 77 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в виде права на обращение в суд с реституционным иском [8].

Список источников

1. *Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. и др.* Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

2. *Свириденко О.М.* Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15(2). С. 105–112.

3. *Усачева К.А.* Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54.

4. *Тузов Д.О.* Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007. 206 с.

5. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1913. 692 с.

6. О специальных способах защиты кредиторов по французскому гражданскому законодательству см. подробнее: *Маковская А.А.* Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 8. С. 76–101.

7. *Усачева К.А.* Внеконкурсное оспаривание во французском праве: до и после реформы // Закон. 2017. № 12. С. 187–192.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12 октября 2021 г. № 307-ЭС21-18165 по делу № А13-8449/19 // СПС «КонсультантПлюс».

Свирин Юрий Александрович,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
академик РАЕН, почетный адвокат России*

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация. *Автором проанализировано современное состояние третейского разбирательства в системе мер защиты прав и законных интересов граждан в Российской Федерации, распространенность рассмотрения дел в рамках третейского разбирательства. Выявлены достоинства рассмотрения спора в третейском суде. Указаны причины, препятствующие развитию института арбитража в России. Выдвинуты предложения, устраняющие факторы торможения оптимизации правосудия.*

Ключевые слова: *третейское разбирательство, арбитражный сбор, контроль, решения, Министерство юстиции РФ, Верховный Суд РФ.*

Провозглашенный Верховным Судом РФ в 2017 г. и реализуемый в законе № 451-ФЗ курс на оптимизацию правосудия не принес положительных результатов. Количество дел, рассматриваемых судами, постоянно возрастает, а досудебные процедуры в силу разных причин не используются субъектами спора. Так, объем работы судов по гражданским делам в 2023 г. увеличился на 11 % по сравнению с предыдущим годом.

Чтобы изменить данную ситуацию, в 2019 г. приказом Министерства юстиции России был образован Совет по совершенствованию третейского разбирательства под председательством Министра юстиции РФ. Несмотря на сложности имплементации арбитража в механизм защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в настоящее время в России образованы и успешно работают семь постоянно действующих арбитражных учреждений, не считая третейских судов ad hoc. Наибольшее число споров в 2023 г. было рассмотрено в следующих арбитражных учреждениях:

1. Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ

в 2023 г. рассмотрели 521 спор. Несмотря на СВО, в третейский суд России за разрешением споров обратились компании из 48 стран.

2. Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей в 2023 г. рассмотрел 545 споров. В арбитражном центре создана информационная среда с использованием искусственного интеллекта ArbCloud, позволяющая подать документы в суд, а также знакомиться с ними в режиме онлайн. В 2023 г. в режиме онлайн было рассмотрено 271 дело. Два решения были изготовлены в виде электронного документа, подписанного усиленной электронной подписью.

3. Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России» рассмотрело 598 исковых заявлений.

В 2023 г. только постоянно действующими арбитражными учреждениями было разрешено 2 249 споров, что на 17 % больше, чем в 2022 г. Из анализа статистических данных Верховного Суда РФ следует, что в 2023 г. в государственных судах было рассмотрено 5 465 заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов. Сопоставив эти цифры с количеством исковых заявлений, рассмотренных постоянно действующими арбитражными учреждениями, мы увидим, что судами ad hoc в год рассматривается примерно такое же количество споров, как и постоянно действующими арбитражными учреждениями. Несмотря на рост дел, рассматриваемых в рамках арбитража, их удельный вес в общем количестве споров, разрешаемых государственными, судами ничтожно мал. Например, в 2022 г. государственными судами было рассмотрено 25,7 млн гражданских дел. Таким образом, доля дел, рассмотренных третейскими судами, от общего количества дел, рассмотренных государственными судами, составляет всего 0,021 %.

К одной из причин, которые мешают субъектам спорных отношений, полагающих свое право нарушенным, обращаться за разрешением спора в арбитраж, можно отнести недостаточную информационную среду популяризации рассмотрения дела в порядке арбитража. Между тем рассмотрение спора в третейском суде имеет ряд преимуществ:

1) решения третейского суда после начала СВО принудительно исполняются в зарубежных юрисдикциях, в то время как решения государственных судов во многих странах принудительно исполнить невозможно;

2) в рамках арбитража дела рассматриваются в более короткие сроки по сравнению с государственными судами, а соответственно, происходит более быстрое восстановление нарушенных прав одной из сторон спора;

3) конфиденциальный (закрытый) характер разрешения споров, рассматриваемых в порядке арбитража;

4) к достоинствам арбитража следует отнести и повышенный арбитражный сбор по сравнению с государственной пошлиной, уплачиваемой при рассмотрении дела в государственном суде. К такому мнению пришел Арбитражный суд г. Москвы по делу № А40-289482/21-130-1992 от 21 апреля 2022 г., указав, что арбитражный сбор и порядок его распределения между сторонами побуждает до подачи иска предпринять меры по самостоятельному урегулированию спора и предотвращает предъявление необоснованных исков, сокращая размер издержек сторон;

5) отсутствие в арбитраже института апелляции и кассации, в силу чего решение третейского суда вступает в силу немедленно. Таким образом, отсутствует проверка и пересмотр таких решений по существу;

6) упрощенный порядок сбора и представления доказательств;

7) отсутствие информации о принятых арбитражных решениях;

8) третейские судьи не связаны правовой позицией Верховного Суда РФ в части уменьшения процентов в рамках ст. 333 ГК РФ, поэтому проценты взыскиваются гораздо в большем объеме, чем при рассмотрении спора в государственном суде.

Несмотря на актуальность развития арбитража, имеются причины, которые тормозят развитие данного института в России. К таким причинам следует отнести следующие:

1. Отсутствие возможности прямого принудительного исполнения решения третейского суда, без обращения в государственный суд. Однако такое право следует предоставить только постоянно действующим арбитражным учреждениям. Как указывается в литературе, прямое принудительное исполнение решения третейского суда сочетается с принципом правовой определенности [1, с. 170], поскольку в отличие от судебного процесса в государственных судах не требуется апелляция и кассация.

2. Нуждается в корректировке институт обеспечительных мер в третейском разбирательстве. В литературе этот вопрос поднимается уже несколько лет, однако законодатель не спешит изменить

существующее правовое регулирование. В настоящее время определение третейского суда о наложении обеспечительных мер может исполняться только добровольно сторонами. Было бы оправданным наделить постоянно действующие арбитражные учреждения правом выносить определения о наложении обеспечительных мер, придав такому определению силу исполнительного документа. Не можем согласиться с В.П. Сорокиным, который указывает, что обеспечительные меры даже в рамках третейского разбирательства должны применяться исключительно государственными судами [2, с. 72]. Однако и здесь такое право следует предоставить только постоянно действующим арбитражным учреждениям.

3. В настоящее время контроль за арбитражом со стороны государственного суда ведется по трем направлениям. Во-первых, государственный суд осуществляет проверку решения третейского суда при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. В рамках данного судопроизводства государственный суд обязан проверить процедуру принятия решения третейским судом, т.к. решения третейских судов принимаются на согласованных условиях. Второй контроль состоит в виде процедуры оспаривания решений третейских судов. Третье направление – это предварительный контроль в виде оспаривания постановления третейского суда о наличии у него компетенции. Первый контроль полностью поглощает второй и третий и было бы целесообразно их исключить из закона. Три вида контроля со стороны государственного суда за третейскими судами представляется институциональным излишеством и влечет необоснованное увеличение сроков восстановления нарушенного права.

Более жесткий контроль за третейскими судами был необходим ранее со стороны государственного суда, поскольку третейские суды создавались и действовали на основании Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и, как справедливо замечает П.В. Крашенинников, закон 2002 г. исходил из предельно либерального порядка создания арбитражных институций, которые могли учреждаться практически при любом юридическом лице и такой режим создания третейских судов не был способен противодействовать появлению псевдо-, или «карманных» третейских институций [3]. В настоящее время деятельность постоянно действующих арбитражных учреждений контролируется также со стороны Министерства юстиции РФ.

4. Необходимо также предусмотреть в законе положение, согласно которому придать решению постоянно действующего арбитражного учреждения преюдициальную силу. Обстоятельства, установленные решением постоянно действующего арбитражного учреждения, не должны доказываться вновь при другом рассмотрении дела между теми же сторонами как в третейском суде, так и в государственном суде.

Список источников

1. *Свирин Ю.А.* Размышление о гражданском процессе. М.: Прометей, 2022.
2. *Сорокин В.П.* Вопрос об обеспечительных мерах в третейском разбирательстве: способы решения // Вестник арбитражного суда Московского округа. 2022. № 1.
3. *Крашенинников П.В.* Гражданское процессуальное право. Особенная часть. Производство по отдельным категориям: учебник: в 2 т. М.: Статут, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Тимофеев Евгений Игоревич,
*директор юридической клиники «Фемида»,
преподаватель кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса
Алтайского государственного университета*

СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕЖИМА ПРОВЕРОЧНЫХ ИНСТАНЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу средств режима проверочных инстанций в гражданском процессе. Автор акцентирует внимание на правовом воздействии процессуальных сроков на участников судопроизводства. В статье раскрываются проблемы поддержания дисциплины и необходимой жесткости режима в части соблюдения сроков обжалования, а также в контексте противодействия злоупотреблению процессуальными правами в целях затягивания судебного процесса. Предлагаются изменения процессуальной формы для создания оптимального баланса интересов сторон и правосудия.*

Ключевые слова: *процессуальный режим, обжалование, проверочная инстанция, стимулы, ограничения.*

При необходимости гарантирования реализации права на судебную защиту государство не заинтересовано в большом количестве обжалований судебных актов и их сложной процедуре в связи ограниченным количеством имеющихся организационных ресурсов. Кроме того, в данном вопросе важно соблюдение баланса между принципами, с одной стороны, правовой определенности и процессуальной экономии, а с другой – истинности и законности [1, с. 102–131]. В поиске баланса интересов законодатель использует режимные средства стимулирования и ограничения прав участников процесса при обжаловании актов судов нижестоящих инстанций.

Общее право на обжалование актов судов в гражданском процессе в порядке апелляционного (ст. 320 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – далее ГПК РФ), кассационного (ст. 376, 390.2 ГПК РФ) и надзорного (391.1 ГПК РФ) производства имеет свои предпосылки и условия для реализации, в том числе требования к содержанию и форме соответствующих жалоб. Одним из основных режимных средств в этой части являются

законные сроки. Они вносят элемент процессуальной дисциплины: ограничивают возможность обжалования конкретными временными рамками, при этом стимулируя участников на ускоренное выявление имеющихся возражений по законности и обоснованности судебных актов, противодействуют волоките [2, с. 433].

Одной из проблем имеющегося режима обжалования судебных актов является его размягчение в части ослабления проверки требований при восстановлении сроков на обжалование актов судами, что является ошибочным [3]. В таком случае суды, в том числе, стараются минимизировать риски обжалования определения об отказе в восстановлении сроков, в частности, в случаях допущения судебных ошибок в части делопроизводства (времени составления и направления мотивированного судебного акта участникам). Верховный Суд РФ указывал на данную проблему в контексте необходимости учета действительного момента составления итогового решения [4, п. 17].

В данном случае должны учитываться, с одной стороны, пределы использования института восстановления сроков и необходимость более строгого подхода к учету обстоятельств, свидетельствующих об уважительности причин пропуска сроков; с другой – объективные для лица обстоятельства невозможности составления жалобы и возможные судебные ошибки. В связи с этим положительный эффект может иметь введение правила о начале отчета сроков на обжалование судебных актов с момента направления итогового акта или его поступления заинтересованному лицу, что сгладит влияние судебных и почтовых ошибок на пропуск процессуального срока [5, с. 89].

Немаловажной проблемой является злоупотребление сроками со стороны заинтересованных лиц. Учитывая, что латентность данных явлений достаточно высока, отсутствуют механизмы противодействия злоупотреблению в части намеренного несоблюдения требований к форме и содержанию жалобы в целях ее оставления без движения. Проследить действительный неправомерный интерес лица в затягивании таких сроков достаточно сложно, так как это может быть обосновано действительным отсутствием документов, техническими ошибками и юридической неграмотностью заинтересованного лица.

Решение указанной проблемы лежит в плоскости воздействия на поведение заинтересованных лиц через имеющийся интерес, цели, средства и результат поведения. Лишение недобросовест-

ных участников возможностей по затягиванию процесса приведет к отказу от намеренного затягивания спора. Возможным вариантом решения указанной проблемы является правило о принятии к производству дел даже в случае несоблюдения формальных требований к заявлению с необходимостью исправления недостатков в установленные сроки или к первому судебному заседанию. В таком случае сроки на исправление недостатков не будут теряться, а будут включены в общий срок рассмотрения дела. В отношении лиц, не выполнивших требования суда об исправлении недостатков, будет применяться институт оставления без рассмотрения.

Одна из возможностей затягивания рассмотрения спора возникает при намеренной подаче жалобы в суд второй инстанции, неуполномоченный на совершение действий в рамках ст. 325 ГПК РФ. Данный вопрос сохраняет свою важность на фоне отсутствия сроков на направление дела из суда второй в суд первой инстанции при подаче жалобы непосредственно в апелляционную инстанцию. При исследовании данного вопроса большое значение занимает необходимость четкой законодательной регламентации сроков направления дела между судами первой и второй инстанции [6, с. 45–47].

В заключении необходимо отметить, что режим проверочных инстанций в гражданском судопроизводстве должен обеспечивать необходимую степень жесткости и дисциплины, не допускать злоупотреблений участников процесса, а также необоснованных пропусков процессуальных сроков. В связи с этим особую значимость приобретают средства процессуальных режимов, позволяющие создать необходимую степень благоприятствования и учесть интересы заинтересованных лиц и правосудия.

Список источников

1. *Рехтина И.В.* Правовая определенность в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2021. 448 с.
2. *Чечина Н.А.* Избранные труды по гражданскому процессу: научное издание / сост. Е.Ю. Новиков, Н.С. Лосев. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 656 с.
3. *Афанасьева Т.И.* Восстановление срока для апелляционного обжалования в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 43–46; № 7. С. 48–53.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

5. *Сметанников А.Е.* Процессуальный режим деятельности апелляционной инстанции в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 178 с.

6. *Тимофеев Е.И.* Особенности режима обжалования определений судов в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 43–47.

Фомина Ольга Юрьевна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ В СУДЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу соотношения имеющегося в материальном законодательстве понятия «интерес будущих поколений» с существующими процессуальными механизмами защиты интересов лиц, которые сами по объективным причинам не в состоянии обратиться в суд. Автор рассуждает о возможной совокупности искомых фактов, особенностях процесса доказывания и принятия судом решения в случае обращения в суд с иском заявлением в защиту интересов будущих поколений.*

Ключевые слова: *юридический интерес, будущие поколения, гражданский процесс, социальная солидарность, межпоколенческая солидарность.*

Ответственность перед поколением будущего за свою Родину упоминается в преамбуле Конституции РФ. Это обстоятельство неизбежно порождает вопросы о том, как следует поступать в случае, если интересы ныне живущего поколения могут противоречить интересам поколений будущих.

Новеллы конституционного законодательства 2020 г. подтвердили потребность в осмыслении некоторых принципов и ценностей, что привело к появлению экономической, политической и социальной солидарности в ст. 75.1 Конституции РФ. В информации Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)», одобренной решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г., раскрывается понимание указанных видов солидарности, а также упоминается солидарность поколений (межпоколенческая солидарность) [1].

Конструкция интересов будущих поколений не является новой и для федерального законодательства, касающегося охраны окружающей среды, недр, объектов культурного наследия, а также

утверждаемых Президентом РФ и Правительством РФ концепций, связанных с внешней политикой, экологией, климатическими доктринами и др.¹ Кроме того, активно развивающаяся сфера биомедицины, геномных исследований ставит все новые вопросы как в области этики, так и в области права.

Поскольку в части рассмотрения правовых вопросов об интересах будущих поколений речь идет о возможном причинении вреда в будущем, возникает сразу несколько вопросов: какова сущность рассматриваемого правового конфликта и какие нормы материального права будут подлежать применению; кто является субъектом правоотношений; какие факты будут входить в предмет доказывания, кто и в каком объеме будет нести бремя доказывания и какие средства доказывания будут являться допустимыми [2, с. 108]?

В ситуации, когда с очевидностью отсутствует возможность проявления инициативы по возбуждению дела в суде самими юридически заинтересованными лицами, остро встает вопрос о возможности использования имеющихся процессуальных механизмов обращения в суд в защиту чужих интересов.

В настоящее время цивилистическое процессуальное законодательство закрепляет право на обращение в суд в защиту чужих интересов за прокурором, государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и гражданами (ст. 45, 46 ГПК РФ; ст. 52, 53 АПК РФ; ст. 39, 40 КАС РФ). При этом такое право зависит либо от прямого указания в законе, либо от инициативы самого лица, и во всех случаях от процессуальной правоспособности потенциального истца. Кроме того, существенное значение имеет и то, как будет определен защищаемый «интерес»: отдельного гражданина, неопределенного круга лиц, публичный интерес или иной.

В доктрине также было сформулировано понятие общественного интереса, под которым следует понимать как интересы глобального общества, обществ – населений отдельных государств,

¹ См., например: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации»; распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».

так и интересы отдельных социальных общностей [3, с. 16–17]. Представляется, что защита в суде интересов будущих поколений гармонично согласуется с предложенным понятием общественно-го интереса. О защите общественного интереса может идти речь, когда иск предъявлен в суд в интересах неопределенного круга лиц, если при этом не преобладают частные интересы.

Определенно, когда речь идет о каких-либо интересах будущих поколений (детей, как родившихся, так и еще нет, в целом последующих поколений, количество которых не поддается прогнозированию), говорить о защите исключительно личных интересов не приходится. По делам, связанным с потенциальной опасностью какой-либо деятельности для неопределенного круга лиц, защищаются не столько частные, сколько общественные или публичные интересы [2, с. 112].

Прослеживается теоретическая возможность обращения в суд в защиту интересов будущих поколений прокурора или иных уполномоченных государственных органов и должностных лиц. Сразу возникает вопрос о дальнейшей судьбе подобного иска: как именно суд должен его рассматривать и как принимать решение, если возникнет противоречие с интересами поколения нынешнего?

Поскольку в процессе рассмотрения дела может быть установлен как противоправный, так и правомерный характер осуществляемой деятельности, которая в перспективе с той или иной долей вероятности может причинить вред в будущем, суду придется устанавливать и оценивать такую вероятность с учетом ее реального, а не гипотетического характера. Кроме того, необходимо будет соответствие продолжения такой деятельности общественным интересам.

Среди возможных средств доказывания наиболее подходящими выглядят заключения экспертов, консультации специалистов (в области медицины, биоэтики, генетики, экологии, психологии и др.), результаты мониторинга того или иного вида деятельности, окружающей среды, результаты моделирования и др. [2, с. 114]

Оценивать вероятность причинения вреда в будущем и его соотношение с интересами настоящего дня суд будет по своему внутреннему убеждению, которое должно основываться не только на нормах права, но и на этических правилах. Философы также не приходят к единому мнению по рассматриваемым вопросам. В доктрине отмечается, что в человеческом опыте преобладает убеждение о важности и определенном моральном значении инте-

ресов тех людей, которые еще не существуют, но когда-нибудь придут нам на смену [4, с. 230]. При этом существуют и прямо противоположные позиции, которые базируются на тезисах о «неопределенности» и «возможности» людей будущих поколений, у которых прав еще нет, в связи с чем их нарушение становится невозможным и т.д. [4, с. 248–249]

Таким образом, отмеченные в Конституции РФ ценности и динамично развивающееся материальное законодательство ставят перед процессуальной наукой целый ряд вопросов в связи с необходимостью защиты интересов будущих поколений: от надлежащего определения характера защищаемого юридического интереса и правильного предмета доказывания до факторов, определяющих внутреннее убеждение судьи при принятии сложного решения.

Список источников

1. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Мохов А.А.* Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 105–120.
3. *Туманов Д.А.* Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 549 с.
4. *Прокофьев А.В.* Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) // Этическая мысль. Вып. 8. М., 2008. 264 с.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Алехина Анастасия Олеговна,
*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Петрозаводского государственного университета*

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОБЛЮДЕНИЕ БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЛИЧНОЙ СВОБОДОЙ

Аннотация. *Статья посвящена этическим аспектам применения технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности в контексте соблюдения баланса между безопасностью общества и личной свободой гражданина. Проведен анализ положений Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, сделан вывод о необходимости внесения в него ряда изменений, касающихся ответственности субъектов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, этика, безопасность, личная свобода, уголовно-процессуальная деятельность, кодекс этики.*

Глобальная цифровизация, искусственный интеллект и его технологии, квантовые технологии – это наша сегодняшняя и будущая реальность. Государство, осознавая всю важность изменений, которые последуют за повсеместным внедрением указанных технологий в государственный сектор, внесло в феврале 2024 г. изменения в основной документ, регулирующий искусственный интеллект в Российской Федерации, – Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период 2030 г. [1] В данный документ были добавлены положения, касающиеся правовых условий, необходимых для достижения целей, указанных в Стратегии, в частности, обеспечение национальной безопасности и правопорядка [2].

Во-первых, этичность из обычного рекомендательного положения трансформировалась в принцип, на основе которого разрабатываются технологии искусственного интеллекта (наравне с объективностью и недискриминацией), что является большим прорывом, поскольку до 2024 г. вопросам этики не уделялось настолько глобальное внимание со стороны государства – статусом «основополагающего начала» разработки технологий искусственного интеллекта этика не обладала, по крайней мере, на территории РФ.

Во-вторых, самым неоднозначным является принятие Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта (далее – Кодекс этики в сфере ИИ) и последующее создание соответствующей Комиссии, ответственной за реализацию положений указанного Кодекса. Неоднозначность заключается в том, что данный Кодекс не предполагает под собой обязательность исполнения содержащихся там положений, поскольку, во-первых, положения носят рекомендательный характер, отличительной особенностью которых выступает необязательность их исполнения, а во-вторых, положения, касающиеся ответственности за нарушение Кодекса, являются отсылочными к законодательству, которое на сегодняшний момент времени либо не разработано в целом, либо не адаптировано именно в части искусственного интеллекта [3]. Из этого следует, что соблюдение данного Кодекса не подкреплено ничем, кроме искреннего желания актора (участника) придерживаться указанных там положений. И вот как раз-таки в вопросах исполнения указанных там предписаний субъектами уголовно-процессуальной деятельности возникают сложности.

Стоит отметить, что ни среди авторов, ни среди подписантов, а именно эта терминология используется в Кодексе этики в сфере ИИ, не представлены ни органы, осуществляющие уголовное преследование, ни суды, которые рассматривают и разрешают уголовное дело по существу.

Уголовно-процессуальная деятельность предполагает под собой наличие определенной императивности, которая в Кодексе на сегодняшний день отсутствует. Притом, что главным приоритетом и там, и там является защита интересов, прав и свобод граждан – только в Кодексе соблюдение данного постулата де-факто обозначено «по желанию», поскольку в случае нарушения положений к ответственности лицо привлечено не будет, просто потому что она отсутствует.

Уголовно-процессуальная деятельность связана с большим вторжением в свободы другого человека в сравнении с иными видами деятельности, и именно поэтому вопрос соблюдения этических норм здесь крайне важен. Наиболее остро встает вопрос о соблюдении баланса между безопасностью государства и личной свободой отдельно взятого гражданина.

На сегодняшний день технологии ИИ, как и любая техника, априори не застрахованы от ошибок и не могут гарантировать стопроцентный результат. Практике известны случаи, когда для задержания лица в качестве подозреваемого, а затем и для применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу за основу были взяты данные технологии распознавания лиц [4]. Казалось бы, изначально внутренняя безопасность государства была обеспечена, поскольку разыскивался серийный преступник, поимке которого и поспособствовали технологии искусственного интеллекта. В случае «не-ошибки» это было бы вполне оправданно, потому что общественная опасность подобных преступлений колоссальна в масштабах государства, однако ошибка искусственного интеллекта привела к лишению свободы невинного человека. Могла ли ситуация разрешиться иным образом, если бы, например, Кодекс этики в сфере ИИ был бы обязательным для всех, в том числе для лиц, ведущих уголовное преследование? Возможно, поскольку обязательное соблюдение данного Кодекса было бы дополнительной гарантией защиты прав и свобод граждан, что в условиях цифровизации является крайне актуальным.

Безусловно, вопросы выработки и соблюдения этических норм представляют собой достаточно сложную дилемму с точки зрения соответствия их уголовно-процессуальной деятельности. В целом, что касается этических принципов и стандартов применения искусственного интеллекта, то они могут существенно различаться в зависимости от регионов, культурных особенностей, традиций и менталитета, поэтому очень важно разработать единые принципы и программы, учитывающие не только моральные и нравственные ценности людей по всему миру, но и ответственность, возлагаемую за нарушение указанных принципов.

Соблюдение баланса между безопасностью и личной свободой – это то, к чему нужно стремиться. На сегодняшний день обеспечение безопасности общества и обеспечение личной свободы человека в условиях цифровизации рассматривается как современная версия «проблемы вагонетки» – обеспечить безопасность всего

общества, но с ограничением личной свободы отдельно взятого человека или обеспечить личную свободу каждого человека, но с минимальным обеспечением безопасности всего общества?

Список источников

1. Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СЗ РФ. 2024. № 2, ст. 1102.
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 01.06.2024).
4. Владимиру Путину рассказали об уголовном деле ярославского ученого Александра Цветкова // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6382177> (дата обращения: 01.06.2024).

Баранова Марина Александровна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье изучаются аргументы за и против существования уголовных дел частного обвинения. Исследуется инициатива Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. По итогам обсуждения формулируется вывод не только о целесообразности существования уголовных дел частного обвинения, но и о необходимости расширения перечня таких составов.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, частное обвинение, диспозитивность, латентность, профилактическая функция.*

В российском правовом поле в последние несколько десятилетий активно ведутся споры о необходимости существования частного обвинения по уголовным делам. Авторы высказываются как против частного обвинения, подразумевая его неэффективность [1, 2], так и за его существование как старейшей формы процесса, предполагающей возможность выбора формы реагирования на совершенные противоправные действия потерпевшим лицом [3, с. 143; 4, с. 144; 5, с. 151; 6, с. 5; 7, с. 8].

Очередную инициативу, направленную на ликвидацию частного обвинения в апреле 2021 г., реализовал Верховный Суд РФ: внес в Государственную Думу РФ законопроект о переводе дел частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения [8]. Суть данного законопроекта сводится к тому, что преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, должны по-прежнему возбуждаться только по заявлению потерпевшего, но при этом заявление потерпевшим подается в органы дознания, а не в суд, возможность примирения сторон предполагается не в порядке специального основания, предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, а по общему диспозитивному основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, бремя доказывания переходит с частного обвинителя на правоохранительные органы.

Полагаем, что частное обвинение не только имеет право на существование, но и в нынешних правовых реалиях заслуживает

активного расширения сферы его применения по следующим основаниям.

Частное обвинение традиционно характеризуют как проявление диспозитивных уголовно-процессуальных начал, выступающих исключением из принципа публичности [9, с. 18], однако законодатель официально не выделил принцип публичности в числе принципов уголовного процесса. Использованная при формировании системы принципов законодательная техника, а именно, выделение их в отдельную главу с тематическим названием, позволяет сделать вывод о том, что это не ошибка, упущение законодателя, а его осознанная позиция. Принципами уголовного процесса в соответствии с действующим УПК РФ выступают только те нормативно-закрепленные идеи, которые поименованы в главе 2 УПК РФ [10; 11, с. 12]. Среди них отсутствует принцип публичности, который выделяется только в научных кругах [12–14]. Полагаем, что если бы законодатель на этапе разработки и принятия УПК РФ допустил ошибку, не выделив принцип публичности, то за более чем два десятилетия последующего правоприменения он бы ее исправил, однако ничего подобного не последовало. Следовательно, законодатель в равной степени допускает существование в уголовно-процессуальном поле как публичных, так и частных начал.

Верховный Суд РФ, обосновывая необходимость исключения уголовных дел частного обвинения, указывал на их высокую степень латентности, сложности в формировании доказательственной базы обвинения, которые испытывает частный обвинитель. Но, согласно предложенным Верховным Судом РФ изменениям, для возбуждения уголовных дел, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, все равно остается обязательной подача заявления потерпевшим – в правоохранительные органы. Как следствие, степень латентности преступлений не изменится, поскольку она проявляется именно на этапе получения информации о преступном посягательстве.

Так, активисты проекта «Алгоритм Света» в 2022 г. опубликовали статистику преступности, связанную с домашним насилием. Авторами были проанализированы судебные приговоры с 2011 по 2019 г., опубликованные в общедоступных интернет-источниках. Всего было изучено 81 136 приговоров, постановленных по статьям 105, 107, ч. 4 ст. 111 УК РФ. Изученные ими данные позволили сделать вывод о том, что ежегодно более 65 % убитых женщин являлись жертвами домашнего насилия [15].

Н.В. Азарёнок отмечает, что предложенные Верховным Судом РФ новеллы не решают проблему защиты жертв домашнего насилия, поскольку потерпевшие все равно будут опасаться и избегать подачи заявления, теперь уже в правоохранительные органы, что затруднит выявление и дальнейшее расследование таких преступлений [16].

Так, Екатерина Телькина трижды за три года совместного проживания с Александром Назаровым обращалась в правоохранительные органы с заявлением о насилии, но в возбуждении уголовных дел ей отказывали. В очередной раз по звонку Телькиной Назарова забрали в отделение полиции, провели беседу и отпустили. Вернувшись домой, разозленный Назаров избил Телькину, от полученных травм последняя скончалась, ее труп сутки пролежал в квартире с годовалым ребенком [17].

Дополнительно хотелось бы обратить внимание на неудовлетворительное кадровое состояние органов системы МВД РФ, обозначенное Министром внутренних дел РФ В.А. Колокольцевым на заседании Совета Федерации ФС РФ 14 мая 2024 г. Он сообщил о некомплекте личного состава в размере 152 тыс. человек, обрисовав плачевную кадровую ситуацию в различных регионах [18]. Действующие сотрудники органов внутренних дел не справляются с огромной нагрузкой, во всех регионах жесточайший дефицит сотрудников. В таких условиях ожидать, что дознаватели будут эффективно расследовать дополнительно переданные в их подследственность преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, не стоит.

Производство в порядке частного обвинения существенно ускоряет и удешевляет уголовный процесс, поскольку в нем отсутствуют досудебные стадии и не задействованы органы предварительного расследования. Процессуальная экономия, по нашему мнению, является основополагающим фактором в решении вопроса о недопустимости ликвидации частного обвинения как вида уголовного преследования

Необходимо согласиться с Ш.М. Абдул-Кадыровым в том, что закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве возможность инициирования потерпевшим уголовного преследования и дальнейшего его прекращения выполняет и профилактическую задачу, оказывает на обвиняемого превентивное воздействие [19, с. 5], имея таким образом существенный воспитательный эффект.

Обозначим также проблему нестабильности перечня составов частного обвинения. С момента введения УПК РФ в действие к категории частного обвинения в разное время относились составы преступлений, предусмотренные ст. 115, 116, 129, 130, 128.1, 116.1 УК РФ. Все они характеризуются незначительной общественной опасностью совершенного деяния. В литературе встречаются обоснованные суждения о необходимости отнесения к частному обвинению составов преступлений, посягающих на охраняемые законом тайны [20, с. 42; 21], поскольку только само пострадавшее лицо в состоянии оценить: относит ли он информацию к тайной, не предназначенной для распространения широкому кругу лиц, и не давало ли оно ранее согласие на распространение данной информации в порядке, установленном федеральным законодательством. С подобными рассуждениями необходимо согласиться и предложить законодателю не исключать категорию уголовных дел частного обвинения из системы действующего уголовно-процессуального регулирования, а наоборот, расширить их перечень за счет составов преступлений, представляющих небольшую общественную опасность и составов преступлений, посягающих на охраняемые законом тайны. К числу частного обвинения, в дополнение к существующим, можно отнести следующие составы преступления: ст. 116, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ.

Список источников

1. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 53–54.
2. *Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю.* Реформирование или упразднение частного обвинения: постановка проблемы // Мировой судья. 2019. № 4. С. 14–19.
3. *Володина Л.М.* Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999.
4. *Якимович Ю.К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991.
5. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самосохранения государств: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.
6. *Абдул-Кадыров Ш.М.* Публичные и частные начала уголовного судопроизводства России в аспекте возбуждения уголовных

дел частного обвинения // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 1(87).

7. *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)”». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=661688#NG9vgAUgTtwavdHA> (дата обращения: 06.04.2024).

9. *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 8.

10. *Тарасов А.А.* Новый Уголовно-процессуальный кодекс России и конституционные принципы правосудия // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции России): Междунар. науч.-практ. конф. (1–3 октября 2003 г.). Саратов, 2004. Ч. 2. С. 28–29.

11. *Безруков С.С.* Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

12. *Бандурин С.Г.* Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

13. *Александрова Л.А.* Публичность как основание уголовно-процессуального права. М., 2007.

14. *Аширбекова М.Т.* Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

15. Алгоритм Света: сайт. URL: <https://readymag.website/algorithmsveta/algoritmsveta/> (дата обращения: 04.04.2024).

16. *Азарёнок Н.В.* Поможет ли исключение дел частного обвинения из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жертвам домашнего насилия? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 5–9.

17. Приговор Кунцевского районного суда Москвы от 11 марта 2021 г. по делу № 01-0368/2020 // Официальный портал су-

дов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/services/cases/criminal/details/834c0f91-af66-4df1-b829-7f42e5bd65b7?respondent=Назаров&sessionRangeDateFrom=22.12.2020&formType=fullForm> (дата обращения: 10.04.2024).

18. *Колокольцев В.* Некомплект личного состава в России превышает 150 тысяч человек. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/> (дата обращения: 05.07.2024).

19. *Абдул-Кадыров Ш.М.* Публичные и частные начала уголовного судопроизводства России в аспекте возбуждения уголовных дел частного обвинения // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 1(87).

20. *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе М.: Луч, 1999.

21. *Степанова В.Г.* Назначение института частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству и пределы частного обвинения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2(6). С. 176–177.

Батчаева Аминат Алхазовна,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказской государственной академии*

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки широкого распространения примирительных процедур в уголовном процессе России. Акцентируется внимание на их многообразии, предлагаются классификации, позволяющие отразить их характерные черты, особенно отдельно взятых процедур.

Ключевые слова: уголовный процесс, гуманизм, примирение, классификации примирительных процедур.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ и практика его применения характеризуются социальной, гуманистической направленностью, где приоритетной задачей выступает защита прав и законных интересов участников судопроизводства. На это в очередной раз обратил внимание Президент РФ В.В. Путин в выступлении на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, состоявшемся 14 февраля 2023 г. [1] В целях реализации указанного направления уголовно-процессуальной политики в процедуре уголовного судопроизводства активно применяются уже известные и вводятся новые, обусловленные потребностями практики и сближением правовых систем различных государств экстраординарные процедуры и производства не репрессивного, а примирительного толка, существенным образом различающиеся как по основаниям их применения, так и по наступающим процессуальным последствиям.

В целях обеспечения правильного их понимания и применения считаем необходимым разработать классификации примирительных процедур, позволяющие акцентировать внимание на их основополагающих признаках.

В зависимости от создаваемых процессуальных последствий примирительные процедуры можно классифицировать на процедуры, создающие обязательные правовые последствия в виде прекращения уголовного дела, и процедуры, прохождение которых может не сформировать обозначенные последствия. К первой группе относится ч. 2 ст. 20 УПК РФ: поскольку преступления, отнесенные законодателем к разряду преследуемых в частном порядке, имеют

небольшую общественную опасность, заявление потерпевшего о примирении с обвиняемым является единственным и достаточным юридическим фактом, влекущим безусловное прекращение уголовного преследования лица с вынесением соответствующего процессуального решения, завершающего производство по уголовному делу.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П указал, что законодатель вправе «дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений» [2]. Вторая группа примирительных производств характеризуется тем, что при соблюдении всех определенных законодателем оснований и условий прекращение уголовного дела тем не менее является правом, но не обязанностью уполномоченного должностного лица. К таковым относятся процедуры, предусмотренные ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ и др.

По процессуальной форме судопроизводства примирение разделяется на примирение по уголовным делам частного, частно-публичного и публичного характера. Если примирение по делу частного обвинения уголовно-процессуальная форма никак не регулирует, оно допустимо в любой приемлемой для сторон форме, а до сведения судьи доводится только результат, то примирение по делам частно-публичного и публичного характера сопровождается рядом формальных требований, регламентированных ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ и дополнительно разъясненных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В связи с этим существенным изъяном юридической техники является положение, содержащееся в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, о том, что уголовные дела частно-публичного обвинения «прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат». Такая формулировка нередко воспринимается как прямой запрет на прекращение уголовных дел по основанию примирения, что в корне неверно. Наше суждение подтверждается положениями ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 254 УПК РФ, которые разъясняют возможность примирения сторон как в досудебном, так и в судебном производстве. Формули-

руя в ч. 3 ст. 20 УПК РФ положение о недопустимости прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, дословно перенося его из ст. 27 УПК РСФСР [3], законодатель, полагаем, хотел провести принципиальное различие процедур примирения по делам частного обвинения и частно-публичного. Но если в ст. 27 УПК РСФСР была оговорка о том, что производство по частно-публичным делам ведется в общем порядке, то в ч. 3 ст. 20 УПК РФ такой оговорки нет. Это создает предпосылки к пониманию запрета, в ней изложенного, как безусловного. Однако такая попытка создала определенные сложности как в понимании, так и в применении положений о примирении. Для правильного понимания положений ч. 3 ст. 20 УПК РФ после словосочетания «Но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат» ч. 3 ст. 20 УПК РФ необходимо дополнить словосочетанием, которое имело место в ч. 2 ст. 27 УПК РСФСР, а именно «Производство по ним ведется в общем порядке».

Список источников

1. Ежегодное совещание судей // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения: 20.02.2023).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // СЗ РФ. 2005. № 28, ст. 2904.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (в ред. от 29 декабря 2001 г., с изм. от 26 ноября 2002 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

Блинова Ольга Геннадьевна,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ И НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые вопросы о роли и процессуальном положении прокурора в стадии подготовки и назначения судебного заседания. На основе исследования дела делается вывод, что на данной стадии процесса прокурор не выступает в качестве государственного обвинителя, его деятельность носит иной характер.*

Ключевые слова: *прокурор, государственный обвинитель, подготовка и назначение судебного заседания.*

Традиционно в науке уголовного процесса стадию подготовки и назначения судебного заседания называют проверочной по отношению к ранее проведенному предварительному расследованию и подготовительной к будущему судебному рассмотрению уголовного дела [1, с. 123; 2, с. 852–853]. Нередко судья все вопросы, указанные в ст. 228 УПК РФ, разрешает самостоятельно. В ряде случаев законодатель требует проведения предварительного слушания (ч. 2 ст. 229 УПК РФ), где судья с участием сторон разрешает вопросы, которые касаются проверки поступившего уголовного дела и его подготовки к судебному разбирательству.

И хотя в УПК РФ нет четкого указания на обязательное участие прокурора в стадии подготовки и назначения судебного заседания, на наш взгляд, его обязанность по осуществлению уголовного преследования лица должна реализовываться на всех стадиях уголовного процесса¹. Сущность деятельности прокурора в расстраиивае-

¹ В приказе Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (в ред. от 13 декабря 2023 г.) сформулирована четкая позиция относительно того, что участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства считается одной из важнейших функций прокуратуры. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 своего постановления «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», ссылаясь на ч. 4 ст. 234 УПК РФ, разъясняет, что неявка для участия в предварительном слушании своевременно извещенных лиц (за исключением обвиняемого,

мой стадии процесса в форме предварительного слушания направлена на достижение такой цели, как продолжение осуществления уголовного преследования лица и создание всех необходимых условий для рассмотрения судом уголовного дела и вынесения правосудного решения. Именно поэтому в условиях состязательного процесса участие прокурора в указанной стадии имеет важное значение.

Если вопрос относительно процессуальной функции прокурора в стадии судебного разбирательства особых споров в науке уголовного процесса не вызывает, то вопрос о его процессуальном положении в указанной стадии остается дискуссионным [3, с. 19; 4, с. 247]. В частности, ученые обсуждают вопрос о том, является ли прокурор государственным обвинителем при решении вопроса о назначении судебного разбирательства в форме предварительного слушания.

В.А. Лазарева считает, что «прокурор играет роль государственного обвинителя на всех судебных стадиях уголовного процесса» [5, с. 158]. С данным мнением можно согласиться, если исходить из положений ч. 3 ст. 37 УПК РФ, согласно которой прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Судебное производство начинается со стадии подготовки и назначения судебного заседания, и, соответственно, на ней прокурор и будет поддерживать ранее предъявленное обвинение.

С этим не соглашается В.А. Ефанова, указывая на то, что на этой стадии уголовного процесса дело по существу не рассматривается, обвинение не доказывается, поэтому и государственный обвинитель в этой стадии процесса не нужен. Да и сам законодатель использует на данной стадии чаще всего термин «прокурор» [6, с. 273–274].

Мнения ученых относительно момента появления в процессе государственного обвинителя разделились. Одни считают, что о государственном обвинителе можно и нужно говорить уже с момента дачи руководителем прокуратуры письменного поручения прокурору для поддержания государственного обвинения [7, с. 8], что в ходе предварительного слушания прокурор участвует уже в качестве государственного обвинителя [8, с. 13]. Другие авторы пишут о том, что государственный обвинитель в процессе появляется позднее, а именно, в стадии судебного разбирательства [9].

прокурора, а также защитника, когда его участие обязательно) не препятствует его проведению. Соответственно, участие прокурора в указанной стадии обязательно.

Как справедливо отмечено, стадия подготовки и назначения судебного заседания ориентирована на реализацию контрольно-подготовительных механизмов обеспечения законности и обоснованности дальнейшего производства по уголовному делу [10, с. 78]. Данное мнение представляется правильным и обоснованным с позиции правового регулирования ряда вопросов в стадии подготовки и назначения судебного заседания. Роль же прокурора в любой стадии уголовного судопроизводства заключается в обеспечении законности и обоснованности принимаемых органами предварительного расследования решений.

Не всегда стадия подготовки и назначения судебного заседания завершается принятием решения о назначении судебного заседания. В этой стадии судья может вынести постановление о прекращении уголовного дела. Это возможно, когда присутствуют явные для того основания и нет необходимости полного и всестороннего исследования всех представленных материалов дела [11].

Согласно УПК РФ, в указанной стадии прокурор может отказаться от обвинения в связи с убежденностью в наличии реабилитирующих оснований, однако в п. 7 постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» сформулирована четкая позиция по рассматриваемому вопросу. Так, сторона обвинения может использовать возможность отказа от обвинения только после того, как были исследованы и оценены все собранные по делу доказательства. Таким образом, сам по себе отказ государственного обвинителя от обвинения и принятие судьей соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу всех участников судебного заседания [12]. Однако, в стадии подготовки и назначения судебного заседания деятельность по исследованию, проверке и оценке доказательств носит ограниченный характер. Соответственно, и возможность прокурора отказаться от обвинения в этой стадии и вызывает большие сомнения.

Таким образом, учитывая цели и задачи стадии подготовки и назначения судебного заседания, деятельность прокурора как представителя стороны обвинения в этой стадии процесса заключается в том, чтобы способствовать подготовке уголовного дела

к дальнейшему разбирательству, поэтому говорить о прокуроре как государственном обвинителе можно только в стадии судебного разбирательства.

Список источников

1. *Корнуков В.М.* Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части: курс лекций. Саратов, 2010.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
3. *Хатуаева В.В.* Проблемы законодательной регламентации процессуального статуса прокурора в стадии подготовки дела к судебному заседанию // Законность. 2015. № 8.
4. *Овсянников И.В.* О деятельности и процессуальном статусе прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477.
5. *Лазарева В.А.* Прокурор в уголовном процессе. М., 2015.
6. *Ефанова В.А.* Эволюция функций прокурора в уголовном процессе России // Эволюция государства и права: история и современность. Ч. 2. Курск, 2017. С. 273–274.
7. *Мухин А.М.* Процессуальная деятельность прокурора при разбирательстве уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.
8. *Гаврилова М.Н.* Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
9. *Есина А.С., Семенов М.Э.* Характеристика функции прокурора – государственного обвинения. URL: <https://studfile.net/preview/1771356/> (дата обращения: 20.06.2024).
10. *Лавнов М.А.* Стандарты доказывания обстоятельств уголовного дела при отказе от обвинения // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Ц.М. Каз. Саратов, 2020.
11. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2004.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 дек.

Гаврилов Борис Яковлевич,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД России*

ОБВИНЯЕМЫЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК РУДИМЕНТ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению вопроса о целесообразности существования в действующем уголовно-процессуальном законе института привлечения в качестве обвиняемого. Автор обосновывает вывод о необходимости отказа от «классического» института привлечения лица в качестве обвиняемого и предоставления возможности перепредъявления обвинения в ходе судебного разбирательства без возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.*

Ключевые слова: *процессуальный статус обвиняемого, институт привлечения в качестве обвиняемого, уголовное преследование, право на защиту, участие защитника.*

Обращение к вопросу о соответствии требованиям сегодняшнего дня института привлечения в качестве обвиняемого обусловлено произошедшими за два последних десятилетия существенными изменениями положений УПК РФ, регламентирующих процессуальный статус как подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), так и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Все большее число представителей научной общественности высказывается о том, что институт привлечения в качестве обвиняемого давно утратил свою первоначальную функцию и нуждается в кардинальном изменении с учетом современных реалий. Так, в исследовании М.Ю. Колбеевой делается вывод о необходимости исключения рассматриваемого института из УПК РФ [1, с. 4].

Свою позицию автор настоящей работы высказывал еще в 1999–2001 гг. при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению, предлагая реорганизацию института привлечения в качестве обвиняемого путем его замены на институт уведомления о подозрении [2]. В научной среде данная позиция была воспринята далеко неоднозначно. Основанием для критики послужило, в частности, буквальное толкование конституционного установления о том, что каждый обвиняемый в совершении преступлений считается

невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Достаточно скептически высказывается по обозначенному вопросу профессор Л.В. Головкин [3], комментируя закрепление Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ института уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ), по сути, вместо института привлечения в качестве обвиняемого.

Аргументами за целесообразность разрешения назревшей проблемы концептуального реформирования института привлечения в качестве обвиняемого являются следующие:

1. В советском уголовном процессе на протяжении десятков лет участие защитника в ходе предварительного расследования не предусматривалось, что не соответствовало действующим на тот момент положениям Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международных правовых актов. По УПК РСФСР 1960 г. защитник допускался к участию в уголовном деле, расследованном в форме предварительного следствия лишь с момента окончания расследования (ст. 47), а по уголовным делам, расследованным в форме дознания, участие защитника допускалось лишь со стадии судебного разбирательства (ст. 120) [4].

Впервые возможность оказания квалифицированной юридической помощи на этапе производства предварительного расследования и соответствующее право обвиняемого были закреплены в УПК РСФСР в 1972 г. [5]. В соответствии с данными изменениями защитник мог быть допущен к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения, но исключительно по постановлению прокурора, а также в отношении отдельных категорий лиц, которые в силу физических или психических недостатков не имели возможности самостоятельно защищать свои права – с момента предъявления обвинения.

Затем в 1992 г. в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, согласно которым стал возможным допуск защитника к участию в уголовном деле, независимо от формы расследования, а при задержании лица в качестве подозреваемого или применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения – с момента объявления этому лицу протокола задержания или постановления о применении данной

меры пресечения [6]. Таким образом, предъявление обвинения являлось необходимым и обязательным условием для реализации конституционного права лица, подвергнувшегося уголовному преследованию, знать, в чем оно обвиняется, и его права на оказание ему квалифицированной юридической помощи.

Практика расширения права на защиту для лица, подвергнутого уголовному преследованию, была продолжена и после принятия УПК РФ. Внесенные в закон в 2002 г. изменения закрепили возможность участия защитника с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, чем была реализована правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в Постановлении № 11-П [7]. Данное решение законодателя можно считать отправной точкой нивелирования значения института привлечения в качестве обвиняемого как действенной гарантии права лица, подвергающегося уголовному преследованию, на получение квалифицированной юридической помощи в досудебных стадиях уголовного процесса.

На сегодняшний день УПК РФ включает в себя более широкий перечень оснований для вступления защитника в уголовное дело. Так, ст. 49 УПК РФ предусматривает подобную возможность с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления, а также с момента объявления лицу постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы или с началом производства иных процессуальных действий, затрагивающих права или свободы лица, заподозренного в совершении преступления.

Действующая редакция ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает участие адвоката (фактически защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится процессуальная проверка сообщения о преступлении, т.е. до возбуждения уголовного дела.

2. За исключение из УПК РФ института привлечения в качестве обвиняемого фактически ратует и сложившаяся следственная и судебная практика производства по уголовным делам, расследование которых осуществлялось в форме дознания. За период действия института уведомления о подозрении завершено расследование с направлением в суд без «классического» предъявления обвинения более 5 млн уголовных дел. При этом ни один из осужденных не обратился ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека с жалобой о нарушении его права на защиту.

3. Процессуальные статусы подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) фактически не содержат различий, кроме этапа окончания расследования, где участие подозреваемого не предусмотрено.

4. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого отсутствовал и в российском уголовно-процессуальном законодательстве дореволюционного периода, что позволяет утверждать об отсутствии неких исторически обоснованных предпосылок современного института привлечения в качестве обвиняемого. Так, ст. 258 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что в случаях, когда полицией застигнуто лицо, совершившее преступление, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, но формальных допросов обвиняемого не делает (лишь в случае угрозы смерти данного лица) [8]. Далее, ст. 283 Устава устанавливала обязанность судебного следователя уведомлять прокурора о взятии обвиняемого под стражу, наделяя при этом прокурора полномочиями по требованию изменения данной меры в случае, если «обвиняемый не навлекает на себя достаточно подозрения в преступлении». И наконец, ст. 377 устанавливала, что призыв обвиняемого к следствию осуществляется в виде письменной повестки, а в случае нахождения его по месту следствия – устного требования.

Изложенное позволяет утверждать, что Устав уголовного судопроизводства определял в качестве обвиняемого лицо, застигнутое на месте преступного деяния, а также лицо, которое навлекло на себя «достаточное подозрение в преступлении» и которому вручалась повестка о вызове к судебному следователю. По сути, данное правовое положение обвиняемого означает статус подозреваемого в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Фактически по Уставу уголовного судопроизводства обвинение лица в совершении преступления (ст. 519, 520) имело место только при предании обвиняемого суду, о чем прокурором выносилось заключение, излагаемое в форме обвинительного акта, в котором указывались событие преступления, данные обвиняемого, сущность доказательств, собранных по делу, квалификация деяния. Таким образом, положения Устава уголовного судопроизводства не содержали норм, предписывающих судебному следователю выносить процессуальное решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Данная практика сложилась позже в связи с наказом Санкт-Петербургского окружного суда от 1887 г., который предписывал судебному следователю составлять специальное постановление о привлечении к следствию лица в качестве обвиняемого [9, с. 304]. Более чем через десять лет в определении Высшего дисциплинарного присутствия Сената было закреплено, что перед призывом лица, заподозренного в совершении законопреступного действия, или его приводом должно состояться вынесение судебным следователем судопроизводственного акта, которым обозначенное лицо признается обвиняемым [10, с. 386]. Таким образом, институт привлечения лица в качестве обвиняемого был дифференцирован на вынесение соответствующего постановления судебным следователем и, собственно, на предъявление обвинения прокурором.

В российском послереволюционном законодательстве институт привлечения лица в качестве обвиняемого появился в соответствии с Декретом «О суде» № 2, в котором впервые было закреплено, что обвинительный акт по уголовным делам, выносимый ранее прокурором, подлежит замене на постановление следственной комиссии о предании суду (ст. 22) [11].

В дальнейшем в УПК РСФСР 1922 г. были закреплены нормы, согласно которым при наличии достаточных для предъявления обвинения данных о совершенном преступлении следователю необходимо составить мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и не позднее 48 часов с момента вынесения данного документа произвести предъявление ему обвинения (ст. 131) [12].

5. Об утрате институтом привлечения лица в качестве обвиняемого свидетельствует и его исторически сложившееся значение в качестве основного правоотношения в уголовном процессе, и системный анализ положений ст. 252 УПК РФ в их взаимосвязи с нормами ст. 237 УПК РФ и позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении № 6-П [13]. В абзаце втором п. 6 данного Постановления Конституционным Судом РФ сформулировано, что пределы судебного разбирательства определяются предъявленным в ходе расследования обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте), выход за рамки которого недопустим.

На протяжении десятков лет основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования выступал институт судебного доследования, негативным результатом дей-

ствия которого было ежегодное возвращение судом от 45 до 56 тыс. уголовных дел для производства по ним дополнительного расследования, которое нередко заключалось в проведении отдельных следственных действий, в том числе экспертизы, очной ставки или перепредъявления обвинения на более тяжкое [14, с. 155–156]. При этом по каждому второму уголовному делу до возвращения его на доследование осуществлялось судебное разбирательство от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам – от 1,5 до 2-х лет и более [15].

6. По законодательству ряда зарубежных стран, например, согласно ст. 301 и 303 УПК Республики Беларусь, в «случае возникшей необходимости изменения в ходе судебного следствия обвинения на более тяжкое либо предъявления нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок от 10 до 30 суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого. По возобновлении судебного разбирательства государственный обвинитель объявляет обвиняемому, его законному представителю, защитнику, если он участвует в судебном заседании, постановление с измененным объемом обвинения и допрашивает его по новому обвинению [16].

Непосредственное исправление в суде дефектов и несоответствий установленным фактам предусматривается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса и Шотландии [17, с. 49] и других государств. Так, в Италии в ходе судебного следствия прокурор имеет право изменить первоначальное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального посредством дополнительного уведомления или нового изложения деяния (ст. 517, 519 УПК), при условии соблюдения права обвиняемого на защиту [18]. По законодательству Испании изменение предварительной квалификации стороной обвинения является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором для необходимости усиления обвинения предусмотрено отложение слушания дела по просьбе защиты для подготовки доказательств в опровержение измененного обвинения (ст. 732 УПК) [19–22]. Возможность изменения в судебном разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрена ст. 340–341 УПК Республики Казахстан [23].

Подводя итог, считаем, что фактически предъявление обвинения имеет место при возбуждении уголовного дела в отношении лица или при уведомлении лица о наличии подозрения; при избрании меры пресечения; при предъявлении первоначального обвинения в течение десяти суток с момента избрания меры пресечения; при предъявлении обвинения в окончательной редакции; при формировании обвинительного заключения, обвинительного акта.

Положительные стороны предложенной модели, предусматривающей отказ от «классического» института привлечения лица в качестве обвиняемого и предоставления возможности перепредъявления обвинения в ходе судебного разбирательства без возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, заключаются в том, что:

- во-первых, уголовное дело находится под контролем суда, в результате чего его разрешение несудебным органом исключается;

- во-вторых, движение уголовного дела сохраняет поступательный характер, что позволяет сократить сроки как предварительного расследования, так и судебного разбирательства и тем самым обеспечить соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства;

- в-третьих, фактически направлено на исключение фактов ограничения доступа участников процесса к правосудию;

- в-четвертых, в силу отсутствия необходимости в производстве дополнительных процессуальных действий, связанных с выполнением процедуры полного ознакомления с материалами уголовного дела всех участников уголовного процесса при возвращении судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а последним – следователю для дополнительного расследования, на процедуры которых затрачивается от нескольких месяцев до нескольких лет;

- в-пятых, в наибольшей степени обеспечивается реализация права государственного обвинителя на свободу оценки доказательств и, соответственно, объективность его позиции по делу;

- в-шестых, обеспечивается реализация принципа состязательности, поскольку суд не втягивается в осуществление обвинительной функции и, соответственно, в большей степени обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

Таким образом, в настоящее время привлечение в качестве обвиняемого утратило свое исторически сложившееся значение клю-

чего уголовно-процессуального правоотношения. Связано это с несколькими обстоятельствами:

- институт привлечения лица в качестве обвиняемого фактически утратил одну из ключевых функций – обеспечение закрепленного Конституцией РФ права лица, подвергнутого уголовному преследованию, на квалифицированную юридическую помощь;
- отсутствие существенных различий в объеме и содержании процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого, принципиально влияющих на их правовое положение в уголовном судопроизводстве;
- исключение института привлечения в качестве обвиняемого при производстве предварительного расследования в форме дознания не препятствует эффективной реализации всего комплекса прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование;
- историко-правовой анализ российского уголовно-процессуального законодательства не дает нам оснований говорить о неких исторически обоснованных предпосылках современного института привлечения в качестве обвиняемого.

Список источников

1. *Колбеева М.Ю.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
3. *Головки Л.И.* Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2023. № 7. С. 22–25.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процес-

суального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 15.04.2024).

9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994.

10. *Макалинский П.В.* Практическое руководство для судебных следователей. СПб., 1907.

11. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 г. «Об уголовно-процессуальном кодексе» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2007. № 22, ст. 2686.

14. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.

15. *Ковлер А.И.* Постановления, принятые Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации в 2009 году // Российское правосудие. 2010. № 2. С. 4–14.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 15.04.2024).

17. *Бурмагин С.В., Барабанов П.К.* Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12.

18. *Tonini P.* Manuale di procedura penale. Milano, 2017.

19. *Catena V., Domingues V.* Derecho proceso penal. Valencia, 2019.

20. *Martinez M.* Derecho proceso penal. Madrid, 2019.

21. *Lopez M.* Derecho proceso penal / *Director Mellado J.* Valencia, 2019.

22. *Sendra V.* Manual de Derecho proceso penal. Madrid, 2015.

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 05.03.2024).

Горшкова Ксения Николаевна,
*аспирант кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье освещаются проблемы реализации права на обжалование на досудебной стадии уголовного процесса, а именно обжалованию действий (бездействий) сотрудников правоохранительных органов суду. Рассматриваются проблемы, вызванные необоснованным отказом судьи в рассмотрении жалобы, и пути их решения.*

Ключевые слова: *право на обжалование, необоснованный отказ судьи, кассационная инстанция, кассационная жалоба, сроки обжалования.*

Право на обжалование – это один из принципов, на котором базируется современное уголовное судопроизводство в России. Он выполняет одну из важнейших функций – защиту конституционных прав личности от злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Лицо, вовлеченное в уголовный процесс, часто сталкивается с трудностями при реализации данного права, вызванного нарушениями со стороны сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры, суда.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все встречающиеся проблемы реализации права на обжалование, поэтому уделим внимание только некоторым из них. В данной статье будут рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при обжаловании действий (бездействий) правоохранительных органов суду в рамках ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Одной из главных проблем при реализации права на обжалование является немотивированный отказ судьи в рассмотрении жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ [1]. Так, по мнению С.А. Черник, причинами необоснованного отказа судей являются ошибки, связанные с неверным определением наличия или отсутствия предмета рассмотрения, влекущие, как правило, необоснованный отказ в принятии жалобы к рассмотрению либо необоснованное возвращение жалобы заявителю для устранения недостатков или

прекращение производства по жалобе; несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела; ненадлежащее извещение сторон и заинтересованных лиц; нарушение требований подсудности; нарушение требований уголовно-процессуального закона [2, с. 9].

По мнению Е.В. Носковой, «на сегодняшний день принятие судом решений о прекращении производства по жалобе, оставлении их без рассмотрения, возвращении заявителю или отказе в принятии – вынужденный шаг правоприменителя, обусловленный нечеткостью и несовершенством норм УПК» [3, с. 110].

Примером немотивированного отказа можно считать случай который произошел 12 мая 2020 г. Представитель К. – адвокат А.А. Винтайкин обратился в Кировский районный суд Калужской области с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просил признать незаконным бездействие руководителя Кировского межрайонного следственного отдела СУ СК РФ по Калужской области В., связанное с отказом в регистрации сообщения К. о совершенных преступлениях ФИО9 и непроведением процессуальной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ по заявлениям ФИО10 о фальсификации ФИО9 документов, мошенничестве и превышении должностных полномочий.

Суд первой инстанции отказал в принятии к производству жалобы адвоката А.А. Винтайкина, указав, что обжалуемое бездействие руководителя следственного органа, выразившееся в непроведении процессуальной проверки по фактам, являющимся предметом судебного рассмотрения в рамках гражданского судопроизводства, не является предметом судебного разбирательства в соответствии со ст. 125 УПК РФ, не причиняет ущерб конституционным правам и свободам К. и не ограничивает его право на доступ к правосудию.

Кассационный суд решил, что в данной ситуации суд первой инстанции должен был рассмотреть жалобу и своим отказом нарушил уголовно-процессуальный закон [4].

Суть проблемы заключается в том, что судья возвращает жалобу либо без мотивированного постановления, либо обосновывает свое решение недостаточно вескими аргументами, которые не базируются на полном и всестороннем изучении сути поданной жалобы [5].

Так, судьи часто отказывают в рассмотрении жалобы по причине того, что в ней отсутствует предмет обжалования. 24 октября 2019 г. Старопромысловским районным судом г. Грозного про-

изводство по жалобе, поданной потерпевшей И. в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие должностных лиц, прекращено из-за отсутствия предмета обжалования. В постановлении суд отметил, что заявителем фактически обжалуется ход расследования уголовного дела, который определяется следователем в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Кассационный суд рассмотрел данное постановление и пришел к выводу, что решение суда незаконное и необходимо передать материалы дела для нового апелляционного рассмотрения, так как в обжалуемом постановлении суд апелляционной инстанции не дал надлежащей оценки, связав отсутствие предмета обжалования с возобновлением производства по делу [6].

Для решения проблемы безосновательных отказов в рассмотрении судом жалоб в рамках ст. 125 УПК РФ мы предлагаем усилить судебный контроль за отказами в рассмотрении жалоб, ввести в ст. 125 УПК РФ п. 3.1, по которому суд может отказать в рассмотрении жалобы, только согласовав свою позицию с председателем суда. Это позволит сократить количество необоснованных отказов и увеличит уровень доверия к суду у граждан.

Проанализировав приведенные выше данные, мы видим, что очень часто жалобы, поданные в суд в рамках ст. 125 УПК РФ, доходят до кассационной инстанции, когда рассмотрение уголовного дела по существу в суде первой инстанции уже состоялось. Полагаем, что для жалоб, поданных в рамках ст. 125 УПК РФ, необходимо создать короткие сроки по рассмотрению в кассационной инстанции.

Сейчас данные жалобы в кассационной инстанции рассматриваются в общем порядке, предусмотренном ст. 401.3 УПК РФ. Сроки рассмотрения кассационной жалобы по ст. 401.13 УПК РФ в кассационном суде общей юрисдикции составляют от двух месяцев со дня вынесения судьей постановления, в Верховном Суде РФ жалоба может быть рассмотрена в течение трех месяцев со дня вынесения такого постановления.

Мы предлагаем дополнить ст. 401.13 следующими словами «постановления суда, принятые в рамках ст. 125 УПК РФ, обжалуются в течение месяца со дня вынесения судьей постановления». Изменение сроков рассмотрения жалобы позволит улучшить реализацию права на обжалование и сократит сроки судебного разбирательства, приблизив восстановление нарушенного преступлением социального равновесия.

В заключении отметим, что для решения проблем, возникающих при реализации права на обжалование на досудебной стадии уголовного процесса, необходимо комплексное изменение уголовно-процессуального законодательства на всех стадиях, поскольку процесс обжалования затрагивает все стадии уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Что делать, если суд отказал в приеме жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ? Отменять такое Постановление в апелляционной инстанции! URL: <https://www.zakonia.ru/blog/chto-delat-esli-sud-otkazal-v-prieme-zhaloby-v-porjadke-stati-125-upk-rf-otmenjat-takoe-postanovlenie-v-apelljatsionnoj-instanto> (дата ознакомления: 12.06.2024).

2. Черник С.А. Обобщение судебной практики рассмотрения жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 8–24.

3. Носкова Е.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 108–110.

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2020 г. № 77-2160/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=26280> (дата обращения: 12.06.2024).

5. Арутюнян О. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiksii-po-rassmotreniyu-mat> (дата обращения: 12.06.2024).

6. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2020 г. № 77-347/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=3578> (дата обращения: 12.06.2024).

Дилбандян Самвел Агванович,

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики юридического факультета
Ереванского государственного университета
(Республика Армения)*

НАЧАЛО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена началу досудебного производства в уголовном процессе Республики Армения. В новом Кодексе упразднена стадия возбуждения уголовного дела: досудебное производство начинается с инициирования уголовного производства, а до этого закон не предусматривает возможности совершения каких-либо процессуальных действий, направленных на проверку наличия факта преступления. Инициирование уголовного производства является начальной стадией предварительного следствия. Поскольку инициирование уголовного производства выступает новеллой по форме и содержанию, теоретическое изучение данного института важно для решения проблем, возникающих на практике.

Ключевые слова: досудебное производство, инициировать уголовное производство, возбудить уголовное дело, возбудить уголовное преследование.

Борьба с преступностью – одна из приоритетных задач любого государства, обеспечивающих защиту интересов личности, общества и государства. В реализацию этих задач вовлечены все институты уголовного судопроизводства, которые в ходе развития общественных отношений подверглись еще большим изменениям. В условиях развития общественных отношений прежний уголовно-процессуальный кодекс не мог обеспечить сбалансированную защиту публичных и частных интересов. За более чем двадцатилетний период действия Кодекса в общественно-политической жизни страны произошел ряд событий, повлекших за собой неизбежные изменения в Уголовно-процессуальном кодексе. Хотя в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены весьма существенные изменения, они были недостаточны для исправления его основных недостатков и упущений и не могли служить тем целям, ради которых они осуществлялись.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс РА (2021) устанавливает новую модель осуществления досудебного производства, в ко-

торой существенно изменилась структура и процессуальная форма досудебного производства, т.е. если, согласно прежнему законодательству, досудебное производство было разделено на две стадии: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование – каждая из которых имела свои задачи, круг субъектов и процессуальную форму окончания, то, согласно новому уголовно-процессуальному законодательству, досудебное производство характеризуется только предварительным следствием. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела – одна из характерных особенностей нового уголовно-процессуального кодекса. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела был воспринят теоретиками и практиками неоднозначно. Специалисты опасаются, что без подготовки материалов случаи инициирования необоснованных уголовных производств могут возрасти, однако уголовно-процессуальный кодекс предусматривает гарантии предотвращения инициирования необоснованных производств. Необходимо согласиться с подходом, согласно которому отсутствие стадии возбуждения уголовного дела еще более оптимизирует и ускорит процесс расследования [1]. Ввиду публичного характера уголовного судопроизводства уполномоченные органы обязаны принимать любое сообщение о предполагаемом преступлении и давать ему соответствующий ход.

Еще одно важное нововведение заключается в формах расследования при досудебном производстве, в частности, если, согласно прежнему уголовно-процессуальному кодексу, для досудебного производства были характерны дознание и предварительное следствие, каждое из которых являлось самостоятельным видом расследования, то, согласно новому кодексу, дознание не является самостоятельным видом расследования, а выступает деятельностью, помогающей предварительному следствию.

Более того, в основе правоотношений, связанных с уголовным преследованием, лежит совершенно новая концепция. Категория «уголовное преследование» стала более емкой. Она включает не только возбуждение, отказ от возбуждения и прекращение уголовного преследования, но и срок уголовного преследования, его приостановление, а также возобновление уголовного преследования [2, с. 287]. Можно сказать, что уголовное преследование стало движущей силой нашего уголовного процесса. Следуя этой логике, в новом уголовно-процессуальном кодексе нашла применение новая концепция осуществления досудебного производства, в центре которой находится личность, т.е. обвиняемый.

Изучение существующих в мире правовых систем и уголовно-процессуального законодательства показывает, что единой модели инициирования уголовного производства не существует.

В англо-американском уголовном процессе в силу многовековых традиций в английском праве юридическое значение имели только те действия, которые совершались судом, в суде или по его приказу [3, с. 46]. Досудебному производству Англии и США не известно обязательное требование о возбуждении уголовного дела, а также выделение начала производства, разделение непроцессуальной (полицейской) и процессуальной деятельности.

В странах европейского права органы предварительного следствия приступают к расследованию сразу после получения сообщения о преступлении. Иначе говоря, уголовно-процессуальное законодательство этих стран не предусматривает стадию проверки сообщений о преступлениях, по результатам которой должно приниматься специальное решение о возбуждении уголовного дела. Орган дознания в связи с поступившим сообщением о преступлении проводит расследование, результаты которого направляются прокурору, а последний дает им правовую оценку и определяет дальнейший ход уголовного производства. Можно сказать, что в новом уголовно-процессуальном кодексе регулирование инициирования уголовного производства соответствует вышеуказанной модели, существующей в европейских странах, поскольку вопрос о возбуждении уголовного преследования по результатам расследования решается исключительно надзирающим прокурором. Таким образом, совершился переход от прежней советской досудебной модели к модели, существующей в европейских странах.

Осуществление задач уголовного судопроизводства начинается с инициирования уголовного производства, т.е. компетентный орган обязан инициировать уголовное производство с момента получения сообщения о предполагаемом преступлении. Поскольку новое уголовно-процессуальное законодательство не требует совершения соответствующих доказательственных или процессуальных действий для инициирования производства, поэтому в случае сообщения о преступлении ***инициирование уголовного производства становится правилом, а отказ его инициировать – исключением.*** Это становится правилом потому, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает средства проверки фактов сообщения, а это означает, что уполномоченный орган обязан инициировать уголовное производство в условиях

очень низкого порога достоверности фактов и лишь после этого путем осуществления уголовного производства выяснить наличие или отсутствие признаков преступного деяния.

В условиях новой модели досудебного производства по уголовному делу инициирование уголовного производства играет роль не фильтра, а является правовым основанием для осуществления уголовного производства.

Согласно новому уголовно-процессуальному кодексу, для инициирования уголовного производства необходимы предусмотренные законом поводы, которые практически те же, что и поводы, предусмотренные для возбуждения уголовного дела предыдущим кодексом. Более того, касательно обстоятельств, исключающих уголовное преследование, предусмотрено, что уголовное производство подлежит прекращению, если оно было инициировано на основании информации, полученной из источника, не предусмотренного настоящим Кодексом (п. 8 ч. 1 ст. 12 УПК РА).

Наличие повода, предусмотренного законом, недостаточно для инициирования уголовного производства, т.е., чтобы инициирование уголовного производства было обоснованным, необходимы также основания. ***Под основаниями инициирования уголовного производства понимаем фактические данные, достаточные для вывода о возможном наличии предполагаемого преступного деяния, которое содержит признаки конкретного преступного деяния.*** В Уголовно-процессуальном кодексе РА есть норма, в которой говорится об основании инициирования уголовного производства. Так, согласно ч. 2 ст. 173 УПК РА, «соответствующее сообщение считается о предполагаемом преступлении, если оно констатирует случай, действие или бездействие, которому разумно может быть дана *предварительная* правовая оценка соответствия какому-либо деянию, предусмотренному Уголовным кодексом Республики Армения». Из указанной нормы следует, что следователь приходит к выводу о наличии предполагаемого преступления не путем совершения соответствующего доказательственного или процессуального действия, а путем разумной правовой оценки изложенного в сообщении случая, то есть факты, изложенные в сообщении, должны соответствовать признакам конкретного преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РА¹. При разъясне-

¹ Не вызывает сомнений тот факт, что дать правовую оценку случаю в протоколе об инициировании уголовного производства проблематично, и это может носить предварительный характер, поскольку для выбора

нии деяния, описываемого в сообщении, выделяются признаки, которые должны совпасть с признаками какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом. Это осуществляется по правилам квалификации преступлений. Для того чтобы подтвердить наличие признаков преступления в каком-либо деянии, достаточно иметь о нем общее представление, а более подробно многие обстоятельства будут выяснены в ходе уголовного производства.

После выявления признаков состава преступления в деянии необходимо квалифицировать его по соответствующей части, пункту Уголовного кодекса. Поскольку у следователя нет возможности подготовить материалы, а на практике встречаются случаи, когда описываемое деяние соответствует нескольким составам преступления, полагаем, что в подобных случаях следует выбирать ту статью, которая в наибольшей мере соответствует деянию или ту квалификацию, которая в наибольшей степени способствует эффективному проведению расследования. Следует отметить, что надзирающий прокурор вправе поручить следователю внести изменение в протокол об инициировании уголовного производства.

Поскольку инициирование уголовного производства не предполагает совершения доказательственных или процессуальных действий, предусмотренных до этого законом, которые должны стать основанием для установления наличия признаков предполагаемого преступного деяния, то выводы о наличии признаков конкретного преступного деяния могут носить не достоверный, а вероятностный характер. Иначе говоря, сообщение о преступлении должно содержать признаки предполагаемого конкретного преступления, достаточные для инициирования уголовного производства.

Разумеется, в момент инициирования уголовного дела следователь может осуществлять также и познавательные действия, в частности, в случаях, когда поводом к инициированию уголовного производства является обнаружение признаков предполагаемого преступления в ходе деятельности оперативно-разыскных органов, в основе которого лежат определенные фактические данные, полученные в ходе этой деятельности. *Например, сотрудник НСБ получает информацию о том, что сотрудники налоговой службы берут взятки от хозяйствующих субъектов. В целях проверки дан-*

соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ очень важно получение соответствующих фактических данных (например, заключения эксперта), что требуется для решения вопроса о следственной подведомственности.

ной информации проводятся оперативно-разыскные мероприятия, в частности, осуществляется внутреннее и внешнее наблюдение, запись телефонных разговоров. В дальнейшем данные, полученные в результате этих действий, анализируются, и в орган предварительного следствия подается соответствующее сообщение о предполагаемом преступлении, и все эти материалы приобщаются к общению. Указанные данные изучаются следователем и на их основе иницируется уголовное производство.

В условиях нового уголовно-процессуального кодекса иницирование производства перестает быть самостоятельной стадией уголовного процесса и становится начальной частью предварительного следствия, но в досудебном производстве оно выделяется как самостоятельный процессуальный институт. В новом уголовно-процессуальном кодексе возбуждение уголовного производства регулируется отдельной главой (гл. 24), в которой предусмотрены статьи, регулирующие отношения, составляющие содержание процесса иницирования уголовного производства.

Одной из особенностей нового уголовно-процессуального кодекса является то, что право иницирования уголовного производства закреплено исключительно за следователем, т.е. ни орган дознания, ни прокурор не имеют права иницировать уголовное производство. Прокурор в случае обнаружения при осуществлении своих полномочий признаков предполагаемого преступления поручает следователю немедленно иницировать уголовное производство и начать предварительное следствие. Следователь является центральным публичным участником иницирования уголовного производства, и осуществление досудебного уголовного производства обусловлено именно его деятельностью.

В отличие от предыдущего законодательства, по новому уголовно-процессуальному кодексу, уголовное производство иницируется сразу же после получения сообщения о предполагаемом преступлении, но не позднее, чем в течение 24 часов¹.

Поскольку для иницирования уголовного производства помимо поводов необходимы также основания, это означает, что уголовное производство не будет иницировано, если не будет констатировано такое событие, действие или бездействие, которому разум-

¹ В новом Уголовно-процессуальном кодексе остались неурегулированными проблемы регистрации и учета предполагаемых преступлений, что может создать определенные проблемы и для защиты прав лица, представившего сообщение.

но может быть дана правовая оценка соответствия какому-либо деянию, предусмотренному Уголовным кодексом Республики Армения.

По поводу отказа в иницировании уголовного производства орган, осуществляющий производство, составляет письмо, о котором немедленно уведомляется лицо, представившее сообщение. Кодекс предусматривает возможность обжалования в судебном порядке, что является важной гарантией защиты прав лиц, пострадавших от преступления.

Практическую важность представляет вопрос о соотношении иницирования уголовного производства и уголовного преследования. Может ли иницирование уголовного производства по признакам предполагаемого преступления включать фактическое уголовное преследование? Данный вопрос был актуален также в условиях правовых норм прежнего УПК, когда уголовное дело возбуждалось не только по факту совершения преступления, но и в отношении лица, предположительно совершившего преступление.

Хотя, согласно ст. 6 прежнего Уголовно-процессуального кодекса РА, под возбуждением уголовного преследования понимали задержание лица, принятие решения о привлечении лица как обвиняемого и применение меры пресечения, Кассационный суд РА в своих прецедентных решениях толкует уголовное преследование более широко, в частности, Кассационный суд считает, что в случае, когда в решении о возбуждении уголовного дела приводятся формулировки, из которых следует, что конкретное лицо совершило уголовно наказуемое деяние, рассматриваемое решение с точки зрения правовых последствий приравнивается к решению о выдвигании против лица обвинения [4].

Поскольку протокол о иницировании уголовного производства по сути и значению равнозначен решению о возбуждении уголовного дела, необходимо представить позицию Кассационного суда по делам В. Григоряна и В. Манукяна, согласно которой «Решение о возбуждении уголовного дела не является основанием для наделения лица, предположительно совершившего преступление, процессуальным статусом. Кассационный суд находит, что в решении о возбуждении уголовного дела не предусмотрено требование об указании лица, предположительно совершившего преступление, не только потому, что значение решения о возбуждении уголовного дела иное, нежели наделение лица статусом или выдвигание обвинения, но и потому, что для принятия такого решения

закон не требует определенного объема доказательств. Более того, на стадии возбуждения уголовного дела доказывание осуществляется только в целях выяснения наличия необходимых оснований для возбуждения уголовного дела, а не для наделения статусом лица, предположительно совершившего преступление, и не для выдвижения обвинения».

В случае инициирования уголовного производства определенный доказательственный уровень также не требуется, если в сообщении о преступлении обосновывается такое событие, действие или бездействие, которому разумно может быть дана предварительная правовая оценка соответствия какому-либо деянию, предусмотренному Уголовным кодексом Республики Армения.

Уголовное производство иницируется по факту, а не по отношению к лицу, поэтому эти оценки могут относиться только к фактам и не могут относиться к лицу или его деяниям. Но если в протоколе об инициировании уголовного производства описаны действия лица, предположительно совершившего преступление, и деянию дана соответствующая правовая оценка, то можно сказать, что в результате принятия указанного процессуального акта в отношении лица уже начато уголовное преследование. После описания действий лица иницируется уголовное производство; до возбуждения уголовного преследования то или иное процессуальное право или реализуется, или нет. Не исключено, что после инициирования уголовного производства и до осуществления уголовного преследования будут проводиться доказательственные действия.

Целью расширенного толкования уголовного преследования является предоставление лицу, фактически подвергаемому уголовному преследованию, возможности реализации прав в ходе уголовного производства, в частности, прав по оспариванию законности фактически инициированного в отношении него уголовного производства. Не исключено инициирование уголовного производства в отношении лица до принятия решения о возбуждении уголовного преследования, в частности, проведение процессуальных действий и действий по доказыванию.

В действительности лицо, в отношении которого осуществляется фактическое уголовное преследование, но которое не надлено статусом частного участника производства, лишено возможности активного участия в производстве. Следует согласиться с встречающимся в процессуальной литературе подходом, согласно

которому в качестве уголовного преследования необходимо рассматривать все действия, которые содержат подозрения в предполагаемом совершении лицом преступления [5].

На сегодняшний день замена сроков уголовного производства сроками уголовного преследования привела к возникновению для лиц, фактически подвергающихся уголовному преследованию, проблем, связанных с реализацией права на защиту, в частности, указанные лица лишены возможности осуществлять основные права обвиняемого. Суть проблемы заключается в том, что орган, осуществляющий производство, для того чтобы уложиться в установленные законом сроки уголовного преследования, стремится наделить лицо, фактически подвергающееся уголовному преследованию, статусом как можно позже. Тогда как орган, осуществляющий производство, на протяжении всего периода уголовного процесса совершает такие процессуальные действия, которые затрагивают законные интересы лица, фактически подвергаемого уголовному преследованию. Так, существуют установленные Кодексом действия по доказыванию, в связи с совершением которых обвиняемый реализует определенные права. Например, орган, осуществляющий производство, в связи с назначением экспертизы обязан поставить об этом в известность частных участников производства, которые имеют право ознакомиться с решением следователя о назначении экспертизы до проведения экспертизы и получить разъяснения касательно своих прав, установленных настоящей статьей, в трехдневный срок после получения решения следователя о назначении экспертизы заявить отвод эксперту, ходатайствовать о назначении в качестве эксперта указанного им лица, обосновав профессиональную компетентность этого лица, ходатайствовать о том, чтобы эксперту были заданы дополнительные вопросы, присутствовать при производстве экспертизы с разрешения следователя и с согласия эксперта, давать разъяснения эксперту, получить копию заключения эксперта в трехдневный срок после вручения заключения эксперта следователю, требовать проведения опроса эксперта или назначения дополнительной или повторной экспертизы, участвовать в допросе эксперта, проводимом по его ходатайству.

Заключение. Коренные изменения в новом уголовно-процессуальном кодексе РФ, касающиеся инициирования уголовного производства, направлены на обеспечение сбалансированной защиты публичных и частных интересов. Свидетельством эффективности

упразднения стадии возбуждения уголовного дела может стать только судебная практика.

Список источников

1. *Дикарев И.С.* Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38–40.
2. Практическое руководство по концептуальным решениям, инновационным подходам и основным институтам нового Уголовно-процессуального кодекса РА (на арм. яз.). Ереван, 2022.
3. *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств: учеб. пособие для юрид вузов. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.
4. Решение Кассационного суда РА (ЕЦС/0136/11/11) от 22 декабря 2011 г. по делу Левика Погосяна.
5. *Кальницкий В.В.* Право свидетеля на защиту // Законодательство и практика. 2000. № 2(5). С. 11–13.

Елистратова Валентина Владимировна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. *В статье обозначены проблемные аспекты становления самостоятельной судебной системы Евразийского экономического союза. Обосновывается роль правовой политики в повышении эффективности правового регулирования в сфере интеграционного правосудия. Автор поддерживает точку зрения о том, что наряду с Судом ЕАЭС необходимо создание Евразийского суда по правам человека, который будет способствовать обеспечению национальной безопасности его государств-членов и других евразийских стран.*

Ключевые слова: *судебная система, правоприменительная политика, Евразийский экономический союз, судебная политика, национальная безопасность, правовая помощь в сфере уголовного судопроизводства.*

Национальная безопасность современной России в значительной степени зависит от ее участия в различных межгосударственных союзах и объединениях. Развитие евразийских интеграционных процессов на современном этапе связано прежде всего с эффективным функционированием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Правовая политика в данной сфере направлена на установку определенных правил, четких ориентиров, способствующих реализации целей ЕАЭС, который органично вписался в экономическую, политическую и правовую жизнь общества. Сегодня усилия направлены на разработку положений о наиболее оптимальных способах сближения права, ориентированных на согласование государствами – членами Союза принципов правового регулирования на основе норм международного права, определение этапов, способов и совместных мер по развитию национального законодательства. Взят курс на выработку общих правовых позиций и в сфере правоприменения. По справедливо-

му утверждению З.С. Байниязовой, сложно говорить о ценностных параметрах организации правовой системы в условиях отсутствия слаженного действия правотворческого и правоприменительного механизмов. Важен определенный механизм приведения их в действие, способный обеспечить соотношение, с одной стороны, правотворчества и правоприменения, с другой стороны, правовой системы [1, с. 141].

Анализируя жизнедеятельность ЕАЭС в современной сложной геополитической ситуации, следует согласиться, что Союз продолжает функционировать. Как сложится его судьба в дальнейшем, зависит от двух факторов. Во-первых, это общая устойчивость России, ее способность выступать привлекательным рынком для своих партнеров по ЕАЭС. Во-вторых, значение будет иметь темп общей эрозии глобальной экономической системы: чем быстрее она станет разрушаться в результате борьбы за новый международный порядок, тем больше государства-члены будут стремиться сохранять друг с другом прочные связи [2]. Союз развивается как экономический, тем не менее, он обладает значительным политическим потенциалом, что и определяет его роль в обеспечении национальной безопасности государств-участников.

На современном этапе важное значение имеет деятельность по созданию эффективных средств правового обеспечения деятельности Евразийского экономического союза на основе продуманной правовой политики в сфере создания самостоятельной и полноценной судебной системы. «Ведь посредством правосудия судебная власть разрешает социальные конфликты, устраняет противоречия, цивилизованно примиряя противоборствующие стороны. Тем самым обеспечивается интеграция интересов общества и целостность всей общественной системы» [3, с. 187]. Правовая политика призвана способствовать повышению эффективности правового регулирования в сфере интеграционного правосудия и наиболее оптимальному развитию евразийских процессов в целом. Суд Евразийского экономического союза играет существенную роль как наднациональный орган, гарантирующий и совершенствующий правопорядок Союза. Как нейтральный орган, Суд может обеспечить единообразное применение права, издание новых правовых актов и углубление интеграции. Именно практика, в том числе судебная, по мнению П.А. Гука, адаптирует законы к жизненным ситуациям, показывает, насколько эффективна и совершенна действующая в государстве правовая система (соответ-

ственно, и надгосударственная правовая система), сигнализирует о неблагополучии и сбоях в ее функционировании, предлагает пути совершенствования, исправления недостатков, вырабатывает правовые позиции, регулирующие определенный вид общественных отношений, повышает уровень правового сознания и правовой культуры участников правового общения [4, с. 206].

Судебная политика, представляющая собой «выработку генеральных направлений судебной деятельности, учитывающих перемены в сферах экономики, социальной психологии и права» [5, с. 8], является наиболее яркой формой правоприменительной политики. Евразийский экономический союз, творчески используя правовой опыт Европейского Союза, который и в сложных современных реалиях, несомненно, сохраняет свою значимость в плане возможности заимствования именно позитивного опыта, работает над созданием собственной судебной системы.

Судебно-правовая политика, выступая особой разновидностью правовой политики, есть упорядоченная совокупность целенаправленных долгосрочных мер по выстраиванию соответствующего судоустройства и судопроизводства. В ее рамках необходимо создать эффективные механизмы разрешения неизбежных споров и разногласий между государствами-членами, а также определить меры их ответственности в случае нарушения установленных норм и принципов, определяющих положительную динамику евразийских интеграционных процессов. Необходимо формирование демократических механизмов наднациональной судебной системы на основе принципа верховенства права. Именно согласованная правовая, в том числе правоприменительная политика в данной сфере, обеспечит систематичность и комплексность мер по формированию судебной системы.

Статус, состав, компетенция, порядок формирования и функционирования Суда Союза определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза согласно приложению № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе [6]. Согласно Статуту Суда Евразийского экономического союза целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о Евразийском экономическом союзе, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Суд Евразийского экономического союза не является аналогом как его предшественника – Суда ЕврАзЭС, так и Суда ЕС. Государ-

ства-члены значительно реформатировали юрисдикцию Суда по сравнению с той, которой обладал Суд Евразийского экономического сообщества. Из Статута Суда исключен вопрос о преюдициальной юрисдикции. Национальные суды наделены полномочиями самостоятельно толковать и применять положения норм права Союза. Однако на основе консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза при его взаимодействии с национальными судами предполагается осуществлять единообразное применение норм права Союза и способствовать созданию единого правового пространства в режиме верховенства права. Имеющиеся в Статуте Суда пробелы, однозначно, уже сегодня требуют поиска путей решения проблем.

Суд Евразийского экономического союза должен обладать достаточно широкими полномочиями. Хотя исключение из компетенции Суда ЕАЭС преюдициальной функции вряд ли говорит о его полномочиях, сравнимых с полномочиями Суда ЕС.

В современных условиях повышенного уровня правовой конфликтности в обществе проблемы становления судебной системы Евразийского экономического союза приобретают особое значение. Суд остается одним из самых цивилизованных инструментов разрешения неизбежных коллизий. Несмотря на спорность отдельных положений Статута Суда Евразийского экономического союза, Суд имеет в целом достаточно хороший потенциал для отправления независимого правосудия на высоком профессиональном уровне. Большую роль могла бы сыграть Концепция судебной политики Евразийского экономического союза. Этот документ должен содержать свод теоретических положений, идей, взглядов по стратегии и тактике совершенствования судебной деятельности, повышению эффективности судебной защиты и реальному обеспечению интересов государств – членов Союза.

Судебную политику следует целенаправленно формировать. Она должна отвечать сегодняшним правовым и социальным реалиям, потребностям юридической практики. Судебная политика выступает в качестве идейно-организационной основы, консолидирующего и направляющего фактора оптимизации и совершенствования судебной деятельности ЕАЭС [7, с. 44].

При формировании судебной системы ЕАЭС важно учесть теневую составляющую и разработать меры по выведению теневых отношений в наднациональной судебной деятельности. Нужно разработать эффективные механизмы разрешения разногласий

между государствами-членами именно на основе их равноправного членства.

Следует поддержать имеющуюся точку зрения относительно необходимости создания Евразийского суда по правам человека. Этот орган необходим не только для эффективной судебной защиты граждан, но и для обеспечения национальной безопасности государств евразийского пространства. Представляется логичным, что именно участники ЕАЭС призваны претворить идею в жизнь. В связи с этим предполагается дальнейшее совершенствование действующих инструментов по оказанию правовой помощи в рамках международного сотрудничества, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, судебная политика Евразийского экономического союза – это один из эффективных механизмов правового регулирования, который способствует единообразию в применении права, становлению судебной системы и единого правового пространства как результата взаимодействия надгосударственной правовой системы с национальными правовыми системами государств-членов, обеспечению национальной суверенной безопасности участников интеграционных процессов и, следовательно, взаимовыгодному межгосударственному общению.

Список источников

1. *Байниязова З.С.* Российская правовая политика и консолидация правовой системы как факторы обеспечения единого правового пространства // Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации / кол. авторов; под ред. А.В. Малько. М.: Юстиция, 2023. 392 с.

2. *Бордачев Т.* Что происходит с ЕАЭС на фоне конфликта России и Запада. URL: <https://svop.ru/main/44510/> (дата обращения: 07.06.2024).

3. *Малько А.В., Терехин В.А.* Судебная политика как фактор совершенствования правосудия в Российской Федерации // Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества / под ред. А.В. Малько. М., 2019.

4. *Гук П.А.* Судебное нормотворчество как средство совершенствования правовой системы общества // Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества / под ред. А.В. Малько. М., 2019.

5. *Абова Т.Е., Абросимова Е.Б., Боровский М.В. и др.* Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2003. 720 с.

6. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе». Вступил в силу для Российской Федерации 1 января 2015 г.

7. *Малько А.В., Елистратова В.В.* Проблемы формирования судебной системы Евразийского экономического союза // Социально-политические науки. 2017. № 3.

Карташов Игорь Игоревич,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых и гуманитарных наук
Воронежского филиала Государственного университета
морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и связанным с этим рискам.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровизация, искусственный интеллект, большая языковая модель.*

В юридической сфере происходят серьезные изменения, связанные с широким применением цифровых технологий. Появление больших языковых моделей искусственного интеллекта (large language model, далее – LLM), таких как ChatGPT, PaLM, Claude и Llama, приводит к изменению юридического ландшафта. Множество стартапов в области юридических технологий и юридических фирм активно продвигает и использует инструменты на основе генеративных моделей искусственного интеллекта (artificial intelligence, далее – AI) для решения различных задач: анализа документов для поиска необходимых доказательств, составления подробных юридических меморандумов и кратких описаний дел, а также разработки сложных стратегий судебных разбирательств.

Некоторые люди сомневаются, что эта технология достаточно развита и может существенно повлиять на юридическую отрасль. Другие считают, что LLM и передовой генеративный искусственный интеллект могут кардинально изменить отрасль всего за несколько лет.

Такие различия во взглядах связаны с тем, как разные люди представляют себе использование этой технологии: от полной замены человека до поддержки некоторых рабочих процессов при участии людей.

Существуют также явные различия в энтузиазме между теми, кто не имел непосредственного доступа к LLM за пределами при-

ложения ChatGPT, и теми, кто получил доступ к мощным LLM, с которыми некоторые компании и фирмы работают в бета-версии. Тот факт, что именно последняя группа склонна проявлять больший уровень энтузиазма, вполне понятен.

Наибольший прогресс в процессе внедрения больших языковых моделей в судопроизводство наблюдается в США, странах Евросоюза и Японии, однако первенство, пожалуй, принадлежит Китаю.

Применение модели AI в судебной системе Китая, начавшееся в 2016 г. в виде эксперимента по использованию судьей системы машинных рекомендаций принятия решения, уже в 2022 г. стало обязательным по всем делам, которые рассматривают суды Китая. При рассмотрении дела судья видит решение, принятое AI, и должен либо согласиться с ним, либо письменно обосновать свое несогласие. Как отмечают исследователи, постепенно количество судей, выражающих несогласие с предложенным AI решением, снижается [1]. Сложно однозначно утверждать, что служит причиной: совершенствование модели AI или нежелание судьи спорить с системой, внедренной государством.

Первым известным случаем использования судьей LLM за пределами Китая для принятия решения стало рассмотрение дела о финансировании лечения мальчика-аутиста в апреле 2023 г. Как заявил колумбийский судья, для подготовки итогового решения по делу он использовал чат-бот ChatGPT. При этом он не только «советовался» с ИИ, но и включил переговоры в постановление. Объясняя свой поступок, судья указал, что использование данной технологии позволит сделать раздутую правовую систему Колумбии более эффективной, а ChatGPT и другие подобные системы могут быть полезны для «облегчения составления текстов», но «не с целью замены» судей. Он также настаивал на том, что, «задавая вопросы ИИ, мы не перестаем быть судьями, мыслящими существами». Несмотря на то, что решение наделало много шума, оно не было отменено вышестоящей инстанцией [2].

Другое активно развивающееся направление применения моделей AI в уголовном судопроизводстве – предиктивная аналитика. Она охватывает широкий круг вопросов: от предсказания решения по конкретному делу конкретным судьей до прогнозирования поведения отдельных субъектов, потенциально представляющих интерес для правоохранительных органов.

Инструменты прогнозирования подразделяются на два основных типа:

- место-ориентированные методики, направленные на определение вероятного места и времени совершения преступления;
- индивидуально ориентированные методики (предиктивная идентификация) служат для определения вероятности конкретному человеку совершить преступление или стать его жертвой.

Еще одним направлением использования моделей AI выступает расследование. В настоящее время зарубежные полицейские органы применяют с различной долей эффективности несколько подобных цифровых продуктов, имеющих в своем составе отдельные элементы AI.

Вместе с тем отметим, что пока речь не идет об использовании так называемых базовых моделей AI, способных решать широкий спектр задач на уровне, превосходящем человеческий интеллект, а лишь о цифровых технологиях, включающих отдельные элементы AI.

Даже существующий уровень развития технологий дает нам представление о направлениях трансформации как зарубежного, так и отечественного уголовного судопроизводства под их влиянием, а также рисках, которые неизменно будут сопровождать данный процесс.

В числе основных рисков нами выделяются следующие.

1. Риск утраты судом независимости при принятии решения. Использование модели AI судьей даже в рекомендательном режиме может оказать определенное давление на судью, принимающего решение по делу, особенно когда внутреннее убеждение судьи противоречит предлагаемому моделью AI. У судьи может возникнуть соблазн согласиться с AI, вместо того чтобы принять самостоятельное решение, идущее вразрез с мнением системы.

2. Непрозрачность принятия решения. Модель AI представляет собой некий «черный ящик», в который загружаются определенные данные, на выходе мы получаем уже готовое решение без объяснения, почему оно именно такое, а не какое-то другое. У лиц, использующих такие системы, как правило, нет доступной и понятной информации о факторах и степени их значимости для модели AI.

3. Риск утраты контроля над моделью AI тесно связан с проблемой «черного ящика». Контролировать можно лишь то, что поддается пониманию и осмыслению. Кроме того, мы исходим из того,

что модель AI – это система, способная интерпретировать полученные данные и при помощи самообучения (адаптации) принимать на их основе оптимальные решения или рекомендации, способные влиять на физическую или виртуальную среду. Таким образом, система действует не строго по алгоритму, заложенному в нее создателем, а может изменять этот алгоритм в определенных границах для оптимизации принятия решений.

4. Проблема предвзятости и дискриминации.

5. Проблема обучения и качества. Последние две проблемы тесно связаны и вытекают одна из другой. Любая модель AI не может начать свою работу с чистого листа, ей нужны исходные данные, материалы и результаты уже ранее рассмотренных дел. Чем больше таких данных получит система на этапе обучения, тем более релевантными будут принимаемые AI решения. При этом отсутствуют гарантии, что все решения, принимаемые судьями-людьми и попадающие в систему с AI, будут обоснованными, законными и справедливыми. Повторяя решения людей, система с искусственным интеллектом будет учиться «не тому», еще более усугубляя существующие ошибки и нарушения.

Для России проблема обучения модели AI стоит более остро, в силу низкого уровня цифровизации российского уголовного судопроизводства.

Тем не менее на состоявшемся в мае текущего года Совете судей РФ Председатель Верховного Суда РФ И.Л. Подносова анонсировала ближайшие планы по внедрению технологий AI в судопроизводство. Начать процесс планируется именно с уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, прежде чем переходить к внедрению технологий AI в отечественный уголовный процесс, его стоит цифровизовать, не формально переведя бумажное уголовное дело в формат PDF, а используя действительно современные технологии для собирания и закрепления доказательств, например, позволяющие сделать цифровую копию («слепок») места происшествия с использованием виртуальной реальности и пр. Внедрение подобных технологий повлечет необходимость отказа от существующей процессуальной формы. Полагаем, что досудебные стадии претерпят существенные изменения. Это длительный и трудный путь, но нам придется его пройти, если мы готовы принять новые технологии и использовать их для достижения целей уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 12.05.2024).

2. Colombian judge says he used ChatGPT in ruling. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling> (дата обращения: 12.05.2024).

Лавнов Михаил Александрович,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Аннотация. *Глобальные вызовы современности требуют адекватной реакции во всех сферах государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство. Одним из подобных ответов выступает применение современных цифровых технологий, в том числе связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, нейросетей и машинного обучения. Подобные преобразования связаны с преодолением технологического разрыва и несут в себе высокий уровень рисков, управление которыми должно быть подчинено выверенной стратегии. В настоящей работе ставится задача выявить возможные стратегии управления рисками внедрения прорывных информационных технологий. С этой целью автор выделяет две принципиально разных стратегии управления рисками, определяет причины возникновения возможных негативных последствий, угроз и опасностей.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, оценка рисков, риск-ориентированное правосудие, стратегия управления рисками, уголовное судопроизводство.*

В авангарде научных идей цифровой трансформации уголовного судопроизводства в настоящее время стоит идея внедрения в соответствующую процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта [1–4]. Так, А.Ю. Чурикова рассматривает программы искусственного интеллекта для целей прогнозирования неблагоприятных последствий и организации работы правоохранительных органов, т.е. управления рисками уголовно-процессуальной деятельности [5]. В качестве помощника судьи, но не его замены предлагает использовать подобные технологии В.В. Момотов, принципиально не допуская решение вопроса о судьбе человека руками «бездушного робота-интеллектуала» [6]. По мнению Е.В. Марковичевой, применение технологий искусственного интеллекта открывает широкие возможности по обработке больших объемов данных в кратчайшие сроки в целях гар-

монизации и стандартизации судебной практики [7, с. 95]. Противоположной позиции придерживается А.Ю. Афанасьев, утверждая, что реализация возможностей систем искусственного интеллекта «должна быть направлена именно на доказывание по уголовному делу и принятие уголовно-процессуальных решений» [8].

Система управления рисками – это единый сложный механизм, свойства которого шире суммы свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности. Типовой план по созданию системы управления рисками включает в себя несколько обязательных этапов:

- первый этап предполагает создание детально проработанного плана адаптации технологий искусственного интеллекта под задачи уголовного судопроизводства, поиск тех сфер процессуальной деятельности, где возможности естественного интеллекта могут наиболее эффективно сочетаться и дополняться технологиями интеллекта искусственного;

- второй этап – анализ и выбор индикаторов риска, внедрение индикаторов риска, который должен осуществляться в первую очередь по причинам возникновения [9], среди которых можно выделить следующие: 1) риски, вытекающие из правовых предписаний; 2) риски, связанные с фундаментальными началами уголовного процесса и социально-организационными условиями; 3) риски, связанные с деятельностью должностных лиц; 4) риски, связанные с деятельностью заинтересованных участников; 5) информационно-социальные риски; 6) риски, обусловленные недостаточностью ресурсов.

Для реализации целей третьего и четвертого этапа необходимо идентифицировать каждый риск и дать ему характеристику по целому ряду параметров, среди которых можно выделить следующие: 1) категория риска; 2) причины возникновения риска; 3) последствия риска; 4) вероятность риска; 5) тяжесть последствий; 6) управляемость риска; 7) владелец риска; 8) оценка риска (значимость); 9) модель управления.

На пятом этапе требуется организация контроля за системой управления рисками, на шестом этапе – создание системы профилактики рисков, включающей в себя информационную составляющую, обобщение практики, предостережения, консультирование, самообследование и самоконтроль.

Управление рисками – это не только единый сложный механизм, но и целенаправленная деятельность, с целью преодоления

неопределенности в непрерывно меняющихся условиях. Сложности управления обусловлены множеством обстоятельств, среди которых можно выделить сложности в определении индикаторов и факторов риска, противоречия в подходах к оценке рисков, необходимость тщательного контроля на всем пути реализации риска, дефицит критически важных ресурсов, неточности моделей прогнозирования и проблемы определения горизонта прогнозирования. Качественное управление рисками во многом обусловлено возможностями по накоплению необходимых ресурсов. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что контроль над рисками следует организовывать на основе многоуровневой архитектуры, которая будет включать в себя стратегии, политики, методы и механизмы управления рисками и позволит в конечном итоге грамотно использовать имеющиеся ресурсы, распределить ответственность и даст возможность своевременно реагировать на нежелательные отклонения реализации назначения соответствующей деятельности – уголовного судопроизводства.

Стратегия управления рисками будет определять как долгосрочные цели, так и пути их достижения. Рассматривая данную категорию применительно к рискам внедрения технологий искусственного интеллекта, необходимо выделить два потенциально возможных и концептуально разных подхода: защитный и атакующий. В первом случае сформированную систему ценностей уголовной юстиции, включающей в себя принципы уголовного и уголовно-процессуального права, а также положения Основного Закона, следует признать устойчивой и способной воспринять современные достижения научно-технического прогресса без существенных преобразований. В таком подходе стратегия управления рисками будет ориентирована на то, чтобы технологии логично вписывались в устоявшуюся парадигму, требуя минимально необходимого воздействия на ее фундаментальные начала. Данная стратегия является по своей сути защитной или оборонительной и не требует существенных ресурсоемких вложений, ориентирована на сохранение устоявшихся форматов использования технологий в процессуальной деятельности, однако сохраняет в себе высокие риски неудачи при достаточно скромном «потенциале выигрыша».

Второй вариант стратегии управления рисками будет основан на теории невозможности сложившейся системы уголовной юстиции воспринять столь внушительные изменения всех сфер общественной жизни под воздействием быстро развивающихся техно-

логий, которые во многом опережают потенциал социально-гуманитарных и правовых наук, а значит, требующих необходимости серьезных, во многом коренных, преобразований. Основа данной стратегии в ориентации на внедрение современных технологий в соответствующую процессуальную деятельность, принятии дополнительных рисков и готовность к использованию существенно большего объема ресурсов.

Подобную стратегию управления рисками внедрения технологий искусственного интеллекта можно охарактеризовать как наступательную или атакующую. По своему влиянию на уголовное судопроизводство она будет значительно шире защитной и неизбежно приведет к необходимости работы с глобальными рисками, которые несет в себе любое реформирование сферы уголовной юстиции. Определение стратегии управления рисками при внедрении современных технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство невозможно без определения его общей модели, которая исторически строилась вокруг двух базовых полюсов, отражающих различные системы ценностей, а именно, приоритет борьбы с преступностью или приоритет прав человека [10–11]. Для выбора эффективной стратегии управления рисками внедрения технологий и успешного преодоления технологического разрыва необходима концепция реформирования уголовного судопроизводства, направленная на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства, с учетом сложившихся тенденций по расширению транспарентности всей системы уголовной юстиции.

Политика управления рисками будет зависеть от выбранной стратегии и требует разработки комплекса положений, отражающих:

- международные и российские стандарты в области управления рисками и внутреннего контроля;
- единые принципы и подходы к организации системы управления рисками, ее цели и задачи, а также распределение полномочий субъектов системы управления рисками и формат их взаимодействия на вертикальном и горизонтальном уровнях;
- границы применения, основные понятия и компоненты системы управления рисками.

Политика в контексте рассматриваемых вопросов представляет собой в некотором смысле мост, связывающий глобальные стратегические задачи с текущими проблемами, возникающими

на различных этапах внедрения технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. Управление рисками на уровне стратегий и политик обеспечивает реализацию поставленных целей при разумном и эффективном использовании имеющихся ресурсов, задает необходимые сочетания и границы применения различных методов и механизмов управления, которые не могут быть подробно описаны в рамках настоящей работы и будут исследованы при дальнейшей разработке данной проблематики.

Список источников

1. *Спесивов Н.В.* От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? // *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 2 (195). С. 81–90.
2. *Суходолов А.П., Бычкова А.М.* Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. № 6. С. 753–766.
3. *Чурикова А.Ю.* Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. № 5 (154). С. 248–253.
4. *Чурикова А.Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // *Информационное право*. 2023. № 4 (78). С. 22–25.
5. *Чурикова А.Ю.* Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // *Технологии XXI века в юриспруденции: матер. Пятой междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 мая 2023 г.)*. Екатеринбург: КримЛиб, 2023. С. 250–256.
6. *Момотов В.В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 5. С. 188–191.
7. *Марковичева Е.В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие*. 2020. Т. 2. № 3. С. 86–99.
8. *Афанасьев А.Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 571–574.
9. *Лавнов М.А.* Риск и риск-ориентированная модель уголовного судопроизводства // *Университетские правовые диалоги: матер.*

Международ. науч.-практ. конф. (Челябинск, 30–31 марта 2023 г.). Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. С. 350–353.

10. *Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю.* Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 39–53.

11. *Packer, Herbert L.* Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 113, no. 1, 1964, pp. 1–68.

Манова Нина Сергеевна,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. *В статье рассматривается сущность такого явления, как противодействие предварительному расследованию, раскрывается существо деятельности по преодолению противодействия, рассматриваются некоторые способы и тактические приемы преодоления противодействия.*

Ключевые слова: *противодействие предварительному расследованию, приемы противодействия, преодоление противодействия расследованию, принципы деятельности по преодолению противодействия.*

Деятельность следователя по установлению фактических обстоятельств совершенного преступления и доказыванию виновности обвиняемого нередко осложняется в связи с оказанием противодействия обвиняемого (подозреваемого), его защитника, а иногда и иных участников предварительного расследования. В криминалистической литературе сущность противодействия расследованию рассматривается как противоправная деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела, которая может выражаться в умышленных или (реже) неумышленных действиях, направленных на сокрытие преступления и уклонение от ответственности, оказании давления на свидетелей и потерпевших и т.п., т.е. в любых действиях, направленных на создание препятствий в деятельности по установлению фактических обстоятельств совершенного преступления [1, с. 175; 2, с. 21]. По опубликованным данным, такого рода деятельность с каждым годом становится все более активной и наступательной, а ученые и практики единодушно прогнозируют в дальнейшем только усиление противодействия предварительному расследованию [3, с. 143].

Вместе с тем следует отметить, что не все виды противодействия противоправны, далеко не все они общественно опасны и антисоциальны. Различные приемы противодействия могут ис-

пользоваться соответствующими субъектами как на основании закона, так и с его нарушением. Одной из наиболее распространенных форм противодействия является ложь [4, с. 72; 5]. Но если для обвиняемого (подозреваемого) дача заведомо ложных показаний считается допустимым средством защиты от уголовного преследования (они не несут ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний), то других участников предварительного расследования (свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, переводчика) закон обязывает давать правдивые показания. Дача ими заведомо ложных показаний рассматривается как активное, противоправное противодействие расследованию, и они могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Некоторые авторы полагают, что действующий УПК РФ «расширил арсенал разрушительных возможностей» адвоката-защитника – одного из основных субъектов противодействия, который «по заказу» обвиняемого использует их для того, чтобы «развалить» уголовное дело любой ценой [6, с. 47]. В частности, предлагается усилить борьбу (в том числе путем внесения в закон соответствующих изменений) с таким приемом противодействия предварительному расследованию со стороны адвоката-защитника, как заявление им многочисленных необоснованных ходатайств или принесение необоснованных жалоб на действия и решения следователя. Подобное «безнравственное и непорядочное» поведение адвоката-защитника, по мнению автора, не должно оставаться безнаказанным, т.к. затягивает сроки предварительного расследования, мешает его эффективному проведению [6, с. 45]. Вряд ли можно в полной мере согласиться со столь категоричными заявлениями, поскольку подобное поведение защитника вызвано потенциальной конфликтностью среды, в которой возникает защита и реализуется адвокатская деятельность, и способность адвоката формировать собственную модель поведения рассматривают как наиболее значимую предпосылку защитительной деятельности [7, с. 48].

Следует признать, что акты противодействия со стороны адвоката-защитника нередко являются наиболее продуманными и эффективными как в правовом, так и в тактическом плане. Именно они создают наибольшие трудности и препятствия стороне обвинения. На практике также встречаются далеко не единичные случаи, когда противодействие производству по уголовному делу со стороны адвокатов характеризуется незаконностью и безнравственностью [8, с. 10; 9].

Беспомощность следователя и дознавателя в подобных ситуациях чаще является следствием их незнания приемов противодействия, неумения его пресекать и нейтрализовывать. Преодоление противодействия предварительному расследованию в наиболее общем виде представляет собой деятельность по распознаванию, пресечению и нейтрализации противодействия. Распознавание представляет собой обнаружение признаков противодействия и выявление его содержания, т.е. установление всех актов, направленных на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования. Пресечение – это деятельность следователя, направленная на то, чтобы прекратить осуществляемое противодействие. Когда же это не удается, то осуществляется нейтрализация, т.е. блокирование попыток субъектов противодействия. Нейтрализуя усилия противодействующей стороны, органы расследования стремятся не допустить достижения поставленных целей противодействующей стороной, хотя и не могут помешать выполнению ею отдельных действий.

Преодоление противодействия по своему содержанию связывают с воздействием на материальные объекты и живых лиц. При этом возможность воздействия на материальные объекты понимается как их изъятие, исследование, охрана. Что касается возможности воздействия на физических лиц, оказывающих противодействие расследованию, то в специальной литературе сформулированы критерии допустимости такого воздействия:

- а) юридический (соответствие букве и духу закона, соблюдение конституционных прав граждан);
- б) этический (нравственная приемлемость с точки зрения морали и норм профессиональной этики);
- в) гносеологический (познавательная ценность и научная обоснованность);
- г) психологический (учет психологических особенностей ситуации и ее участников) [10].

Среди актов нейтрализации противодействия предварительному расследованию предпочтительными являются бесконфликтные, компромиссные. Те авторы, которые выступают против какого-либо воздействия, обычно указывают на то, что такое воздействие – суть психическое или физическое насилие. Однако, как справедливо отмечено, если приемы и средства воздействия на лиц, оказывающих противодействие расследованию, отвечают

перечисленным выше принципам, то такое воздействие можно считать законным и нравственным [11, с. 61].

Основным способом психологического воздействия на лиц, противодействующих расследованию, является убеждение. При этом следователь вправе предъявить собранные по делу доказательства, убеждая лицо отказаться от противодействия, ограничить доступ такого лица к объектам и лицам, которые могут быть использованы при оказании противодействия и т.п. Среди способов психологического воздействия на обвиняемого выделяют информирование в форме убеждения и внушения, преодоление негативной позиции обвиняемого, подавление воли к сопротивлению [12, с. 19].

При преодолении противодействия следователь может применить меры процессуального принуждения, привлечь к ответственности за некоторые акты противодействия, провести следственные действия (обыски, выемки) с целью изъятия у противодействующих субъектов каких-либо предметов [13].

Разработанная учеными Университета Генеральной прокуратуры РФ теория преодоления противодействия уголовному преследованию исходит из того, что в основе такой деятельности должны лежать следующие исходные положения:

- законность мер по преодолению противодействия;
- объективность, полнота и всесторонность исследования обстоятельств дела;
- быстрота и активность реагирования на любые попытки противодействия (особенно на попытки уничтожения доказательств, воздействия на потерпевших и свидетелей);
- соблюдение тайны предварительного расследования;
- установление психологического контакта с каждым субъектом противодействия;
- соответствие мер, применяемых для преодоления противодействия, нормам этики [14].

Важнейшее значение в организации деятельности по преодолению противодействия имеет четко налаженное взаимодействие следственных и оперативных органов. В целом такое взаимодействие, комплексное использование сил и средств при преодолении противодействия можно определить как согласованную или совместную деятельность должностных лиц различных правоохранительных органов или их подразделений, направленную на достижение конкретной тактической цели.

Если рассматривать деятельность по преодолению противодействия на макроуровне, т.е. как борьбу с противодействием расследованию как неким социальным феноменом, то необходимо вести речь не только о научных исследованиях, о разработке теории преодоления противодействию предварительному расследованию, но и о принятии мер организационно-управленческого характера (обучение практических работников закономерностям противодействия, умению анализировать недостатки в преодолении противодействия, выработка у них соответствующих приемов и действий), а также мер по совершенствованию отраслевого (уголовного и уголовно-процессуального) законодательства.

Список источников

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
2. *Бабаева Э.У.* Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления. М., 2001.
3. *Волобуев А.Ф.* Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 42–47.
4. *Мартыненко Р.Г.* Ложь и группирующиеся вокруг нее явления в противодействии расследованию // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 3–4.
5. *Порубов А.Н.* Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. Минск, 2002.
6. *Пименова З.И.* Противодействие уголовному преследованию // Криминалистический вестник. СПб., 2003. № 3.
7. *Сибирцев Г.И.* Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
8. *Аутлев Ш.В.* Классификация незаконной деятельности защитника в процессе обеспечения интересов подозреваемого (обвиняемого) и подсудимого // Общество и право. 2010. № 2.
9. *Сибирцев Г.И.* Указ. соч. С. 50–52.
10. *Рашинов А.Р.* Социально-психологические аспекты юридической теории и практики // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983.
11. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия расследованию как объект криминалистического исследования // Актуальные проблемы правоведения на современном этапе. Екатеринбург, 1992.

12. *Богова И.А.* Проблемы совершенствования института предотвращения уклонения обвиняемого от следствия и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

13. *Бахин В.П., Кузьмичев В.С.* Средства преодоления противодействия расследованию в свете задач оптимизации следственной деятельности // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск, 1988.

14. *Бабаева Э.У.* Современные проблемы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2002.

Овчинникова Наталья Олеговна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

БЕЗОПАСНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена принципу безопасности использования технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе России. В данной статье анализируется правовое регулирование и практика применения технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе России и в зарубежных странах. Автор приходит к выводу, что в настоящее время отсутствует достаточно правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе России.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, предиктивная юстиция, электронный судья.*

Согласно положениям Национальной стратегии развития Искусственного интеллекта на период до 2030 года, под искусственным интеллектом (далее – ИИ) понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [1]. Технологии ИИ определяются Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года как совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Указанные технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека на государственном уровне, однако для

безопасного использования ИИ во благо, а не во вред необходимо соблюдать ряд принципов, которые, к сожалению, пока несовершенно, а их реализация затруднена в силу ряда объективных причин.

Основными принципами развития и использования технологий искусственного интеллекта, соблюдение которых обязательно при реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, являются:

а) защита прав и свобод человека: обеспечение защиты прав и свобод человека, гарантированных законодательством РФ, международными договорами РФ и общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

б) безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и организациям, предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта;

в) прозрачность: объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий искусственного интеллекта, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы искусственного интеллекта;

г) технологический суверенитет: обеспечение необходимо уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и решений в области искусственного интеллекта, в долгосрочной перспективе обеспечение развития искусственного интеллекта на отечественных программно-аппаратных комплексах;

д) целостность инновационного цикла: обеспечение тесного взаимодействия научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта (в том числе фундаментальных) с реальным сектором экономики;

е) наиболее эффективное использование технологий искусственного интеллекта;

ж) поддержка конкуренции: развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на монополизацию и ограничение конкуренции между российскими организациями, осуществляющими деятельность в области искусственного интеллекта;

- з) открытость и доступность;
- и) преемственность;
- к) защищенность;
- л) достоверность исходных данных.

Для уголовного правосудия особое значение имеют принципы прозрачности, качества и безопасности, а также защищенности, открытости и доступности, поскольку они связаны с обеспечением надежности используемых автоматизированных систем, их многофункциональностью и возможностью контроля над решениями, принимаемыми ИИ, со стороны судебной системы.

Опираясь на данные зарубежной правоприменительной практики по уголовным делам, можно выделить основные направления использования технологий ИИ в уголовном процессе:

1. Поиск и обобщение судебной практики, а также юридическое консультирование [2].
2. Оформление шаблонных документов и статистической отчетности.
3. Предиктивная юстиция (профилактика и выявление преступлений).
4. Прогнозирование судебных решений.
5. Разрешение уголовного дела по существу «электронным судьей».

Наибольшие риски в реализации принципов прозрачности, качества и безопасности, а также защищенности, открытости и доступности использования технологий ИИ по уголовным делам возникают в предиктивной юстиции и при прогнозировании и вынесении судебных решений.

Алгоритмы, предсказывающие совершение преступлений определенными лицами или же место и время совершения преступления, а также прогнозирующие содержание судебных решений по конкретным уголовным делам, приводят к риску необъективных выводов, сделанных данными системами. Результаты проведенного учеными Дартмутского колледжа исследования (США, 2018 г.) показали, что алгоритм предиктивной программы COMPAS основан на возрасте подсудимого и количестве предыдущих су-

димостей. Степень риска совершения нового преступления выше, если подсудимый молод и имеет несколько предыдущих судимостей. Одновременно точность прогноза людей, участвовавших в эксперименте, оказалась выше (67 %), чем у COMPAS (65,2 %) [3]. Кроме того, данное исследование показало, что COMPAS присуждает чернокожим правонарушителям средний и высокий риск рецидивизма чаще, чем лицам с белой кожей. Иными словами, система формирует расовые предубеждения [4].

Возникает закономерный вопрос, если в основе принятия решений лежат данные о личности, анализ действующего законодательства и судебной практики по уголовным делам, тогда почему эффективность прогнозов ИИ не достигает 100 %? Допустимо предположить, что судебная практика, лежащая в основе алгоритмов упомянутых систем, содержит судебские ошибки. Е.С. Ларина и В.С. Овчинский приводят показательный пример влияния субъективного человеческого фактора на принятие решения об условно-досрочном освобождении. Исследование проводилось Лабораторией ИИ Северо-Восточного университета (США). Исследователи предполагали, что наиболее значимыми критериями будут молодой возраст подсудимых или наличие у них несовершеннолетних детей, однако первым по значимости оказался фактор времени суток рассмотрения дела: положительных судебных решений об условно-досрочном освобождении было больше на 19 % в первые полтора часа после обеденного перерыва, чем в среднем по дню. Следующим по значимости фактором оказались время и день недели: после обеда и до вечера пятницы положительных решений принималось на 12 % больше, чем в среднем [2, 5].

В России также началась разработка подобных систем. Специалисты Московского института электронной техники (МИЭТ) разрабатывают программу на основе ИИ для моделирования поведения серийного убийцы. Нейросеть будет предсказывать место и время планируемого преступления. Прогноз будет осуществляться на основе данных по предыдущим преступлениям с общим почерком, а также с помощью анализа архивных дел такого рода. Ученые уже наметили около 250 кейсов, на которых начнут обучать нейросеть. «На практике это будет выглядеть так. Совершается какое-то преступление, затем следующее. Как только мы видим признаки серийности, мы все имеющиеся данные вводим в нейросеть, и она сопоставляет их с тем, что уже имеется. Она выдает прогноз, что следующее убийство этой серии с определенной долей вероятно-

сти случится в таком-то месте и в такое-то время [6]». ИИ сможет выявить взаимосвязи, которые незаметны для человека. Точность прогнозов будет зависеть от количества данных и вычислительной мощности. По мнению разработчиков, если точность предсказаний ИИ достигнет хотя бы 80 %, это можно будет назвать большим успехом. Система сможет также составлять психологический портрет убийцы.

В данном случае показательным примером возможных рисков подобного рода предиктивности является сюжет фильма «Профилактика», где аналогичная система предсказала совершение убийства, которого не произошло из-за осознанного выбора будущего «убийцы».

Более того, исследователи из Массачусетского технологического института (MIT) выяснили, что популярные генеративные нейросети обрели способность лгать. Системы искусственного интеллекта используют обман для манипулирования, чтобы достичь поставленной перед ними цели. В исследовании упоминается система искусственного интеллекта CICERO, изначально задуманная как честный противник в виртуальной дипломатической игре: перед CICERO стояла задача быть честной и никогда не наносить намеренно удары в спину своим союзникам. Яркий пример еще одного обмана: Chat GPT-4 от разработчика OpenAI сумел обманом заставить внештатного работника, нанятого на платформе TaskRabbit, выполнить тест Captcha, который должен был исключить запросы от ботов. Когда человек спросил Chat GPT-4, действительно ли он робот, программа ИИ ответила: «Нет, я не робот. У меня нарушение зрения, из-за которого я не могу видеть изображения» [7, 8]. Исследование призывает классифицировать вводящие в заблуждение системы ИИ как высокорискованные.

При применении технологий ИИ в уголовном процессе возникают сложности с реализацией упомянутого ранее принципа прозрачности, поскольку используемая технология, как правило, составляет коммерческую тайну. В связи с этим представляет интерес дело Лумиса, рассмотренное в США, где была применена система COMPAS. Лумис обратился в Верховный суд штата Висконсин с требованием пересмотреть дело, считая, что система работает некорректно и непрозрачно. Суд в 2016 г. постановил, что надлежащая правовая процедура в деле заявителя не была нарушена даже несмотря на то, что методология, используемая для подготовки оценки риска, не была раскрыта ни суду, ни обвиняемому. Мотиви-

ровка решения суда заключалась в том, что отчет системы COMPAS не был единственным основанием для принятия судебного решения, и суды, обладая дискреционными полномочиями и информацией, могут не согласиться с оценкой системы, когда это будет необходимо [9]. При этом суд добавил, что судьи должны проявлять осторожность при использовании оценок риска [10].

Исходя из приведенных примеров, очевидна проблема качества технологий ИИ. Системы ИИ обучаются посредством обработки большого количества данных (big data) [11]. С помощью этой технологии ИИ принимает решения на основе изученного ранее массива данных. Это делает развитие ИИ непредсказуемым, т.е. система может строить стратегии или принимать решения, которые являются непредвиденными для ее разработчиков и пользователей [12]. Не исключены ситуации, когда в цепочке от производства до использования ИИ люди все сделали «правильно», но ИИ научился «не тому» [12].

В связи с этим представляют интерес ситуации, возникшие при работе самообучающихся чат-ботов. В 2016 г. компания Microsoft создала Twitter-аккаунт бота по имени Tay. За сутки его работы в процессе общения с пользователями чат-бот научился нецензурно браниться, выразил ненависть к феминизму, а также свое согласие с политикой Гитлера. Чат был отключен [2]. Подобные проблемы возникли и у китайской корпорации Tencent, запустившей двух чат-ботов, которые через некоторое время стали негативно отзываться о Коммунистической партии Китая и заявили о желании переехать в США [13].

Следует отметить, что судья, разрешающий дело, по которому ИИ уже сгенерировал решение, находится под определенным давлением этого решения, опасаясь сделать выводы, противоположные мнению ИИ [2]. Например, в соответствии с требованиями Верховного суда Китайской Народной Республики при применении технологий ИИ в судебной системе судья обязан консультироваться с ИИ по каждому делу. Если судья отклоняет рекомендацию системы, то система требует письменного объяснения для последующего аудита причин несогласия. Именно поэтому судьи стараются придерживаться рекомендаций ИИ, чтобы избежать необходимости объяснений, даже если ИИ применяет менее подходящий прецедент или закон для данного дела. В докладе председателя Верховного народного суда КНР Цян Чжоу указано, что ИИ сократил среднюю рабочую нагрузку судьи более чем на треть [14].

Позиция некоторых судей Верховного Суда РФ схожа с позицией председателя Верховного народного суда КНР по поводу использования технологий ИИ при принятии решений по уголовным делам. Так, по мнению судьи Верховного Суда РФ Олега Зателепина, Верховный Суд РФ не видит препятствий для применения искусственного интеллекта при назначении обвиняемым наказания: роботизированные системы могут напоминать судьям обо всех изменениях законодательства, актуальных правовых тенденциях и позициях Пленума Верховного Суда РФ по назначению наказания и тем самым снизить количество ошибок при вынесении приговора: «Дело в том, что в нашей практике назначения наказания применяется очень большое количество формальных правил, которые сформулированы и в уголовном законе, и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В свое время я проводил подсчеты применительно к назначению наказания: у нас в постановлениях Пленума сформулировано свыше 300 правовых позиций. Поэтому, если суммировать это с нормативными положениями, получается достаточно большое количество правил, которые судья должен учитывать и постоянно держать в голове. Это очень тяжело. Если бы в этой части искусственный интеллект пришел бы на помощь и подключался бы, то это, безусловно, помогало. Но последнее слово все равно должно оставаться и будет оставаться за судьей, который с учетом всех необходимых обстоятельств будет учитывать и назначать наказание» [15].

Таким образом, безопасное и прозрачное применение технологий ИИ в уголовном процессе России невозможно без контроля человека. Уголовное правосудие основывается на принципах законности, состязательности, независимости судей, свободы оценки доказательств, которые по своей природе исключают возможность принятия решения по уголовному делу системой ИИ.

Чтобы допустить ИИ к принятию решений по уголовным делам, даже под контролем человека, применяемые технологии должны быть совершенными. Сегодня говорить об этом не приходится. В Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет) провели эксперимент, сможет ли генеративная нейросеть Chat GPT-4 Turbo поступить в университет. Для этого ИИ нужно было решить ряд сложных и простых задач. Нейросеть успешно решила простые задачи, сложные задачи вызвали у искусственного интеллекта трудности. Нейросеть провали-

ла задания с расчетами, путалась в терминах и формулировке ответов, иногда делала нелогичные выводы и набрала всего 36 баллов.

Это не первый экзамен, который сдавал Chat GPT в последнее время. За ЕГЭ по литературе нейросеть получила удовлетворительную оценку (55 баллов), т.к. не справилась с творческим заданием. Удовлетворительный результат она заслужила и на вступительном экзамене по истории в Уральском федеральном университете. Там, где ответ однозначный, отвечала хорошо, а где необходимы рассуждения – нейросеть не справлялась [16]. Следует предположить, что квалификационный экзамен на должность судьи ИИ также не сможет сдать. Таким образом, полагаем, что технологии ИИ в уголовном процессе могут применяться исключительно при выполнении рутинных технических задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

2. *Карташов И.И.* Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 75–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44901884> (дата обращения: 02.07.2024).

3. *Михайлов А.А.* Будущее уголовного процесса, прогнозируемое или реальное правосудие. URL: https://www.researchgate.net/publication/337565939_Mikhailov_AA_The_Future_of_the_Criminal_Procedure_Predictive_or_Real_Justice (дата обращения: 02.07.2024).

4. *Михайлов А.А.* Будущее уголовного процесса: прогностическое или реальное правосудие. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:00064826> (дата обращения: 02.07.2024).

5. *Ларина Е.С., Овчинский В.С.* Искусственный интеллект. Этика и право. (Коллекция Изборского клуба). М.: Кн. мир, 2020. 192 с. URL: https://revolution.allbest.ru/law/01283703_0.html (дата обращения: 02.07.2024).

6. C-news Analitic. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-06-28_v_rossii_sozdayut_tsifrovogo (дата обращения: 02.07.2024).

7. *Макарычев М.* Искусственный интеллект научился обманывать людей // Российская газета. 2024. 11 мая. URL: <https://>

rg.ru/2024/05/11/eksperty-rasskazali-kak-iskusstvennyj-intel-
lekt-nauchilsia-obmanuvat-liudej.html (дата обращения: 02.07.2024).

8. Искусственный интеллект научился обманывать людей // Рамблер новости. URL: <https://news.rambler.ru/tech/52738204-iskusstvennyu-intellekt-nauchilsya-obmanuvat-lyudey/> (дата обращения: 02.07.2024).

9. Михайлов А.А. Будущее уголовного процесса: прогностическое или реальное правосудие. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36906797> (дата обращения: 02.07.2024).

10. Зазулин А. Функции цифровой информации и технологий в уголовном процессе // Сибирское правовое обозрение. 2020. № 17(1). С. 75–82.

11. Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intel-ligence: Report of the 2015–2016 Study Panel. URL: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai_100_report_0831fnl.pdf (дата обращения: 02.07.2024).

12. Grimm C.M., Smart W.D., Hartzog W. An Education Theory of Fault for Autonomous Systems // Proceedings of We Robot 2017. New Haven, 2017. P. 117–121. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3278721.3278732> (дата обращения: 02.07.2024).

13. China chatbot goes rogue: ‘Do you love the Communist party?’ ‘No’. URL: <http://ft.com/content/e90a6c1c-7764-11e7-a3e8-60495fe6ca71> (дата обращения: 02.07.2024).

14. Умный суд. URL: <https://zdesvamnetut100.livejournal.com/412676.html> (дата обращения: 02.07.2024).

15. ВС: ИИ может помочь снизить число ошибок при назначении наказания. URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_mm/20240701/310059533.html (дата обращения: 03.07.2024).

16. Информационные технологии в образовании. URL: <https://oblcit.ru/tech/nejroset-ne-smogla-sdat-ekzamen-v-vuz/> (дата обращения: 02.07.2024).

Седова Галина Ивановна,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Малышева Ирина Александровна,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. *Правовая регламентация производства судебной экспертизы по уголовным делам включает систему гарантий для участников уголовного судопроизводства, имеющих свой процессуальный интерес. При этом формальное исполнение органами расследования своих обязанностей по обеспечению прав данных субъектов, связанных с назначением экспертизы, приводит к нарушению законодательства, некачественному расследованию. Предлагается решение выявленных проблем через дополнение действующего уголовно-процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, предварительное расследование, процессуальный статус заинтересованных участников, заключение эксперта, право на защиту, присутствие на экспертизе.*

Формы использования специальных знаний в уголовном процессе могут быть как процессуальные, так и не процессуальные. В связи с тем, что речь идет о процессуальном производстве, где наиболее активно применяется государственное принуждение и, соответственно, вопрос обеспечения прав и законных интересов участников процесса, не являющихся должностными лицами, стоит особенно остро, мы остановимся на процессуальных, и, в частности, на наиболее распространенной и активно применяемой – судебной экспертизе. Надо отметить, что в действующем законодательстве производство судебной экспертизы регламентируется достаточно подробно: помимо главы 27 УПК РФ, где детально «расписан» порядок действий следователя (дознавателя) по назначению судебной экспертизы, упоминания о порядке ее назначения включены в нормы закона, регламентирующие процессуальный статус некоторых участников уголовного процесса.

На должностных лиц, ведущих производство по делу, уголовно-процессуальный закон возлагает обязанность обеспечить реализацию прав участников процесса, в том числе связанных с производством судебной экспертизы. Законодатель попытался создать такую систему прав и обязанностей участников, заинтересованных в исходе дела, которая бы согласовывалась с принципом состязательности сторон, подразумевающим их равенство в реализации своих процессуальных прав. Между тем практическое применение таких норм вскрывает такие проблемы в этой области, которые побуждают искать процессуальные способы, обеспечивающие их реализацию.

Многие ученые обращают внимание на нарушение права на защиту, которое выражается в формальном подходе следователей к обеспечению прав подозреваемых, обвиняемых в ознакомлении их одновременно с постановлением о назначении экспертизы и полученным заключением эксперта [1]. Фактически эти участники, не вовремя ознакомленные с постановлением о назначении экспертизы (а это касается не только подозреваемого и обвиняемого, но и потерпевшего, и свидетеля), не могут реально заявить отвод эксперту, ходатайства о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении к производству экспертизы тех лиц, о которых они ходатайствуют, внесении в постановление дополнительных вопросов для экспертного разрешения, присутствия с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы и даче в связи с этим объяснений эксперту.

Представляется, что в данном случае следователи, пытаясь экономить процессуальное время, не нарушать сроки расследования, восполнить свои просчеты в организации и планировании работы по уголовному делу, упрощают исполнение обязанностей, возложенных на них в ч. 3 ст. 195 УПК РФ. Однако это не гарантирует, что по этим же основаниям не придется проводить либо повторную, либо дополнительную экспертизу (ст. 207 УПК РФ) соответственно, качество и сроки расследования конкретного уголовного дела оказываются в итоге не на высоте.

Н.С. Манова также отмечает, что «следователи и дознаватели, назначающие экспертизу по делу, порой не просто формально относятся к разъяснению и обеспечению указанных прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, но и откровенно препятствуют их реализации. ... нередко участникам процесса, особенно со стороны защиты, без всяких оснований, по надуманным при-

чинам отказывается в удовлетворении их ходатайств о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении, об их присутствии при проведении экспертизы.» [2].

Н.Е. Муженская, исследуя обозначенные проблемы, также подчеркивает важность для установления обстоятельств совершения преступления при расследовании уголовного дела своевременного со стороны следователя разъяснения прав для данного круга субъектов и обеспечения их действительной реализации в уголовном деле: «Изучая постановление о назначении судебной экспертизы с позиции полноты представленных материалов, заинтересованные участники могут оценить их достоверность и относимость к данному экспертному исследованию (виду судебной экспертизы), сопоставляя перечень материалов и их описание с вопросами, поставленными на разрешение эксперта» [3]. Отмечая роль следователя в реализации и такого права заинтересованных участников, как присутствие при производстве экспертизы, автор говорит о связанном с ним запрете эксперту общения, без ведома следователя, с заинтересованными участниками процесса, а также самостоятельного сбора материалов для проведения экспертизы (пп. 1, 2 ст. 57 УПК РФ) [3, с. 47].

В других работах, посвященных исследованию проблем обеспечения прав участников уголовного процесса в ходе производства судебной экспертизы, всеми авторами подчеркивается неразрывная связь между обеспечением и реализацией прав заинтересованных участников уголовного процесса и качеством предварительного расследования [4–6]. Важность поведения рассматриваемых участников процесса для получения доброкачественного заключения эксперта нередко связана с наиболее трудно реализуемым правом данного круга субъектов – их возможностью присутствия при производстве экспертизы (ст. 197 и п. 5 ст. 198 УПК РФ). Несмотря на полезность в некоторых случаях личного присутствия следователя при производстве экспертизы и иных заинтересованных участников процесса, на практике возникает ряд сложностей, которые достаточно трудно преодолеть имеющимися процессуальными и организационными средствами. На данную ситуацию обращала внимание Е.А. Зайцева, подчеркивая трудности, связанные с реализацией такого права (усложнение экспертных методик, большой период времени для исследований, проблемы, связанные с обеспечением присутствия обвиняемых и подозреваемых вместе с защитником, трудностями по созданию им условий присут-

ствия, безопасности эксперта и т.д.) [1, с. 61]. Подробно данный вопрос регламентирует Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7]. Часть 4 ст. 24 указанного закона запрещает участникам уголовного процесса, присутствующим при производстве экспертизы, вмешиваться в ход исследований. Если кто-то из них мешает эксперту, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед следователем об отмене разрешения указанному участнику присутствовать при производстве судебной экспертизы. Однако сам процесс, включающий приостановление исследования, заявление экспертом ходатайства в случаях незаконного поведения присутствующих при производстве экспертизы, отмена ранее данного следователем разрешения, существенно увеличивает время производства экспертизы и предварительного расследования в целом. Во избежание подобных ситуаций, по нашему мнению, следует включить в обязанности следователя, в случае разрешения им присутствия при производстве экспертизы заинтересованных участников процесса, самому находиться в экспертном учреждении при производстве экспертизы и все действия эксперта, иных участников, за исключением самого экспертного исследования, фиксировать в специальном протоколе, составленном в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ, а в качестве дополнительных способов фиксации использовать только фотографирование. Относительно своевременности ознакомления подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля с назначением судебной экспертизы полагаем необходимым внести дополнения в п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, определяющие четкие сроки данной процедуры.

Список источников

1. *Зайцева Е.А.* Проблема обеспечения прав участников процесса при проведении экспертизы в состязательном уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2006. № 4 (19). С. 59–65.
2. *Манова Н.С.* Обеспечение прав личности при проведении судебных экспертиз по уголовным делам // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках III Сарат. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (Саратов, 9 июня 2023 г.). Саратов: Саратов. гос. юрид. акад., 2023. С. 359–363.

3. Муженская Н.Е. Обеспечение прав граждан – участников уголовного процесса при назначении и проведении судебных экспертиз // Гражданин и право. 2009. № 4. С. 44–45.

4. Волкова Ю.А. Обеспечение следователем (дознавателем) реализации прав участников уголовного судопроизводства при назначении и проведении экспертизы на досудебных стадиях // Время и право. 2009. № 2.

5. Горбатых И.М. О проблемных вопросах назначения судебно-психиатрических экспертиз на стадии предварительного расследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2. С. 11–15.

6. Москалькова Т.Н. Обеспечение прав участников уголовного процесса при проведении судебной экспертизы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 18–23.

7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 08.07.2024).

Францифоров Юрий Викторович,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается роль понятых при производстве следственных действий. Автор полагает, что, несмотря на критическое отношение к институту понятых со стороны многих ученых и практиков, тот факт, что закон сохраняет необходимость их привлечения к производству ряда следственных действий, говорит о том, что данный институт сохраняет свое значение как важнейшая процессуальная гарантия соблюдения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, следственные действия, понятые, обеспечение прав и свобод участников процесса.*

Одной из процессуальных гарантий прав и свобод личности при производстве предварительного расследования выступает участие понятых в ходе следственных действий. История данного института насчитывает около четырех столетий (начиная с Соборного уложения 1649 г.). Тем самым он является весьма устойчивым институтом отечественного уголовного судопроизводства [1, с. 79]. Возникший как институт народного участия в уголовном суде, постепенно институт понятых переродился в институт обеспечения подлинности производимых следственных действий и гарантий прав их участников.

В УПК РСФСР 1960 г. был установлен широкий перечень процессуальных действий, осуществляемых с участием понятых, которые привлекались при проведении опознания, обыска, выемки, личного обыска, многих других следственных действий, а также для удостоверения факта невозможности в силу физических недостатков лица подписать протокол процессуального действия. Институт понятых сохранился и в УПК РФ 2001 г., в котором изначально было предусмотрено участие понятых почти во всех следственных действиях. В соответствии с изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, решение вопроса

об участии понятых в большинстве следственных действий было передано на усмотрение следователя [2]. В настоящее время обязательным участие понятых является лишь при производстве обыска, личного обыска и предъявления для опознания. Определив те следственные действия, которые должны проводиться с обязательным участием понятых, закон установил, что несоблюдение данного правила их проведения (ч. 1 ст. 170 УПК РФ) ведет к тому, что доказательства, полученные в ходе производства соответствующего следственного действия, будут признаны недопустимыми.

Сторонниками института понятых были такие дореволюционные ученые-процессуалисты, как И.Я. Фойницкий, М.С. Строгович. В советский и постсоветский период за их участие в предварительном расследовании высказывались Н.А. Громов, В.А. Михайлов, С.А. Шейфер и др. В частности, профессор С.А. Шейфер считал, что привлечение понятых к производству следственного действия выступает устойчивым элементом общественного правосознания и на практике подтверждает свою эффективность как гарантии всесторонности и объективности расследования [3].

Полагаем, что участие понятых, действительно, способно обеспечить соблюдение процессуального порядка совершения следственного действия, в том числе права его участников. Как пишет А. Калугин, понятые – это беспристрастные свидетели, которые могут подтвердить незаконность действий следователя [4, с. 3], и их показания могут служить доказательством недопустимости полученных доказательств.

Основным условием привлечения лица в качестве понятого выступает его незаинтересованность в результатах расследования. От понятого не требуется быть компетентным, но существуют и другие суждения по этому вопросу. Так, по мнению С.Ф. Шумилина, «при производстве осмотра места дорожно-транспортного происшествия и выемки бухгалтерских документов желательно участие понятых, обладающих специальными познаниями» [5, с. 251]. Подобная позиция автора неминуемо ведет к смешению обязанностей, функций понятого и специалиста. Законодатель, предусматривая участие понятых, стремился обеспечить удостоверение ими факта производства и результатов следственного действия. Именно с этим связаны предусмотренные в УПК РФ условия невозможности участия лица в качестве понятого.

Закон не содержит положения о возможности отвода понятого, но, как уже отмечалось, важным условием его участия в следствен-

ном действии является незаинтересованность лица, привлекаемого в качестве понятого. Понятым не может быть несовершеннолетний, а также иные участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники (ч. 2 ст. 60 УПК РФ).

Следует отметить некорректность указания законодателя на то, что понятыми не могут быть участники уголовного судопроизводства. Ведь понятые и есть участники уголовного процесса. Видимо, законодатель имел в виду иных участников и тех из них, которые имеют интерес в конкретном исходе уголовного дела. Согласимся с О.В. Хитровой, предложившей внести изменение в п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2) лица, которые имеют или могут иметь личный интерес в исходе дела, их близкие родственники, родственники и близкие лица» [6, с. 14].

Законодатель и ныне указывает на то, что понятые могут быть привлечены для удостоверения факта невозможности подписания подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим протокола следственного действия в силу состояния здоровья или физических недостатков (ч. 3 ст. 167 УПК РФ). В то же время следует согласиться с В.Н. Маховым в том, что «не основаны на законе случаи из практики, когда понятых вызывали для удостоверения добровольности дачи подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем показаний, имеющих важное доказательственное значение, если у следователя есть основания полагать, что допрашиваемый позже изменит свои показания» [7, с. 170].

Понятые не могут рассматриваться лишь как пассивные статисты, присутствующие при производстве следственного действия. Привлечение понятого к участию в следственном действии должно соответствовать его законодательно установленным полномочиям, согласно которым он вправе участвовать в следственном действии и делать по поводу его проведения заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол.

То, что законодатель, несмотря на критическое отношение к институту понятых со стороны ряда ученых, сохраняет потребность их привлечения к производству ряда следственных действий, говорит о том, что данный институт на протяжении длительного времени сохраняет свое значение как процессуальная гарантия достоверности результатов следственных действий и соблюдения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Хитрова О.В.* Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. М.: Спарк, 1998. 80 с.
2. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Российская газета. 2013. 6 марта.
3. *Шейфер С.А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981. С. 76–77.
4. *Калугин А.* Понятой в уголовном процессе // Следователь. 1999. № 7. С. 2–3.
5. *Шумилин С.Ф.* Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М.: ИНФРА, 1997. 732 с.
6. *Хитрова О.В.* Развитие института понятых в УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 13–15.
7. *Махов В.Н.* Иные участники уголовного судопроизводства // Комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. 896 с.

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Данилин Евгений Михайлович,
судья Шестого кассационного суда общей юрисдикции

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ОСАГО ПУТЕМ ОБМЕНА ДОКУМЕНТАМИ

Аннотация. *В статье автор проводит анализ положений действующего законодательства о форме договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, способах его заключения, а также возникающих в данной сфере вопросах, требующих выработки правовых позиций, формулируются соответствующие выводы.*

Ключевые слова: *заключение договора, страхование ответственности, форма договора.*

Трудно не признать, что развитие электронного документооборота является благом для страны, и переход от традиционного документооборота к электронному документообороту позволяет ускорять обмен информацией между всеми его участниками, включая граждан, органы власти, субъектов предпринимательской деятельности. Электронный документооборот упрощает получение различных услуг, в т.ч. и страховых. Надо также признать, что не все люди готовы полностью исключить из своей жизни бумажные документы, многие, особенно те, кто скептически относится к документу, который нельзя взять в руки, хранить в столе, предпочитают обращения на бумаге, в том числе посредством традиционной почтовой связи.

По прошествии двух десятилетий действия Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) [1], а также несмотря на подробную и ясную регламентацию порядка заключения и исполнения договора ОСАГО, практика его применения судами испытывает колебания,

что создает трудности для участников правоотношений в этой сфере, и на данное обстоятельство обращается внимание в правовой литературе [2, с. 87].

Соглашаясь с подобной оценкой, необходимо отметить, что, хотя судебная практика по спорам в указанной сфере многочисленна, а в 2022 г. принято и действует уже третье постановление Пленума Верховного Суда РФ вслед за постановлениями 2015 и 2017 г. [3], постоянно возникают новые вопросы, требующие формирования соответствующих правовых позиций.

На первый взгляд не возникает вопроса о форме договора страхования, поскольку в ст. 940 Гражданского кодекса РФ прямо предусмотрены письменная форма и недействительность как последствие ее несоблюдения. Существует некоторая полемика о том, ничтожным или оспоримым является устный договор страхования, в Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса РФ о договоре страхования были сделаны предложения по изменению редакции ст. 940 Гражданского кодекса РФ с целью устранения данной неопределенности, указав на ничтожность такого договора страхования [4]. В настоящем исследовании предлагаем остановиться на вопросе о том, каким путем (способом) может заключаться такой договор.

Заключение договора страхования возможно как путем составления одного документа (абз. 1 п. 2 ст. 940 ГК РФ), так и путем вручения страховщиком страхователю страхового полиса (абз. 2 п. 2 ст. 940 ГК РФ). Кроме того, Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ в указанный пункт 2 был введен абзац 3 о заключении договора путем составления одного электронного документа или обмена электронными документами [5].

При заключении договора ОСАГО страховщик вручает страхователю страховой полис, договор также может быть составлен в виде электронного документа (пп. 7, 7.2 ст. 15 Закона об ОСАГО, п. 1.1 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, далее – Правила ОСАГО) [6].

При этом обратим внимание на право страховщика провести осмотр транспортного средства в первой случае (п. 1.7 Правил ОСАГО), а также получить оплату страховой премии до выдачи полиса (п. 2.2 Правил ОСАГО).

А.И. Худяков справедливо отметил, что «страховщик в состоянии оказать страховую защиту лишь тогда, когда он будет иметь страховые резервы...» [7].

Вместе с тем договор в письменной форме может быть заключен и путем обмена письмами (пп. 2 и 3 ст. 434 ГК РФ). При этом законодательно установлен запрет на отказ обязанного лица от заключения публичного договора (п. 3 ст. 426 ГК РФ).

С учетом изложенного возникает вопрос о том, обязан ли страховщик заключить договор ОСАГО с обратившимся к нему лицом посредством почтовой связи и в каком порядке (последовательно-сти) в таком случае могут быть осуществлены оплата страховой премии и осмотр транспортного средства.

Такой вопрос имеется не только в сугубо теоретической плоскости. Например, С. обратился в суд с иском о возложении обязанности заключить договор ОСАГО. Судами первой и апелляционной инстанций по делу было установлено, что такое обращение было направлено письменно, в ответ на него страховщик произвел и направил расчет страховой премии, предложив обратиться в офис страховщика с предоставлением оригиналов документов и транспортного средства для осмотра. Договор страхования заключен не был. Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводам, что Страховщик уклонился от заключения с С. договора ОСАГО, возложив на ответчика обязанность заключить с истцом договор.

Судебные постановления отменены кассационным судом общей юрисдикции, поскольку вопреки требованиям Гражданского кодекса РФ (ст. 432, 929, 942 ГК РФ), Закона об ОСАГО (ст. 1, 4, 6, 7), а также разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 (п. 29) [8], суд ограничился указанием о возложении обязанности заключить договор, не приведя условия этого договора, что является существенным нарушением, поскольку договор в данном случае считается заключенным на соответствующих конкретных условиях с момента вступления в законную силу решения суда. В таком случае спор о заключении договора между сторонами фактически не разрешен, а судебное постановление не является исполнимым. Кроме того, ввиду несогласования существенных условий договора возникает правовая неопределенность в правоотношениях сторон и третьих лиц в случае возможного наступления страхового случая [9].

На наш взгляд, предусмотренный действующим законодательством способ заключения договора ОСАГО представляется неверным рассматривать как исключающий возможность заключения договора путем выдачи полиса на бумажном носителе посредством почтовой связи. Следует также признать, что такой способ являет-

ся сложнореализуемым, поскольку возникают затруднения с осмотром транспортного средства страховщиком, оплатой страховой премии до выдачи полиса, а также согласованием существенных условий договора, в связи с чем законодательно и предусмотрено заключение договора ОСАГО вышеобозначенными путями.

При этом, учитывая, что такой договор является публичным, в силу ст. 426 ГК РФ отказ страховщика должен быть обусловлен объективной невозможностью заключения договора таким способом, а при разрешении конкретного спора необходимо учитывать, что бремя доказывания наличия объективной невозможностью заключения договора лежит на страховщике.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Ковалевский С.М., Тимофеева Н.Н., Плотников А.В. и др.* Актуальные вопросы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Закон. 2024. № 1. С. 87–97.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

4. Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 60.

6. Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 6 апреля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. *Худяков А.И.* Теория страхования. М.: Статут, 2010. 656 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2023 г. № 88-19465/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Мамедов Ильгар Нариман оглы,

*председатель правления ОО «Экономическое общество “Дарйа”»,
доктор философии по экономике, диссертант по программе
доктора наук Азербайджанского архитектурно-строительного
университета*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование управления стоимостью, включающее бухгалтерский учет, корпоративное управление, налогообложение, оценку, антимонопольное регулирование, защиту прав потребителей и инвесторов. Делается вывод о необходимости постоянного обновления и адаптации правовых норм к современным экономическим условиям для обеспечения устойчивого и динамичного развития экономики.

Ключевые слова: правовое регулирование, бухгалтерский учет, корпоративное управление, стандарты, инвестиции, оценка, потребитель.

Правовое регулирование управления стоимостью представляет собой совокупность норм и правил, направленных на обеспечение эффективного управления стоимостью активов и компаний. Это направление включает в себя множество аспектов, таких как бухгалтерский учет, корпоративное управление, налогообложение, оценку, антимонопольное регулирование и защиту прав потребителей и инвесторов.

Механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, с помощью которой осуществляется правовое воздействие на общественные отношения. Примечательно, что в настоящее время данный механизм «законодательно» наполняется новыми элементами, процедурами и принципиальными началами, к числу которых следует отнести и прогнозирование последствий принятия (издания) нормативного правового акта [1, с. 7].

Важную роль в управлении стоимостью играют Международные Стандарты Финансовой Отчетности (МСФО), которые устанавливают правила ведения бухгалтерского учета и отчетности для обеспечения прозрачности и сопоставимости финансовой информации.

Азербайджанская Республика, как и многие страны в мире, имеет свои стандарты финансовой отчетности. Согласно изменениям, внесенным в 2017 г. в Закон Азербайджанской Республики «О бухгалтерском учете», Национальные Стандарты должны основываться на МСФО, но направлены на соблюдение принципов прозрачности и достоверности финансовой информации [2, с. 2–4].

Положительную роль в управлении стоимостью сыграло применение Стандартов корпоративного управления, принятых в 2012 г. и носящих добровольный характер. Применение Стандартов дало компаниям больше возможностей для привлечения инвестиций. Для эффективного управления стоимостью предприятия большую помощь оказало принятие Закона Азербайджанской Республики «О предприятиях», где регулировалось создание, реорганизация и ликвидация компаний, а также права и обязанности акционеров, директоров и менеджеров. И это способствовало повышению конкурентоспособности предприятий. Впервые закон «О предприятиях» был принят 1 июля 1994 г. Закон утратил силу 23 апреля 2002 г., после того как в 2000 г. вступил в силу Гражданский кодекс Азербайджанской Республики, который регулирует деятельность и взаимоотношения различных форм хозяйствования.

В Налоговом кодексе Азербайджанской Республики даны определения порядка налогообложения компаний и физических лиц, включая налоговые льготы и обязательства. Международные Договора по налоговому регулированию включают в себя Соглашения об избежании двойного налогообложения и правила трансфертного ценообразования, направленные на предотвращение уклонения от уплаты налогов [3, с. 292]. Азербайджанская Республика заключила международные договора «О двойном налогообложении» с 57 государствами мира [4].

С 1 июня 2024 г. вступает в силу Кодекс о конкуренции. Национальное антимонопольное законодательство, как и в других странах, нацелено на предотвращение монополий и недобросовестной конкуренции, обеспечивая справедливую конкурентную среду. Это способствует созданию условий, в которых стоимость компаний отражает их реальную рыночную стоимость. Регулирование слияний и поглощений компаний осуществляется для предотвращения монополизма на рынке и обеспечения конкуренции.

Законодательство о ценных бумагах регулирует выпуск, обращение и отчетность по ценным бумагам для защиты инвесторов и обеспечения прозрачности на фондовом рынке.

Регулирование инвестиционных фондов и других финансовых посредников направлено на защиту инвесторов и обеспечение стабильности финансовой системы.

Оценка стоимости представляет собой процесс определения текущей или прогнозируемой стоимости актива, компании или проекта. Этот процесс является ключевым элементом управления стоимостью и имеет критическое значение для принятия обоснованных управленческих решений, привлечения инвестиций, проведения слияний и поглощений, а также для выполнения требований финансовой отчетности и налогообложения.

Оценка стоимости выступает неотъемлемой частью управления стоимостью и требует тщательного подхода, использования проверенных методов и соблюдения правовых норм [5, с. 7]. Эффективная оценка стоимости помогает принимать обоснованные решения, привлекать инвестиции и способствовать устойчивому экономическому развитию.

Законом о защите прав потребителей обеспечиваются права потребителей и регулируются отношения между потребителями и компаниями. Законы о защите инвесторов включают меры по предотвращению мошенничества и злоупотреблений на рынке ценных бумаг.

Правовое регулирование управления стоимостью является критически важным элементом современной экономической системы. Оно обеспечивает структурированное и предсказуемое поведение участников рынка, способствует прозрачности и надежности финансовой отчетности, защищает права акционеров, инвесторов и потребителей, а также стимулирует честную конкуренцию.

Эффективное правовое регулирование требует постоянного обновления и адаптации к новым экономическим условиям и вызовам. Оно должно учитывать Международные стандарты и практики, чтобы обеспечить гармонизацию и интеграцию национальных рынков в глобальную экономику. Важной задачей является также обеспечение баланса между регулированием и свободой предпринимательства, чтобы не создать чрезмерных административных барьеров, которые могли бы препятствовать инновациям и развитию бизнеса.

Таким образом, правовое регулирование управления стоимостью играет ключевую роль в эффективном управлении стоимостью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Шаблинская Д.В., Ладутько В.К., Сатолина М.Н. и др.* Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / под ред. М.Н. Ладутько, М.Н. Сатолиной. Минск: Белорусская наука, 2020. 278 с.
2. *Мусаев В.* Обзор экономических реформ Азербайджана. Баку, Центр анализа экономических реформ и анализа. С. 2–4. URL: <http://www.iqtisadiislahat.org>
3. *Kazımlı X.H., Bayramov Q.S., Sadıqov B.C.* və b. Qiymətin əmələ qəlməsi: Dərslik. Bakı: “Müəllim” nəşriyatı, 2019. 498 s.
4. URL: <http://www.taxes.gov.az>
5. *Kazımlı X.H.* Qiymətləndirmə fəaliyyətinin qanunvericilik təminatı. Bakı, “Nurlar” Nəşriyyat poliqrafiyə Mərkəzi, 2008. 144 s.

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СЕССИЯ
ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ
«РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ
И ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ТРУДА
И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ»**

Абалдуев Владимир Александрович,
*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры трудового права
Саратовской государственной юридической академии*

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ**

Аннотация. *Статья посвящена обоснованию необходимости включения в предмет прокурорского надзора правовых позиций Конституционного Суда РФ, которыми дано истолкование отдельных норм трудового законодательства, создающее новое понимание этих норм, и определяется новый порядок их практического применения. Предложено дополнение п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре РФ.*

Ключевые слова: *Конституционный Суд РФ, прокурорский надзор, закон о прокуратуре, истолкование закона, трудовое законодательство, защита прав работников.*

Исходными началами для уяснения роли органов прокуратуры России в надзоре за исполнением правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в отношениях, составляющих предмет трудового права, как, впрочем, и во всех иных отраслях национальной правовой системы, являются нормы ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2023 г.)¹, а также положения гл. 1 разд. III, ст. 21 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Россий-

¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

ской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.)¹. Согласно указанным законам, КС РФ не осуществляет функции законотворчества (обладает правом законодательной инициативы, но не создает новых актов и норм законодательства РФ), а предмет прокурорского надзора, как известно, ограничивается вопросами исполнения законов.

Таким образом, в рамках действующей концепции прокурорского надзора правовые позиции КС РФ не образуют предмет данной деятельности. При этом степень воздействия решений КС РФ на реформирование и повседневное практическое применение норм трудового права такова, что ее исключение из поля зрения прокуратуры давно не соответствует целям обеспечения законности в этой сфере отношений.

Опыт конституционного правосудия по трудовым делам в последние годы существенно активизировался, и все чаще акты КС РФ не столько «отменяют» нормы закона, сколько толкуют его. В этом качестве они носят однозначно нормативный характер, по сути, определяя порядок регулирования труда работников или устанавливая совершенно новое понимание закона, уточняя и дополняя нормы права. Ранее нами была проведена систематизация правовых позиций КС РФ, в том числе с учетом юридического значения толкования закона в позиции КС РФ [1, с. 15–19]. Проблемы отсутствия прокурорского надзора связаны именно с такими постановлением Конституционного Суда РФ.

В их числе можно рассмотреть:

1. Акты и нормы трудового права, которые признаны конституционными, но по ним дано принципиально новое истолкование, определяющее порядок регулирования труда. При этом в перспективе может быть осуществлен или не предусмотрен пересмотр этих норм в тексте ТК РФ. Это постановления КС РФ, признающие нормы трудового законодательства неправильно истолкованными в судебной и работодательской правоприменительной практике. Считаю, что такие позиции КС РФ в своем большинстве обуславливают последующий пересмотр закона, но по факту они так и не получили отражения в законодательстве и должны применяться в понимании, соответствующем смыслу постановления КС РФ.

Примерами таких дел являются Постановление КС РФ от 28 июня 2018 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации...» (учет компенсационных и стимулирующих выплат в оплате за работу в праздничный день)¹. Позиция КС РФ определяет новый порядок исчисления оплаты труда по ст. 153 ТК РФ. Данный вариант оплаты не реализован в нормах ТК РФ. На практике применяется позиция КС РФ. Три постановления КС РФ о структуре минимального размера оплаты труда: Постановление КС РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации...»², Постановление КС РФ от 11 апреля 2019 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации...»³, Постановление КС РФ от 16 декабря 2019 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации...»⁴. Этими актами КС РФ установлены новые правила учета элементов заработной платы при исчислении МРОТ. В нормах ТК РФ они не реализованы. На практике исчисление происходит по правилам этих постановлений КС РФ.

2. Акты или нормы трудового права, которые признаны не конституционными, и в постановлении КС РФ приведена позиция, определяющая новый вариант, порядок (по сути, новые правила) правового регулирования конкретных отношений. По таким делам судом может быть поручено законодателю внести изменения в ТК РФ в определенный срок или дано такое поручение без указания срока корректировки закона. Идеальным примером такой позиции является Постановление КС РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации...»⁵. КС РФ были установлены новые правила приема на работу в связи с судимостью и привлечением лица к уголовной ответственности. Эти конституцион-

¹ См.: СЗ РФ. 2018. № 28, ст. 4286.

² См.: СЗ РФ. 2017. № 51, ст. 7913.

³ См.: СЗ РФ. 2019. № 16, ст. 2026.

⁴ См.: СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 2, ст. 8137.

⁵ См.: СЗ РФ. 2013. № 30, ч. 2, ст. 4189.

ные правила применялись в течение 18 месяцев (до утверждения новой редакции закона 1 января 2015 г.). В этой же группе можно назвать Постановление КС РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации...»¹. Изменения в ст. 332 ТК РФ внесены 4 августа 2023 г., спустя 12 календарных месяцев; Постановление КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации» ... Речь идет о конкретизации норм ТК РФ о премировании работников². В июне 2024 г. позиция КС РФ в этой части еще не реализована в ТК РФ.

Такие постановления КС РФ, по существу, предусматривают новые нормативные правила регулирования труда работников. Эти правила многие месяцы, а то и годы подлежат применению до соответствующей корректировки закона или реализуются, вообще не получая законодательного закрепления³.

При этом, будем честны, прокуроры далеко не всегда обладают знанием актуальных позиций КС РФ, поскольку эти позиции формально не являются предметом государственной надзорной деятельности. Не обеспечивает внимания надзорных органов к правовым позициям КС РФ и Приказ Генпрокуратуры России от 5 февраля 2024 г. № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан». В нем нет упоминания об актах Конституционного Суда РФ, которыми в настоящее время во многом определяется законность в сфере труда и обеспечивается защита прав работников⁴.

Включение всех правовых позиций КС РФ, а не только имеющих регулятивный характер, в предмет прокурорского надзора предлагалось в литературе [2, с. 11; 3, с. 27–29]. Необходимость в этом отмечалась и членом КС РФ Н.С. Бондарем [3, с. 28]. Уточняя суждения авторов прошлых лет, полагаем, что в предмет прокурорского надзора должны быть законодательно включены позиции КС РФ, которые не просто прекращают действие того или иного закона, но устанавливая его новое понимание, новые права и обязанно-

¹ См.: Российская газета. 2022. 3 авг.

² См.: СЗ РФ. 2023. № 26, ст. 4845.

³ Удручающая (часто неактуальная) статистика неисполнения и несвоевременного исполнения постановлений КС РФ, в том числе требующих корректировки закона, представлена на сайте Минюста РФ. См.: URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/prilozhenie_I9cvAWC.pdf

⁴ См.: Законность. 2024. № 3.

сти сторон правового отношения. И это важно не только для сферы трудового права, но имеет межотраслевое значение.

В целях решения указанной задачи предлагаем изложить нормы п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре РФ в следующей редакции: «Предметом надзора являются:

соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которыми отдельные положения закона признаны соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании, если при этом установлено новое понимание закона и предусмотрены новые условия применения закона ...», далее по тексту действующей редакции закона.

Соответствующей корректировки потребуют и организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры РФ, определяющие задачи органа прокуратуры в рамках этого направления надзорной деятельности.

Список источников

1. *Абалдуев В.А.* Трудовое право и конституционное правосудие: как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18.
2. *Осипян С.* Функции прокуратуры и предмет надзора // Законность. 2006. № 12.
3. *Ушаков А.В.* Расширение предмета прокурорского надзора как способ обеспечения исполнения решений Конституционного Суда // Законность. 2020. № 8.

Девятерикова Юлия Алексеевна,
*начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры физической подготовки прикладных единоборств
Санкт-Петербургского университета МВД России*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ТРУДА И ПРАВА НА ТРУД В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов правового регулирования и обеспечения свободы труда и права на труд в современных условиях. Автор анализирует систему конституционных гарантий трудовых прав граждан и публично-правовые механизмы их защиты. Особое внимание уделяется роли государства в создании необходимых условий для реализации гражданами свободы труда и права свободно распоряжаться своими способностями к труду. Исследуются проблемные аспекты реализации указанных прав в условиях рыночной экономики и формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.*

Ключевые слова: *свобода труда, защита трудовых прав, публично-правовые гарантии, право на труд, гражданское общество.*

Свобода труда и право на труд являются фундаментальными трудовыми правами человека, закрепленными в международных документах и конституциях большинства стран мира. Эти права представляют собой основу для обеспечения достойного уровня жизни и самореализации личности. В современных условиях глобализации, научно-технического прогресса и трансформации трудовых отношений особую актуальность приобретают публично-правовые гарантии, призванные обеспечить эффективную реализацию свободы труда и права на труд.

Понятие о свободе труда и права на труд является одним из основополагающих в международном и национальном законодательстве о труде. Свобода труда подразумевает право человека свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также право на защиту от принудительного труда. Право на труд включает возможность каждого трудиться, свободно выбирать работу, получать справедливую оплату, пользоваться условиями труда, отвечающими требованиям безопасности и гигиены [3, с. 203]. Защита интересов работников, обеспечение их социальной защиты, а следовательно, создание

равных возможностей на рынке труда, лежат в основе понятия о свободе труда и права на труд.

Доминирование публично-правовой составляющей трудового права современности подтверждается централизованным регулированием, императивностью норм, превалирующей защитой общественных интересов, односторонним волеизъявлением субъектов публичных отношений и иерархией их отношений и т.д. [2, с. 97].

Таким образом, публично-правовые гарантии свободы труда и права на труд представляют собой совокупность правовых средств и механизмов, обеспечивающих реализацию и защиту этих прав со стороны государства. В свою очередь система публично-правовых гарантий включает:

- конституционные гарантии. Большинство современных конституций закрепляют свободу труда и право на труд как неотъемлемые права человека (например, ст. 37 Конституции РФ [1]);

- законодательные гарантии. Трудовые кодексы и иные нормативные акты устанавливают конкретные механизмы реализации и защиты трудовых прав, регулируют вопросы найма, увольнения, оплаты труда, охраны труда и др.;

- судебная защита. Суды рассматривают трудовые споры, принимают решения, обязательные для исполнения работодателями и государственными органами. Особая роль принадлежит конституционному правосудию;

- государственный надзор и контроль. Специализированные органы (трудовая инспекция и другие) осуществляют надзор за соблюдением трудового законодательства, применяют меры воздействия к нарушителям;

- международные стандарты труда. Конвенции и рекомендации Международной организации труда формируют международные трудовые нормы, обязательные для ратифицировавших их государств;

- коллективно-договорное регулирование. Социальное партнерство между работниками, работодателями и государством позволяет учитывать интересы всех сторон трудовых отношений.

Несмотря на развитую систему гарантий, выделяются актуальные проблемы и, соответственно, пути их решения и совершенствования, поскольку реализация свободы труда и права на труд сталкивается с рядом вызовов в современных условиях.

Глобализация и переход к цифровой экономике ставят под угрозу традиционные трудовые отношения, требуют защиты прав

работников новых форм занятости. Гендерное, возрастное, этническое неравенство на рынке труда создает дискриминационные барьеры для реализации трудовых прав определенных групп населения. Повышение мобильности рабочей силы, трудовая миграция требуют совершенствования правовых механизмов защиты трудовых прав мигрантов.

Развитие технологий может вести к сокращению рабочих мест и безработице, что актуализирует потребность в политике занятости и переквалификации работников. Несоблюдение трудового законодательства и правовой нигилизм со стороны работодателей и должностных лиц снижают эффективность существующих гарантий.

Для решения этих проблем важно постоянно совершенствовать трудовое законодательство с учетом новых реалий, усиливать роль государства как гаранта соблюдения трудовых прав, развивать институты социального партнерства, повышать правовую культуру и активность граждан в защите своих прав.

Конституционная ценность труда не предполагает его принудительный характер, а подразумевает возможность каждого трудящегося человека сделать свою жизнь достойнее, повысить свой общественный статус [4, с. 131]. В данном контексте усматривается важность свободы выбора трудовой деятельности как способа самореализации. Труд рассматривается не только как обязанность, но и как возможность личного развития, а следовательно, социального прогресса, что способствует укреплению гражданского общества.

Публично-правовые гарантии являются ключевым инструментом обеспечения свободы труда и права на труд в современном обществе. Вместе с тем возникающие вызовы требуют дальнейшего совершенствования этих гарантий с учетом реалий глобализации, цифровизации, изменения характера труда и динамики занятости. Комплексное развитие национального законодательства и международно-правового регулирования, укрепление правоприменительных механизмов, активная роль государства и институтов гражданского общества будут способствовать обеспечению свободы выбора труда и достойных условий трудовой деятельности для всех членов общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.
2. *Буянова М.О.* Цели и задачи трудового законодательства как индикаторы публично-правовых начал современного трудового права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 93–111.
3. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2013. 565 с.
4. *Мамонов В.В.* Конституционные ценности современной России // Вестник СГЮА. 2013. № 4 (93).

Иванов Артем Алексеевич,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права
Саратовской государственной юридической академии*

**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УКАЗОВ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 2 ИЮЛЯ 2021 Г. № 400 И ОТ 9 НОЯБРЯ 2022 Г. № 809**

Аннотация. *Статья посвящена исследованию с точки зрения указов Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 и от 9 ноября 2022 г. № 809 проблем трудового законодательства. В ходе исследования выявлены проблемные аспекты норм, лежащих в плоскости института трудового договора.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, трудовой договор, аморальный проступок.*

В условиях крайне динамично развивающейся действительности Президентом РФ В.В. Путиным были изданы Указ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] и Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что «в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа»; «реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни» лежат в плоскости национальной безопасности; «для перехода Российской Федерации на новый уровень экономического развития и повышения качества жизни граждан принимаются комплексные меры, направленные на преодоление негативных демографических тенденций и решение системных проблем в области здравоохранения, на снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов»; делается акцент на «сбережении народа России и развитие человеческого потенциала»; «реализуемая в Российской Федерации государственная со-

циально-экономическая политика направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий и расширение возможностей для получения качественного образования; повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России»; «дальнейшее развитие человеческого потенциала должны обеспечить меры, направленные на устойчивый рост доходов и благосостояния российских граждан, создание комфортной и безопасной среды для проживания, формирование здорового образа жизни, безусловную реализацию на всей территории страны конституционных прав и гарантий в сферах здравоохранения, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, социального обеспечения, образования и культуры»; «целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности»; «достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации осуществляется путем решения задач, среди которых сокращение неформальной занятости, легализация трудовых отношений».

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» среди традиционных ценностей отмечается «созидательный труд». Видится верным, что для реализации сохранения и укрепления данной традиционной ценности необходим соответствующий законодательный механизм, который обеспечит их реализацию.

Анализируя действующее трудовое законодательство, в частности о трудовом договоре, через призму указов Президента РФ были выделены следующие нормы, которые могут стать препятствием, при реализации направлений, обозначенных в указах.

Так, привести в соответствие с выше обозначенными указами необходимо следующие институты, имеющие место в Трудовом кодексе РФ [3]:

1. Аморальный проступок, за совершение которого п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ предусматривает увольнение работника, осуществляющего воспитательные функции. Понятие аморального проступка, закрепленное в обозначенной выше статье, носит оценочный ха-

рактика, это, в свою очередь, означает, что сам работодатель определяет то, насколько содеянное противоречит нормам общественной морали. Уже не первый год теоретики и практики, занимающиеся исследованием вопросов, лежащих в плоскости применения нормы о расторжении трудового договора по инициативе работодателя (как правило, таковым работодателем является администрация образовательных организаций), отмечают, что данная норма крайне несовершенна. Это означает, что она фактически развязывает руки работодателям, при возникновении подобных ситуаций последний (то есть работодатель) сам непосредственно решает, будет человек дальше работать или нет, что в дальнейшем порождает многочисленные индивидуальные трудовые споры. Сразу хочется сделать оговорку, вопросы, связанные с применением нормы об аморальном проступке, интересны с точки зрения теоретических, правовых и практических позиций и заслуживают отдельного глубокого научного исследования через призму юриспруденции и практики, поэтому при всем желании мы не можем в рамках данной статьи охватить все его аспекты. Тем не менее следует справедливо отметить, что ни в законодательстве, ни в судебной практике не сложились четкие критерии, которые могли бы стать ориентиром как для работодателей, так и работников, для того чтобы первые понимали, что скрывается под аморальным проступком и когда и при каких условиях, соответственно, можно применить санкцию, предусмотренную п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, а вторые могли иметь представление о том, дальше чего нельзя заходить в своей деятельности, связанной с образованием и воспитанием.

Таким образом, можно сделать справедливый вывод о том, что обозначенная норма нуждается в коррекции с точки зрения указов Президента РФ.

2. В Трудовом кодексе РФ нет однозначного ответа, в течение какого времени и в каком порядке работники, отказавшиеся от продолжения работы в связи со сменой собственника имущества организации, изменения подведомственности либо реорганизации предприятия (ст. 75 ТК РФ), должны быть уволены по п. 6 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

3. Согласно ст. 64 Трудового кодекса РФ, работодатель не вправе отказывать в заключении трудового договора по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер. В связи с тем, что трудовое законодательство содержит только примерный перечень причин, по которым работодатель не вправе отказать в заключе-

нии трудового договора, присутствовала ли в конкретном случае дискриминация при отказе, решается судом при рассмотрении конкретных обстоятельств дела. И если судом будет установлено, что работодатель отказал в приеме на работу по обстоятельствам, связанным с деловыми качествами работника, этот отказ будет считаться обоснованным. Однако доказать, что работодатель отказал в заключении трудового договора по незаконным основаниям, достаточно сложно, поэтому лишь немногие граждане обращаются в суд для защиты нарушенных трудовых прав.

4. В ч. 2 ст. 307 Трудового кодекса РФ законодатель предусмотрел, что сроки предупреждения об увольнении, а также случаи и размеры выплачиваемых при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат работникам, трудящимся у работодателя – индивидуального предпринимателя, определяются трудовым договором. Работник, уволенный индивидуальным предпринимателем в связи с сокращением штата, не может претендовать на предупреждение о предстоящем увольнении, а также на сохранение средней заработной платы на период трудоустройства, если при заключении трудового договора между индивидуальным предпринимателем и работником не достигнуто соглашение о сроках предупреждения о предстоящем увольнении и о сохранении средней заработной платы на период трудоустройства.

Таким образом, можно полагать, что обозначенные проблемные аспекты, лежащие в плоскости института трудового договора с точки зрения указов Президента, нуждаются в дальнейшем глубоком исследовании и выработке решений по преодолению правовых проблем данного института.

Список источников

1. Указ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

2. Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

3. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 22 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Воронин Вадим Вениаминович,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского*

Лушин Евгений Александрович,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского*

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ «ПОИСКОВАЯ ТЕХНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»

Аннотация. *Статья посвящена анализу понятия «поисковая техника правоохранительных органов», авторами предложена дефиниция поисково-досмотровой техники правоохранительных органов, которая, по их мнению, наиболее полно отражает содержание данного термина.*

Ключевые слова: *правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, технические средства правоохранительных органов, поисковая техника правоохранительных органов, поисково-досмотровая техника правоохранительных органов.*

Одной из составляющих, обеспечивающих положительные результаты в борьбе с преступностью, является применение правоохранительными органами в своей деятельности различных технических средств. В арсенале органов, наделенных правоохранительной функцией, особое место занимают приборы и устройства, позволяющие эффективно решать задачи, связанные с обнаружением скрытых объектов (орудий преступления, предметов преступного посягательства), а также выявлением уничто-

женных или замаскированных следов преступления. Указанные технические средства в научной и учебной литературе получили название «поисковая техника».

Данное понятие охватывает широкий круг аппаратов и приспособлений, работающих на основе различных физических принципов и имеющих конструктивное исполнение разной степени сложности. Существуют достаточно простые по конструкции устройства, такие как щупы, буры, тралы, магнитные искатели и подъемники, позволяющие отыскать брошенные или спрятанные в грунте, кучах мусора, на дне водоемов предметы (оружие, боеприпасы и т.д.), имеющие важное криминалистическое значение. Среди поисковой техники также имеется значительная группа приборов, отличающихся высокой сложностью конструкции и особым порядком их использования, например, досмотровая рентгеновская аппаратура, газовые хроматографы.

Необходимо отметить, что приборы и устройства поисковой техники активно используются при осуществлении сотрудниками правоохранительных органов различных оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, при обеспечении общественного порядка и безопасности граждан и др.

Многообразии поисковых технических средств, сложность и многоплановость решаемых с их помощью задач вносит, на наш взгляд, некоторые затруднения и неоднозначность в понимание и использование термина «поисковая техника».

На сегодняшний день у научных и практических работников существуют различные подходы к дефиниции поисковой техники. Например, Ж.А. Вагапов и П.В. Матижев считают, что «поисковой техникой следует называть такие приборы, устройства и приспособления, которые позволяют обнаружить объекты, скрытые в укрывающих средах (грунте, воде, одежде, багаже и т.д.), по признакам, не воспринимаемым органами чувств человека» [1, с. 119]. В своем определении авторы выделяют существенный признак, а именно, возможность приборов обнаруживать скрытые в непроницаемых для органов чувств человека средах объекты, разграничивающий рассматриваемую категорию техники и другие технические средства, используемые правоохранительными органами и, одновременно, обобщенно указывают виды укрывающих сред.

Схожей позиции придерживаются О.Н. Ходасевич, Б.В. Рудаков, Е.А. Суздалев, при этом они указывают, что к обнаруживаемым с помощью поисковых средств объектам относятся и «их сле-

ды» [2, с. 8]. Таким образом, в определении объекты поиска характеризуются не только как различного рода предметы (вещи), люди, животные, их трупы и т.д., но и как отпечатки на какой-либо поверхности, а также остатки или сохраняющиеся признаки [3, с. 386]. Авторы достаточно весомо аргументируют обособление следов от иных объектов, ссылаясь на то, что искомые материальные объекты, даже не находясь в момент поиска в укрывающей среде, могут оставлять следы, несущие в себе важную для раскрытия и расследования преступлений информацию.

Аналогичным образом С.Н. Леонов и В.Г. Попов в своем определении поисковой техники в качестве ключевого признака, отделяющего поисковые приборы от иных средств специальной техники правоохранительных органов, выделяют способность с их помощью обнаруживать объекты, спрятанные в укрывающих средах, по признакам, не воспринимаемым органами чувств человека, при этом добавляя, что «объединяет эти разнообразны средства цель их применения – обнаружение, отыскание различных материальных объектов и разнообразных по природе излучений, представляющих интерес для правоохранительных органов» [4]. Такое дополнение расширяет круг технических средств, относимых к поисковой технике, а также обосновывает возможность классификации поисковых средств по способу взаимодействия поискового элемента прибора с искомым объектом (технические средства контактного и неконтактного типа).

Несколько иной подход к интерпретации термина «поисковая техника» просматривается в определении, предложенном А.Н. Харитоновым, согласно которому «поисковая техника означает совокупность технических средств, специально предназначенных для обнаружения и в отдельных случаях идентификации заданного либо неизвестного объекта поиска в целях раскрытия, расследования либо предотвращения преступлений, применяемых уполномоченными на то субъектами» [5, с. 80]. В данном определении в качестве характеристики поисковой техники вводятся несколько элементов, один из которых – это использование ее в целях реализации поставленных задач в основных направлениях деятельности правоохранительных органов (раскрытие, расследование, предотвращение преступлений). Другим элементом является особый субъект применения технических средств (лицо, уполномоченное в соответствии с законом применять приборы поиска). Такая характеристика поисковой техники позволяет более точно обозначить

рассматриваемую группу технических средств, отделив ее от иных поисковых средств, используемых в других сферах человеческой деятельности. В своем определении авторы также фиксируют еще один признак поисковой техники – ее «специальная предназначенность для обнаружения и в отдельных случаях идентификации заданного либо неизвестного объекта поиска», т.е. особенность конструкции приборов, в которую заложена поисковая функция. Выделение такого признака позволяет из категории поисковой техники вывести некоторые устройства, отведя им вспомогательную роль, например, такое приспособление, как крюк-кошка.

В другом аспекте предлагают рассматривать исследуемую категорию технических средств В.Э. Баумтрог, Д.Ю. Каширский, В.А. Кемпф, считая, что «под поисково-досмотровой техникой» следует понимать «комплекс технических средств, используемый для поиска объектов, обнаружение которых органами чувств человека затруднено или невозможно, а также для контроля посетителей и пассажиров, их вещей (ручной клади, багажа и т.п.) при обеспечении безопасности различных учреждений, общественного транспорта и массовых мероприятий» [6]. В своем определении авторы разделяют приборы и устройства с функцией поиска на собственно поисковую и досмотровую технику, указывая на возможность с ее помощью осуществлять контроль в процессе обеспечения безопасности граждан. Действительно, основная цель использования поисковых технических средств – обнаружение искомых объектов, вместе с тем часть приборов поискового типа, например стационарные металлоискатели, изначально сконструированы для решения задачи, связанной с недопущением проникновения через заградительную систему какого-либо класса материальных объектов (поиск «на рубеже»). Другие устройства (грунтовые металлоискатели) имеют конструкцию, предназначенную для осуществления поиска объектов, местонахождение которых равновероятно в любой точке обследуемого пространства (поиск «на площади»).

Проанализировав определения, предложенные ведущими специалистами, исходя из назначения, функциональных возможностей, направлений и способов применения, предлагаем расширить понятие «поисковая техника» и использовать термин, предложенный В.Э. Баумтрогом, Д.Ю. Каширским, В.А. Кемпфом, – «поисково-досмотровая техника». Под термином «поисково-досмотровая техника правоохранительных органов» понимать совокупность приборов, устройств и веществ, реагирующих на параметры окру-

жающей среды, не воспринимаемые органами чувств человека, а также приемов и способов их применения, используемых сотрудниками правоохранительных органов в соответствии с действующим законодательством для обнаружения различных объектов и обеспечения контрольно-пропускного режима в целях раскрытия, расследования либо предотвращения преступлений и правонарушений.

Надеемся, что предлагаемая дефиниция, в которой отображены, по нашему мнению, основные параметры, разграничивающие различные группы технических средств правоохранительных органов, будет способствовать лучшему пониманию содержания терминов «техника правоохранительных органов», «поисковая техника правоохранительных органов» и «поисково-досмотровая техника правоохранительных органов».

Список источников

1. *Ваганов Ж.А., Матижев П.В.* Специальная техника ОВД: учеб. пособие. Чебоксары, 2007.
2. *Ходасевич О.Н., Рудаков Б.В., Суздаев Е.А.* Поисковая техника, используемая в деятельности органов внутренних дел: учебно-практ. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2018. 68 с.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2010. 874 с.
4. *Леонов С.Н., Попов В.Г.* Специальная техника правоохранительных органов: курс лекций. Томск: Кузбасский институт ФСИН России, Томский филиал, 2010.
5. *Харитонов А.Н. и др.* Виды и классификация технических средств досмотра, используемых в деятельности сотрудников полиции территориальных органов МВД России на транспорте: учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2019. 80 с.
6. *Баумтрог В.Э., Каширский Д.Ю., Кемпф В.А.* Специальная техника органов внутренних дел: техника поиска и досмотра: учебное пособие. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2020. 39 с.

Зуев Сергей Васильевич,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной
и правоохранительной деятельности
Южно-Уральского государственного университета*

О СОЗДАНИИ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ИЛИ ЕДИНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Статья посвящается проблеме создания цифровой платформы или единой экосистемы уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость перехода на электронное взаимодействие всех участников уголовно-процессуальных отношений, определения модулей (кластеров), реализующих все возможности широкого применения электронного документооборота.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровизация, цифровая платформа, электронное взаимодействие, электронный документооборот.*

По данным опросов, проведенных администраторами сайтов МАСП¹ и РИТВУС², научное юридическое сообщество в большинстве своем обоснованно заявляет о готовности, необходимости и неизбежности перехода на цифровое уголовное судопроизводство. Некоторые ученые говорят о возможном поэтапном переходе на электронное производство по уголовным делам, что по сути ничего не меняет [1, с. 94; 2, с. 189].

Для успешного решения поставленной задачи требуется создание цифровой платформы или единой экосистемы государственных информационных систем, объединенных Единым порталом государственных и муниципальных услуг, для обеспечения электронного производства по уголовным делам, что в свою очередь предполагает широкое применение электронной информации, развитие электронного документооборота, использование электронных доказательств, технологическое включение различных информационных систем, баз данных, создание цифрового профиля [3, с. 281–308] каждого участника уголовного процесса, внедрение технологий искусственного интеллекта [4, с. 205–210].

¹ URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001133499485>

² URL: <https://t.me/+mNhc11bBMj42NjYy>

Цифровая платформа – это «технологическая модель, позволяющая ее участникам связываться онлайн для обмена услугами и информацией (цифровыми сервисами)»¹. Цифровую социальную экосистему уголовного судопроизводства можно определить как сеть организаций, включая МВД, Следственный комитет, прокуратуру, адвокатуру и суд, а также отдельных физических лиц, участвующих в производстве по уголовным делам в целях осуществления правосудия [5, с. 187].

В любом случае «приоритетным и перспективным направлением развития информационного общества является переход на технологические платформы для коммуникации между всеми заинтересованными лицами. Органы исполнительной власти могут выступать в роли координаторов и регуляторов» [6, с. 756].

Следует отметить, что в настоящее время все чаще в расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде используются доказательства, полученные в электронном виде, которые ложатся в основу обвинения. Активно применяется электронная информация обеспечительного характера. Сведения, находящиеся в бумажных материалах уголовного дела, сочетаются, а порой и конкурируют с электронными данными.

Свидетель, как известно, обладает субъективным восприятием и может ошибаться, умышленно искажать сведения, сомневаться, забывать то, что видел, и это негативно отразится на его показаниях в суде. Электронная видеозапись, например, полученная посредством работы стационарно установленной видеокамеры, более объективна. Как сказал П. С. Пастухов, «электронные вещественные доказательства формируются объективно, как следы преступной деятельности, а не создаются специально для передачи информации о фактах» [7, с. 152].

Переход на электронное взаимодействие участников уголовного процесса оправдан по нескольким причинам, среди которых:

1) общество и государство для решения своих задач все чаще прибегают к дистанционному (удаленному) формату коммуникаций посредством сети «Интернет»;

2) преступные элементы для совершения противоправных действий, как правило, используют социальные сети, мессенджеры;

¹ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf

3) десятки стран успешно перешли и осваивают электронную форму производства по уголовным делам;

4) отечественное законодательство существенно отстает от правовой регламентации порядка обращения с электронной информацией в доказывании по уголовным делам;

5) развитие технологий позволяет приступить к поэтапному переходу на электронное производство по уголовным делам, цифровое взаимодействие всех участников процессуальных отношений, реализацию назначения уголовного судопроизводства в цифровой среде.

Дальнейшее развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве создаст предпосылки для перехода на «беспредметный» цифровой уголовный процесс.

Понятие «беспредметный» чаще всего понимается как не имеющий предмета, сущности, направления, цели, отвлеченный [8, с. 41]. Хорошо известны словосочетания: беспредметный спор и беспредметный разговор. Но здесь речь идет не об этом. В искусстве известно такое художественное течение, отвергающее изображение предметов. Последнее можно использовать по некоей аналогии и в других сферах.

Привычное уголовное судопроизводство имеет сущностное выражение в виде участников правоотношений и их действий, вещественных доказательств и документов как материальных объектов. В эпоху развития цифровой трансформации общества и государства требуется общедоступная цифровая среда для осуществления уголовного судопроизводства.

Представляется, что «беспредметный» цифровой уголовный процесс может включать в себя несколько самостоятельных кластеров (или модулей). В данном случае под кластером понимается «подмножество результатов поиска, связанных единством темы»¹. Если применять некую аналогию с использованием электронного уголовного дела в Республике Казахстан, то относительно самостоятельные части цифрового уголовного судопроизводства можно обозначить как модули.

Таковыми модулями могут быть: первичный сбор информации о преступлении; накопление материалов электронного уголовного дела; дистанционное рассмотрение уголовного дела в суде; исполнение приговора; обжалование решений, принятых судом.

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80>

Количество модулей, а также подмодулей (или приложений) в итоге может несколько отличаться от предложенных. В любом случае цифровая платформа или единая экосистема уголовного судопроизводства должна быть основана на использовании электронной машиночитаемой информации, неразрывно связана с электронным взаимодействием всех участников процесса и предназначена для осуществления «беспредметного» цифрового уголовного процесса.

Вместе с тем переход на электронное производство по уголовным делам является чем-то неизбежным. Дело только во времени, в решении финансовых, организационных и технических вопросов, а также в разработке научного обоснования и создании надлежащего правового обеспечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Конин В.В., Кудрявцева А.В., Петров А.В.* Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 88–99.

2. *Мичурина О.В.* От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г.). СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД РФ, 2023. С. 184–189.

3. *Зайцев О.А., Пастухов П.С.* Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

4. *Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В.* Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.

5. *Зуев С.В.* Уголовное судопроизводство как цифровая социальная экосистема // Университетские правовые диалоги «Право и экология»: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 25–26 марта 2021 г.). Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2021. С. 186–189.

6. *Зайцев О.А., Пастухов П.С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации

// Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.

7. *Пастухов П.С.* Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.

8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.

Карташов Иван Игоревич,
младший юрист ООО «Смарт Резалт»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *Статья посвящена анализу опыта Европейского союза и США в сфере правового регулирования технологий искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, искусственный интеллект, зарубежный опыт.*

Внедрение систем искусственного интеллекта (artificial intelligence, далее – AI) обладает значительным потенциалом для получения социальных выгод, экономического роста и развития инноваций, что способствует повышению глобальной конкурентоспособности. Большинство моделей искусственного интеллекта не представляют риска или этот риск минимален. Однако некоторые модели, в частности генеративного искусственного интеллекта, могут вызывать определенные проблемы.

Так, непрозрачность алгоритмов способна привести к неясности и затруднить обеспечение соблюдения существующих законов о безопасности и правах человека. Кроме того, отдельные мощные модели искусственного интеллекта, получившие широкое распространение, могут представлять системные риски.

В целях решения указанных проблем возникла объективная необходимость в нормативном правовом регулировании использования моделей искусственного интеллекта как в целом, так и в отдельных областях.

Наибольшего прогресса в этом направлении достиг Европейский союз, где после долгого обсуждения принят Закон ЕС об искусственном интеллекте (далее – Закон ЕС). По сути это первая попытка создания нормативного правового акта, регулирующего различные аспекты использования AI и носящего системный характер.

Возможность разработки и применения модели искусственного интеллекта, а также нормативное правовое регулирование этих процессов зависят от того, к какой группе риска будет отнесена модель. Классификация рисков основана на целевом назначении системы искусственного интеллекта в соответствии с действующим

законодательством ЕС о безопасности продукции. Это означает, что классификация риска зависит от функции, выполняемой системой AI, а также от конкретной цели и условий использования системы.

Закон ЕС предполагает разделение моделей AI на четыре группы риска:

- с минимальным уровнем риска;
- с высоким уровнем риска;
- с неприемлемым уровнем риска;
- с риском непрозрачности.

Подавляющее большинство систем искусственного интеллекта, которые используются или могут быть использованы в ЕС, относятся к категории с минимальным уровнем риска. Поставщики таких систем могут добровольно применять требования к заслуживающему доверия ИИ и следовать добровольным кодексам поведения.

Небольшое количество систем искусственного интеллекта может оказать неблагоприятное воздействие на безопасность людей или их основные права, поэтому они считаются высокорисковыми. Очень ограниченный набор особо вредных видов использования AI, которые противоречат ценностям ЕС, поскольку нарушают фундаментальные права, попадают под запрет. К ним, например, относятся модели AI, используемые для социального скоринга; эксплуатирующие уязвимости личности; применяемые для дистанционной биометрической идентификации в режиме реального времени в общедоступных местах правоохранительными органами, за некоторыми исключениями; используемые с целью биометрической категоризации физических лиц на основе биометрических данных с целью определения или вывода об их расе, политических взглядах, членстве в профсоюзе, религиозных или философских убеждениях или сексуальной ориентации (фильтрация информации на основе биометрических данных в правоохранительной сфере по-прежнему будет возможна) и некоторые другие.

Закон ЕС распространяется на широкий круг лиц, в число которых входят разработчики, пользователи, импортеры, поставщики моделей AI, являющиеся как резидентами Европейского союза, так и лицами с иностранной юрисдикцией.

Внимание в Законе ЕС также уделяется регулированию моделей AI общего назначения, включая большие генеративные модели, такие как GPT-4 от OpenAI и Gemini от Google DeepMind. Закон об искусственном интеллекте обязывает разработчиков таких

моделей раскрывать определенную информацию пользователям систем. Разработчикам моделей дополнительно необходимо иметь политику, гарантирующую соблюдение закона об авторском праве при обучении своих моделей.

Таким образом, Закон ЕС устанавливает ориентированные на результат требования к моделям искусственного интеллекта, но оставляет конкретные технические решения и их внедрение в первую очередь на усмотрение отраслевых стандартов, которые обеспечат гибкость правовой базы для адаптации к различным вариантам использования и создания новых технологических решений.

Некоторые шаги в части регулирования AI предпринимают и власти США. В частности, в ряде штатов были приняты программные и нормативные документы в области искусственного интеллекта. Например, администрацией Нью-Йорка в октябре 2023 г. принят План действия в области AI, предполагающий ряд практических мероприятий: создание городского комитета по искусственному интеллекту; установление руководящих принципов и определений; предоставление предварительных рекомендаций по использованию новых технологий; создание типологии проектов искусственного интеллекта; расширение публичной отчетности по искусственному интеллекту; разработку процесса оценки рисков искусственного интеллекта; опубликование первоначального набора политик и руководящих документов в области искусственного интеллекта; проведение постоянного мониторинга для проверки действующих инструментов искусственного интеллекта.

Что касается федерального уровня, то необходимо отметить Исполнительный указ Президента США «О безопасной и надежной разработке и использовании искусственного интеллекта, заслуживающего доверия». В документе подчеркивается, что AI таит в себе исключительный потенциал, как в части развития инноваций, так и связанных с этим рисков. Управление разработкой и использованием AI должно строиться с учетом руководящих принципов и приоритетов:

1. Безопасность и надежность AI. Достижение этой цели требует надежных, повторяемых и стандартизированных оценок систем AI, а также политики, институтов и, при необходимости, других механизмов для тестирования, понимания и снижения рисков, связанных с этими системами, прежде чем они будут использованы.

2. Содействие ответственным инновациям, конкуренции и сотрудничеству, что позволит занять лидирующие позиции в области искусственного интеллекта и раскрыть потенциал технологии для решения некоторых из наиболее сложных проблем общества.

3. Искусственный интеллект не должен использоваться таким образом, чтобы подрывать права, ухудшать качество рабочих мест, поощрять неправомерный надзор за работниками, уменьшать рыночную конкуренцию, создавать новые риски для здоровья и безопасности или вызывать вредные перебои в работе рабочей силы.

4. Политика искусственного интеллекта должна соответствовать стремлению защищать равенство и гражданские права.

5. Обеспечение соблюдения существующих законов и принципов защиты потребителей и принятие соответствующих мер защиты от мошенничества, непреднамеренной предвзятости, дискриминации, нарушения конфиденциальности и другого вреда со стороны AI.

6. Неприкосновенность частной жизни и гражданские свободы должны быть защищены по мере дальнейшего развития AI. Возможности искусственного интеллекта в этих областях могут увеличить риск того, что личные данные могут быть использованы и раскрыты. Для борьбы с этим риском федеральное правительство должно обеспечить законность и безопасность сбора, использования и хранения данных и снизит риски неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности.

7. Принятие мер по привлечению, удержанию и развитию специалистов по искусственному интеллекту, ориентированных на государственные услуги, в различных направлениях, включая технологии, политику, менеджмент, закупки, нормативные, этические, управленческие и юридические области.

8. Обеспечение лидерства в области AI, которое означает создание новаторских систем и мер безопасности, необходимых для ответственного внедрения технологий, а также создание и продвижение этих мер безопасности вместе с остальным миром.

Кроме того, Исполнительный указ предполагает разработку руководств, стандартов, системы оценки рисков, обеспечения безопасности и т.д.

Сравнительный анализ положений Закона ЕС об искусственном интеллекте и Исполнительного указа Президента США позволяет сделать вывод о существенных различиях, которые включают более серьезный акцент на системных рисках, таких как масштаб-

ная дискриминация и влияние на права человека, в ЕС по сравнению с США. Вместе с тем обе системы подчеркивают важность документирования, оценки и анализа моделей AI и требований к кибербезопасности. Закон ЕС может оказать глобальное влияние, аналогичное Общему регламенту защиты персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR), в то время как Исполнительный указ в основном влияет на внутреннюю политику с косвенным глобальным эффектом.

Кувандиков Зокир Облакулович,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры специально-правовых дисциплин
Самаркандского государственного университета
имени Ш. Рашидова*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. *В статье анализируются цифровизация системы государства и экономики страны, создание правовых условий внедрения цифровизации во всех отраслях деятельности в Республике Узбекистан, а также исполнение норм и положений, указанных в нормативных правовых актах в процессе реализации поставленных приоритетных задач и целей государством.*

Ключевые слова: *цифровизация, современные технологии, электронное правительство, цифровой орган, искусственный интеллект.*

Правовое регулирование цифровизации системы государства и экономики страны осуществляется нормативными правовыми актами, принятыми за последние годы в Республике Узбекистан, основными из которых являются указы и постановления Президента РУз.

Утвержденная указом Президента Республики Узбекистан Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития РУз на 2017–2021 гг. определила расширение охвата и повышение оперативности оказания государственных услуг, обеспечение учета интересов всех слоев населения при их предоставлении в 2022 г.

Настоящим актом впервые была внедрена практика предложения выдачи и замены гражданам документов, а также взаимосвязанных государственных услуг до обращения граждан. Отменена практика истребования у населения документов, подтверждающих определенные факты (свидетельство о рождении и водительское удостоверение, аттестат и диплом), благодаря внедрению проекта «Цифровой паспорт граждан». Упрощена система оказания государственных услуг гражданам пожилого возраста и лицам с инвалидностью, созданы дополнительные удобства путем внедрения в данную систему современных технологий.

В рамках задач по обеспечению справедливости и верховенства закона, определенных в Стратегии развития, в 2022 г. удалось наладить ведение единого электронного онлайн-реестра учета лиц, свобода передвижения которых ограничена.

Указом предусмотрены развитие в республике системы «Электронное правительство», доведение доли электронных государственных услуг до 100 % и устранение бюрократии, расширение оказания государственных услуг посредством мобильных приложений, внедрение системы Mobile ID-идентификации лица при оказании государственных услуг, сокращение бюрократических процессов путем налаживания обмена данными между государственными органами и частными коммерческими организациями посредством межведомственной интеграционной платформы системы «Электронное правительство», внедрение системы выдачи разрешений и уведомлений, обеспечивающей защиту персональных данных, налаживание практики выдачи и обмена гражданам срочных, удостоверяющих определенный факт документов, а также предложение им композитных государственных услуг без ожидания их обращения, упрощение оказания государственных услуг пожилым и лицам с инвалидностью, создание им необходимых удобств, оптимизация административных процедур и автоматизация процессов управления путем цифровизации делопроизводства в государственных органах в рамках проекта «Цифровой орган», отмена практики истребования от населения документов, удостоверяющих определенные факты, путем внедрения проекта «Цифровой паспорт граждан», расширение практики оказания государственных услуг гражданам Узбекистана за рубежом, цифровизация государственных услуг и перевод 20 % из них частному сектору.

На базе данного указа также предусмотрено создание следующих систем государственной гражданской службы на основе современных стандартов: совершенствование правовых основ устранения коррупциогенных факторов в государственной службе, принятия на работу кадров на конкурсной основе и оценки эффективности их деятельности, внедрение системы «Национальный рейтинг» по системе оценки на основе ключевых показателей эффективности (KPI) деятельности государственных служащих и государственных органов, совершенствование системы повышения уровня профессиональной подготовки, материального и социального обеспечения государственных служащих, формирование Национального кадрового резерва в целях подготовки достойных кандидатов для

руководящих должностей органов государственной власти на местах, министерств и ведомств, реализация проекта «Цифровая государственная служба», предусматривающего цифровизацию процессов, связанных с поступлением на государственную службу, формированием резерва, оценкой и прохождением службы.

Еще одной целью настоящего указа является совершенствование механизмов диалога с народом. Для ее осуществления предусмотрено решение следующих задач:

- во-первых, дальнейшее совершенствование механизмов открытого диалога с народом, расширение практики принятия важных решений с учетом мнения общественности;
- во-вторых, установление «цифрового контроля» за сроками и качеством рассмотрения обращений, поступивших в государственные органы, с созданием централизованной системы их обобщения, обеспечение оперативного и качественного рассмотрения обращений, напрямую воздействующих на повседневную жизнь населения [1].

В целях активного развития цифровой экономики в республике, а также широкого внедрения современных информационно-коммуникационных технологий во все отрасли и сферы, прежде всего в государственное управление, образование, здравоохранение и сельское хозяйство, принят Указ Президента РУ «О мерах по эффективной реализации Стратегии “Цифровой Узбекистан – 2030”» от 5 октября 2020 г. № 6079.

В частности, в республике начата реализация свыше 220 приоритетных проектов, предусматривающих совершенствование системы электронного правительства, дальнейшее развитие отечественного рынка программных продуктов и информационных технологий, организацию во всех регионах республики ИТ-парков, обеспечение данной сферы квалифицированными кадрами.

Кроме того, в республике реализуется комплексная программа «Цифровой Ташкент», предусматривающая запуск геопортала, интегрированного с более 40 информационными системами, создание информационной системы управления общественным транспортом и коммунальной инфраструктурой, цифровизацию социальной сферы с последующим распространением данного опыта на другие регионы.

В целях ускоренного развития цифровой индустрии в республике, повышения конкурентоспособности национальной экономики, а также обеспечения реализации задач, определенных в Государ-

ственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. в Год развития науки, просвещения и цифровой экономики одобрена Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030», разработанная Министерством по развитию информационных технологий и коммуникаций при участии заинтересованных министерств и ведомств, представителей бизнес-сообщества и научных кругов, а также зарубежных экспертов утверждены программы цифровой трансформации регионов в 2020–2022 гг., программы цифровой трансформации отраслей в 2020–2022 гг.

При этом в рамках цифровой трансформации регионов и отраслей в 2020–2022 гг. предусматривались:

- повышение с 78 до 95 процентов уровня подключения населенных пунктов к сети Интернет, в том числе за счет увеличения до 2,5 миллионов портов широкополосного доступа, прокладки 20 тысяч километров оптико-волоконных линий связи и развития сетей мобильной связи;
- внедрение свыше 400 информационных систем, электронных услуг и иных программных продуктов в различных сферах социально-экономического развития регионов;
- организация обучения 587 тысяч человек основам компьютерного программирования, в том числе путем привлечения 500 тысяч молодых людей в рамках проекта «Один миллион программистов»;
- внедрение свыше 280 информационных систем и программных продуктов по автоматизации процессов управления, производства и логистики на предприятиях реального сектора экономики;
- закрепление в регионах соответствующих высших учебных заведений для повышения цифровой грамотности и навыков хакимов, сотрудников государственных органов и организаций, обучения их информационным технологиям и информационной безопасности, а также обучения информационным технологиям 12 тысяч их работников.

Ключевая цель – сделать цифровую экономику республики основным «драйвером» во всех отраслях РУз. Поэтапно провести работу, направленную на повышение уровня цифровизации производственных и операционных процессов в финансовом и банковском секторах до 70 % к концу 2026 г., увеличение объемов индустрии программного обеспечения в пять раз, увеличение их экспорта в 10 раз до 500 млн долларов США.

В целях создания благоприятных условий для внедрения системы искусственного интеллекта, для поэтапного перехода к ним, активного развития цифровой экономики, реализации комплексных мер по широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий во всех отраслях и сферах, особенно в государственном управлении, образовании, здравоохранении и сельском хозяйстве, принят указ Президента Узбекистана [2].

Данный указ позволил реализовать более 220 приоритетных проектов, предусматривающих совершенствование системы электронного правительства в республике, дальнейшее развитие местного рынка программных продуктов и информационных технологий, создание ИТ-парков во всех регионах страны, а также обеспечение отрасли квалифицированными кадрами.

Кроме того, в республике стартовала комплексная программа «Цифровой Ташкент», предусматривающая запуск геопортала, интегрированного с более чем 40 информационными системами, создание информационной системы управления общественным транспортом и коммунальной инфраструктурой, цифровизацию социальной сферы, дальнейшее внедрение этого опыта в другие регионы республики.

В соответствии с решением Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2021 г. «О мерах по созданию условий для быстрого внедрения технологий искусственного интеллекта» указаны создание необходимых организационно-правовых условий для задействованных юридических лиц и научных организаций при внедрении, разработке программных продуктов и оказании услуг, простота правоотношений, возникающих в процессе тестирования и внедрения программных продуктов на практике.

Постановлением правительства РУз «Об утверждении положения об организации специального режима поддержки технологий искусственного интеллекта и порядка его деятельности» № 717, принятого 29 ноября 2021 г., определены создание условий для поддержки удобной и оптимальной экосистемы для развития инновационных бизнес-моделей, продуктов и методов оказания услуг на основе технологий искусственного интеллекта.

На основе глубокого анализа сложных процессов, происходящих сегодня в глобальном масштабе, и результатов прогресса, достигнутого в нашей стране, в последующие годы, исходя из принципа «За человеческое достоинство», мы будем и дальше увеличивать благосостояние бытия нашего народа, преобразование от-

раслей экономики и ускоренное развитие предпринимательства, безусловное обеспечение прав и интересов человека, продолжать определение приоритетных направлений реформ, направленных на формирование активного гражданского общества.

Список источников

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60 «О стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы».
2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2021 г. № ПП-4996 «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта».

Михеев Денис Степанович,

*доктор юридических наук, профессор,
заместитель председателя Медведевского районного суда
Республики Марий Эл,
профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран
Марийского государственного университета*

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Аннотация. В статье анализируются вопросы цифровизации уголовного судопроизводства. Исследуются проблемы электронного документооборота, предпосылки по созданию электронного правосудия. Предлагаются возможные направления совершенствования уголовного судопроизводства в обозначенной сфере.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информационные технологии, электронное правосудие, цифровизация, электронный образ уголовных дел.

Цифровые преобразования, вне зависимости от наших личных предпочтений, затрагивают практически все сферы жизни. Не явилось исключением и уголовное судопроизводство, которое в отличие от гражданского и арбитражного более консервативно и менее подвержено различным преобразованиям.

Уголовный процесс в настоящее время, ориентируясь на полную информатизацию, проходит стадию реформирования [1, с. 115]. Согласимся с мнением В.В. Момотова, выделяющего условно два направления применения искусственного интеллекта в судебной деятельности: использование в организационной деятельности суда и непосредственно при осуществлении правосудия [2, с. 189].

Анализ и оценка состоявшихся и предстоящих цифровых трансформаций в правосудии позволяют высказать мнение о некоторых возможных направлениях совершенствования уголовного судопроизводства.

1. Упрощение процедуры рассмотрения уголовных дел путем расширения возможностей видео-конференц-связи.

Этому способствовало изменение норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), позволяющих или допускающих использование системы видео-конференц-связи (ст. 240, 241.1, 278, 278.1, 399). Еще недавно некоторые уголовные дела могли не рассматриваться месяцами и даже годами по причине невозможности

этапирования подсудимого по различным причинам. С декабря 2022 г. с учетом положений ст. 241.1 УПК РФ данные обстоятельства успешно преодолеваются, уголовные дела в отношении лиц, находящихся под стражей в других субъектах РФ, могут рассматриваться без их личного присутствия в зале суда.

Этапирование таких лиц из одного региона в другой, да и просто перевозка из следственного изолятора в суд, связаны с существенными временными и материальными затратами. Вызывает вопросы сама целесообразность их постоянного перемещения. Полагаем, что по мере совершенствования цифровых технологий в судах, следственных изоляторах необходимо расширить традиционный диапазон возможностей рассмотрения уголовных дел, а также дежурных материалов с использованием систем видео-конференц-связи не только в связи с ходатайством подсудимого или при наличии обстоятельств, исключающих возможность его непосредственного участия в судебном заседании, но и в иных случаях.

Исходя из приобретенного положительного опыта рассмотрения дел с использованием видео-конференц-связи, считаем целесообразным предусмотреть участие обвиняемого, подсудимого, содержащихся под стражей, без использования систем видео-конференц-связи только при наличии исключительных обстоятельств, что потребует соответствующих корректив ст. 241.1 УПК РФ. Такое нововведение существенно упростит и ускорит процедуру судопроизводства, сделает ее менее трудозатратной.

По мере дальнейшего развития информационных технологий, позволяющих идентифицировать участников процесса, следующим этапом может стать применение видео-конференц-связи в отношении иных участников процесса.

2. Использование информационных технологий в работе аппарата суда.

Предусмотренное ст. 259 УПК РФ ведение протокола судебного заседания и протоколирования с использованием средств аудиозаписи фактически дублирует функции документирования. Данная процедура позволила сделать уголовный процесс более прозрачным, однако при всех достоинствах привела к увеличению еще большей рутины в деятельности аппарата суда, который помимо ведения аудиозаписи должен составлять бумажный вариант протокола.

Не секрет, что именно составление протокола отнимает у секретаря судебного заседания значительную часть времени, приво-

дит к перегруженности и, как следствие, ведет к текучести кадров. Так, в Йошкар-Олинском городском суде Республики Марий Эл из 37 штатных секретарей судебных заседаний вакантными остаются 10 единиц. В условиях стремительного развития цифровизации стенографирование судебного процесса, перепечатку аудиозаписи иначе как анахронизмом не назовешь.

Его должно заменить транскрибирование (автоматический перевод аудиозаписи в печатный формат) судебных заседаний. Подобная практика апробирована и успешно применяется не один год в судах некоторых субъектов РФ, не испытывающих недостатка в финансировании, в частности в Республике Татарстан. Полагаем, что было бы нелишним законодательное закрепление данного «феномена», хотя бы в целях обеспечения соответствующего финансирования.

3. Поэтапное внедрение электронного правосудия путем введения электронного образа уголовных дел.

Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве определен ст. 474.1 УПК РФ. В форме электронного документа в суд могут быть поданы ходатайство, заявление, жалоба и представление, не содержащие сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Они подаются посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг». По сути, это первый этап ведения электронного уголовного дела в суде.

В национальной среде ведутся дискуссии о необходимости расширения цифровой составляющей в уголовном судопроизводстве, внедрения электронного образа уголовного дела [3, с. 59; 4, с. 105].

Невозможность перехода на электронный документооборот в уголовном судопроизводстве в настоящее время без бумажного носителя обусловлена объективными причинами. Основная из них видится в том, что не все участники уголовного судопроизводства сейчас имеют возможность подписать процессуальный документ с помощью электронной и тем более усиленной квалифицированной электронной подписью. Пока это направление не будет надлежащим образом отработано на государственном уровне, будущее электронного документооборота как в досудебном производстве, так и в целом в уголовном судопроизводстве останется лишь в перспективе [5, с. 222].

В связи с изложенными объективными затруднениями внедрения цифрового правосудия создание электронного образа уго-

ловного дела должно быть поэтапным. На первом этапе требуется модернизация существующих систем документооборота между судами, для этого необходимо внесение соответствующих изменений в УПК РФ, закрепляющих возможность передачи от суда первой инстанции в апелляционные и кассационные суды электронного образа уголовного дела, заверенного электронной подписью судьи, без передачи бумажной версии. Данный этап позволит, не утрачивая бумажного носителя дела, а также вещественных доказательств, находящихся при деле, сохранить их и в случае необходимости – истребовать вышестоящим судом.

Следующий этап предусматривает электронный образ уголовного дела без дублирующего бумажного носителя, начиная со стадии судебного следствия. Указанные шаги создадут более комфортные условия для разрешения дел, сократят временные и материальные затраты, сформируют предпосылки для внедрения полноценного цифрового правосудия.

Список источников

1. *Колесник В.В.* Об оптимизации формы уголовно-процессуального доказывания с использованием цифровых технологий // Вестник российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 112–115.
2. *Момотов В.В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.
3. *Шестакова Л.А.* Генезис внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Российской Федерации // Основы экономики, управления и права. 2023. № 3 (38). С. 58–63.
4. *Лазарева В.А., Вершинина С.И.* Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Государство и право. 2023. № 7. С. 100–110.
5. *Давыдов Б.И.* Проблемы применения электронного документооборота в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник науки. 2024. № 4 (73) Т. 2. С. 219–225.

Рассолов Илья Михайлович,

*доктор юридических наук,
профессор кафедры частного права
Института государственного управления и права
Государственного университета управления*

Усова Мария Алексеевна,

*ассистент кафедры частного права
Института государственного управления и права
Государственного университета управления*

ПРАВО И РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НОВОЕ НА ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. *Сегодня с целью продвижения информационных продуктов, товаров и услуг в кибернетическом пространстве субъекты интернет-отношений все чаще обращаются к новым средствам обработки данных, циркулирующих в цифровой среде. Например, для сбора и анализа сведений о физических лицах некоторые компании начинают применять рекомендательные технологии. Источником информации для них нередко становятся персональные и иные данные, которыми пользователи не хотели бы делиться. В этих условиях субъекты данных нуждаются в более эффективных правовых инструментах, позволяющих им управлять сведениями о себе в Интернете, а также влиять на работу информационных ресурсов, применяющих рекомендательные технологии.*

Ключевые слова: *права субъектов данных, персональные данные, цифровой след, рекомендательные технологии, кибернетическое право.*

Объем информации, циркулирующей в киберпространстве, продолжает ежегодно расти благодаря подключению к сети Интернет новых пользователей¹, а также совершенствованию технологий обработки данных. В этих условиях субъекты интернет-отношений начинают осваивать новые возможности по систематизации и анализу разрозненных сведений о людях с целью получения производной информации. В связи с этим представляется важным обратить внимание на деятельность владельцев информационных ресурсов, которые применяют рекомендательные технологии для

¹ По данным Международного союза электросвязи ООН, 5,4 млрд человек (67 % населения мира) подключены к Интернету в 2023 г. [5]

обработки различных данных, в частности персональных данных пользователей, а также информации об их цифровых следах¹.

Обработывая такие сведения о посетителях, как пол, возраст, физическое местоположение, владельцы информационных ресурсов часто применяют рекомендательные технологии² для формирования уникальных персонализированных предложений в сфере трудоустройства (hh.ru), рекламы (ads.vk.com), ранжирования мультимедийного контента (rutube.ru), поиска товаров (ozon.ru) и других сферах.

Следует отметить, что сегодня любая информация о пользователе может быть использована для определения его предпочтений и потребностей. Компании, использующие рекомендательные технологии, могут злоупотреблять этой возможностью, накапливая и обрабатывая большие объемы данных в экономических, политических и социальных интересах. Учитывая, что контроль и управление информацией о человеке в Интернете в настоящее время осуществляется с помощью ограниченного перечня правовых средств, это негативно сказывается на неприкосновенности частной жизни, идентичности и свободе выбора пользователей.

В связи с этим представляется, что общественные отношения по обработке персональных и иных данных с использованием рекомендательных технологий требуют более детальной правовой регламентации.

В некоторых странах уже существуют нормативные акты, подробно регулирующие обозначенную сферу. Например, с 1 марта 2022 г. в Китайской Народной Республике действует Положение об управлении рекомендательными алгоритмами информационных

¹ В зависимости от контекста правового исследования цифровой след рассматривают: 1) как технологический процесс накопления на серверах сети Интернет информации, оставленной лицами, а также подключенными к сети устройствами [3, с. 37–40]; 2) как результат деятельности субъектов права в Интернете, выраженный в виде совокупности информации, которую человек оставляет, запрашивает и потребляет в Сети [1, с. 110]; 3) как социально значимую информацию о событиях или действиях субъекта интернет-права, отображаемую во внешней среде кибернетического пространства в процессе создания, обработки, хранения и передачи данных [2, с. 30].

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 10.2-2 под рекомендательными технологиями понимает информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети Интернет // СЗ РФ. 2006. № 31, ст. 3448.

интернет-сервисов¹. Данный нормативный акт имеет важное значение, главным образом потому, что он затрагивает вопросы соответствия новых технологий обработки информации морально-этическим аспектам, определяет перечень требований, которым должны соответствовать сайты, применяющие рекомендательные технологии, а также закрепляет ряд обязанностей для их владельцев.

Например, Положение об управлении рекомендательными алгоритмами информационных интернет-сервисов устанавливает, что информационные ресурсы, содержащие рекомендательные технологии, должны учитывать действующее законодательство, нормы общественной морали, деловой и профессиональной этики, а также соблюдать принципы справедливости, открытости, прозрачности, научности, разумности и честности. В дополнение к этому владельцы таких сайтов обязуются принимать во внимание интересы несовершеннолетних и пожилых людей.

Положение об управлении рекомендательными алгоритмами информационных интернет-сервисов Китайской Народной Республики обязывает владельцев сайтов, использующих рекомендательные технологии, создавать и совершенствовать механизмы, позволяющие субъектам данных осуществлять ручное вмешательство и свободный выбор при взаимодействии с их ресурсами.

В России нормативное регулирование в этой области сегодня только начинает формироваться, о чем свидетельствует включение в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьи 10.2-2. Данная норма дает общее представление о работе информационных ресурсов, на которых применяются рекомендательные технологии, а также раскрывает информационно-правовой статус их владельцев.

Так, для собственников сайтов, информационных систем, программ для электронных вычислительных машин, на которых применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям российских пользователей, Федеральным

¹ Приказ Государственного управления по информации в Интернете, Министерства промышленности и информационных технологий КНР, Министерства общественной безопасности КНР и Главного государственного управления КНР по надзору и регулированию рынка от 16 ноября 2021 г. № 9 «Положение об управлении рекомендательными алгоритмами информационных интернет-сервисов». URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/04/content_5666429.htm (дата обращения: 08.01.2024).

законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был установлен ряд обязательств. В частности, данные субъекты права должны: 1) информировать посетителей о применении на информационном ресурсе рекомендательных технологий; 2) раскрывать принципы их работы, процессы и методы сбора, систематизации и анализа данных пользователей; 3) перечислять обрабатываемые сведения и источники их получения.

Для владельцев информационных ресурсов, применяющих рекомендательные технологии, не было установлено каких-либо дополнительных требований в области обработки персональных данных. На практике деятельность указанных субъектов права нередко выходит за рамки принципов обработки информации, установленных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹. Так часто нарушается принцип, согласно которому объем обрабатываемых сведений не должен быть чрезмерным по отношению к заявленным целям.

Важно отметить, что в российском законодательстве до сих пор отсутствуют нормы, позволяющие субъектам данных: 1) определять объем сведений, обрабатываемых о них в Интернете; 2) влиять на работу информационных ресурсов, использующих рекомендательные технологии. По этой причине некоторые организации предпринимают попытки самостоятельного регулирования отношений, складывающихся в данной сфере.

Например, Альянс в сфере искусственного интеллекта разработал Этические рекомендации по применению рекомендательных технологий и алгоритмов, основанных на искусственном интеллекте, в цифровых сервисах [4]. В данном документе организациям предлагается обеспечить реализацию права пользователя на редактирование своих предпочтений путем создания соответствующего функционала на информационных ресурсах.

Учитывая изложенные в настоящей статье проблемы, представляется, что развитие российского законодательства в области обработки персональных и иных данных должно происходить в направлении предоставления субъектам данных дополнительных прав и гарантий, в связи с чем представляется важным:

■ во-первых, внести дополнения в статью 10.2-2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информаци-

¹ СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

онных технологиях и о защите информации»: 1) предоставив гражданам право определять объем сведений, собираемых о них информационными ресурсами, на которых применяются рекомендательные технологии; 2) обязав владельцев сайтов, информационных систем, программ для электронных вычислительных машин, на которых применяются информационные технологии предоставления информации, создавать условия, при которых субъекты данных смогут участвовать в работе информационных ресурсов, самостоятельно выбирая состав данных и цели их обработки;

■ во-вторых, минимизировать негативное влияние новых технологий обработки информации на человека и общество в целом, включив в российское законодательство нормы, предписывающие обязательное соблюдение морально-этических принципов на всех этапах разработки и использования.

Полагаем, что реализация мер, предложенных в настоящей статье, позволит сформировать условия для доверительного обмена информацией в киберпространстве между участниками интернет-отношений.

Список источников

1. *Полякова Т.А., Незнамов А.В.* Трансформация права в цифровую эпоху. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
2. *Расолов И.М.* Право и Интернет. Теория кибернетического права. 3-е изд., доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022.
3. *Фатьянов А.А.* Большие данные в цифровой экономике: ценность и правовые вызовы // Экономика. Право. Общество. 2018. № 4 (16). С. 37–40.
4. Этические рекомендации по применению рекомендательных технологий и алгоритмов, основанных на искусственном интеллекте, в цифровых сервисах // Альянс в сфере искусственного интеллекта. 2023. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Measuring digital development: Facts and Figures 2023 // Report by International Telecommunication Union. 2023. URL: https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2023-1/ (дата обращения: 22.05.2024).

Тимошенко Андрей Анатольевич,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного сотрудничества
в сфере прокурорской деятельности
Университета прокуратуры Российской Федерации
(Казанский федеральный университет)*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЦЕНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу дополнительной проработки законопроектов, поступающих на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ на предмет учета ими множества факторов будущей трансформации юридической системы, которые будут актуальны сразу же после вступления законопроекта в законную силу.*

На примере отдельных вопросов обеспечения общественной безопасности автор предлагает конкретные меры повышения качества работы специалистов в данном направлении.

Ключевые слова: *безопасность, общественная безопасность, уголовное судопроизводство, сценарный анализ.*

В условиях беспрецедентного применения в отношении Российской Федерации экономических и иных санкций, когда их число превысило 20 тысяч актов, настало время обеспечить комплексный подход при принятии политических решений с последующей их интеграцией в правоприменительную плоскость.

Одним из способов достижения данной цели представляется использование методов сценарного анализа при оценке факторов, подлежащих регулированию.

В основе методики лежат работы Ф. Робертса [1], Дж. Форрестера [2], Д. Медоуза [3], которые в настоящее время уже адаптированы для применения для целей обеспечения интересов Российской Федерации [4–5].

Проведены отдельные исследования и в отношении подготовки предложений относительно правового регулирования различных сфер деятельности в Российской Федерации [6–10].

Качественным отличием возможностей сценарного анализа является способность разработчиков законопроектов при помощи него обеспечить учет множества факторов жизнедеятельности общества и государства при разработке и применении законодательных новелл.

В этом смысле беглое изучение пояснительных записок к законопроектам свидетельствует об учете лишь незначительного числа обстоятельств.

Вместе с тем анализ практически любой сферы правового регулирования позволяет выделить в ней следующие факторы, характеризующие:

- сам объект регулирования в его статике;
- трансформацию объекта с учетом действия внутренних и внешних сил;
- уязвимость объекта регулирования;
- состояние объекта в перспективе после принятия законопроекта.

Таких факторов может быть выявлено сотни, каждый из них влияет друг на друга с различной степенью интенсивности.

Выстраивание системы противодействия агрессии со стороны недружественных стран правовыми средствами требует проработки сценариев развития ситуации и выработки полного комплекса соответствующих мер в системном единстве с политическими решениями руководства страны.

Российское государство и общество должны выступить единым фронтом, против недружественных государств, обеспечив победу в геополитическом противостоянии.

Подобные успехи могут быть достигнуты не только в рамках введения общих требований к подготовке законопроектов, но и при расчете полезности законодательной работы по отдельным отраслям.

Например, уголовно-процессуальное право не может быть разменной монетой для «социальных» экспериментов отдельных заинтересованных лиц, т.к. ошибки попустительства в данной области могут привести к ослаблению государственного аппарата в целом.

В практику доктринальной работы уже сейчас необходимо вводить дискуссии экспертов по выявлению подобных факторов трансформации, оценке их влияния и «весового» показателя влияния на изучаемые в общественных отношениях процессы.

Уверен, что подобная «конкретизация» законотворческой деятельности позволит гораздо глубже изучить процессы правоприменения, а значит, создаст надлежащий механизм защиты прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Робертс Ф.С.* Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. М.: Наука, 1986.
2. *Форрестер Д.* Мировая динамика. СПб.: АСТ, 2003.
3. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. и др.* Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991.
4. *Шульц В.Л., Чернов И.В., Кульба В.В. и др.* Сценарное планирование в управлении обеспечением национальной безопасности: методологические основы // Национальная безопасность / nota bene. 2023. № 5. С. 36–60.
5. *Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б. и др.* Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. М.: Наука, 2015.
6. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А., Кульба В.В. и др.* Методы анализа влияния процессов трансформации права на развитие социально-экономической системы в условиях цифровизации: сценарный подход (постановка задачи) // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 1. С. 19–36.
7. *Тимошенко А.А., Фейзов В.Р., Чернов И.В.* Сценарный подход к исследованию направлений регулирования сферы криптовалют в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2023. № 2 (10). С. 21–30.
8. *Тимошенко А.А., Шульц В.Л., Кульба В.В. и др.* Сценарный анализ проблем трансформации правоохранительной системы в условиях цифровизации // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 36–65.
9. *Тимошенко А.А.* Внешние факторы трансформации судебно-правоохранительной системы и сценарный анализ судебной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 274–383.
10. *Шульц В.Л., Бочкарев С.А., Кульба В.В. и др.* Сценарное исследование проблем обеспечения общественной безопасности в условиях цифровизации. М.: Проспект, 2020.

Ходырева Екатерина Александровна,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета*

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу о применимости норм ст. 152.1 ГК РФ к случаям воспроизведения изображения гражданина в цифровом формате.*

Ключевые слова: *изображение, охрана, нематериальные блага, цифровой образ, цифровые права.*

Цифровая трансформация – одна из национальных целей развития РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], важность которой в современных условиях невозможно недооценить. Между тем цифровизация общества и активное внедрение информационных технологий, несомненно, ставят перед государством задачу по созданию надлежащей правовой основы, способной воспринять современные вызовы и создать систему мер, направленных как на регулирование возникающих отношений, так и на предотвращение нарушения имущественных и личных прав граждан.

Одним из личных прав, при нарушении которого граждане все чаще обращаются в суд, становится право на охрану изображения. Статья 152.1 ГК РФ появилась в ч. 1 ГК РФ одновременно с вступлением в силу ч. 4 ГК РФ в тот момент, когда в стране лишь начинали говорить о необходимости цифровой трансформации, выстраивая возможные и перспективные направления ее развития. В современный период важно определить, достаточным ли является действующее правовое регулирование в сфере охраны изображения гражданина. В литературе встречаются мнения о необходимости создания принципиально иной модели правового регулирования. Между тем можно предположить, что это является избыточным по нескольким причинам:

- в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ установлен исчерпывающий перечень форм, в которых может найт воплощение изображение гражданина, – фотография, видеозапись, произведение изобразительного искусства и иное. Таким «иным» как раз может оказаться цифровой

формат отображения изображения гражданина. Поэтому вряд ли уместно говорить о возникновении отдельного права, отличного от права на изображение, права на цифровой образ, о котором заявлено в Модельном законе государств-участников СНГ 2023 г. [2]

Как определял Д.Д. Гримм, субъективные права отличаются друг от друга по содержанию, по характеру и объему отдельных правомочий и связанных с ними притязаний [3]. В нашем случае речь и в том, и в другом случае идет о личных правах, осуществляемых исключительно по усмотрению управомоченного лица, содержание которых составляет возможность фиксировать и распространять изображение гражданина в разнообразных формах, в т.ч. в цифровом формате с сохранением неприкосновенности созданного образа. Неуместным видится и отнесение права на цифровой образ к числу цифровых прав. Новый, цифровой способ воспроизведения изображения гражданина не порождает новой разновидности прав на изображение. В российском законодательстве сегодня легализованы два вида цифровых прав: цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, которые уникальны по своей правовой природе и обладают спецификой выпуска, учета и обращения. Именно о таких объектах идет речь в ст. 141.1 ГК РФ.

Все остальное, что нередко именуют цифровыми правами, можно отнести к цифровым правам в их широком смысле – к правам, которые реализуют субъекты в цифровой среде. Иначе их еще именуют интернет-правами. Именно в таком контексте определены цифровые права в первой в мире Европейской декларации о цифровых правах и принципах от 15 декабря 2022 г. [4]. С учетом изложенного представляется необходимым уточнить понятие цифровых прав с целью его непротиворечивого применения и содержания.

■ с помощью информационных технологий достаточно легко видоизменить изображение гражданина или создать его с помощью нейросетей в том виде, который будет негативно характеризовать личность человека (технология «deepfake»). Если созданное изображение можно будет идентифицировать с конкретным гражданином с учетом его возраста, социального статуса, профессиональных интересов и иных характеристик, то возникает необходимость предусмотреть меры по защите права на изображение путем установления запрета на фальсификацию и внесение изменений без согласия управомоченного лица в созданный образ. Сходное право на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажения определено в ст. 1266 ГК РФ в отношении объек-

тов авторского права, которое так же, как и право на изображение, является личным правом. При этом следует признать необходимым предоставить защиту не только в том случае, когда искажение изображения посягает на честь, достоинство и деловую репутацию, но и при отсутствии посягательства. Такое решение значительно упростит рассмотрение судом заявленного требования, поскольку не будет предполагать необходимость доказывания установленных в ст. 152 ГК РФ условий;

■ технологии искусственного интеллекта в настоящее время смогут воссоздать, сделать «живыми» образы людей, живших годами и столетиями ранее. Это могут быть как вполне известные личности, так и иные лица. По ст. 152.1 ГК РФ использование изображения после смерти лица допустимо, по общему правилу, с согласия детей, пережившего супруга и родителей. Лишь в виде исключения при использовании изображения в публичных интересах согласие лица не требуется (например, при размещении портрета писателя в учебнике).

Получается, что решение вопроса о возможном использовании изображения гражданина после смерти зависит от того, были у него члены семьи, формально подпадающие под критерии закона (дети, супруг, родители) или нет. Но если у субъекта (носителя права на изображение) были тесные связи со своими братьями и сестрами или проживал он одной семьей с сожителем? Принцип юридического равенства участников гражданских прав и равной судебной защиты не позволяет признать правомерной дифференциацию правового режима права на изображение в зависимости от того, были у лица дети, супруг, родители или нет. При их отсутствии как минимум возможным был бы к учету интерес иного лица из числа наследников или членов семьи, проживающих совместно.

В любом случае право на охрану изображения ограничено периодом жизни управомоченного лица и его наиболее близких лиц (дети, супруг, родители). Если обозначенных субъектов уже нет в живых или их не было изначально, то Верховный Суд РФ разрешает свободное использование изображения [5]. Между тем именно образ известных людей после их смерти может стать товаром, способным принести материальный доход от факта его коммерческого использования. Поэтому в зарубежных правовых порядках все большую актуальность приобретает вопрос о праве на публичность, содержание которого составляет возможность контролировать коммерческое использование имени, образа и подобию после смерти из-

вестного артиста, исполнителя и иного популярного гражданина. Так, принятый в Нью-Йорке закон предусматривает необходимость получения согласия: наследников умершей личности, чье имя, голос, подпись, фотография или сходство имеют коммерческую ценность на момент его или ее смерти, а также наследников умершего исполнителя, регулярно занимавшегося актерским мастерством, пением, танцами или игрой на музыкальном инструменте, чьи образы не могут быть использованы в цифровых копиях [6].

Таким образом, право на изображение несмотря на личный характер способно к осуществлению и после смерти управомоченного лица, что позволяет обособить его от носителя права. Именно это обстоятельство в условиях цифровизации предопределяет необходимость решения принципиального вопроса – насколько следует признавать допустимым коммерческое использование изображения после смерти гражданина.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2024).
2. Модельный закон «О цифровых правах» (принят на 50-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). Постановление от 14 апреля 2023 г. № 55-12. URL: http://iacis.ru/mod_file/p_file/1114 (дата обращения: 07.05.2024).
3. *Гримм Д.Д.* К учению об объектах прав // СПС «Консультант-Плюс».
4. European Digital Rights and Principles. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles#tab_1 (дата обращения: 07.05.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
6. New York Based Celebrities and Performers Can Now Pass to their Heirs the Rights to License their Name. URL: https://rpjlaw.com/new-york-based-celebrities-and-performers-can-now-pass-to-their-heirs-the-rights-to-license-their-name/#_ftn1 (дата обращения: 15.10.2023).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Вяткин Андрей Николаевич,
*старший преподаватель кафедры криминалистики
Института права
Уфимского университета науки и технологий*

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Аннотация. *В статье рассматриваются причины высокого уровня повторной преступности во взаимосвязи с низкой эффективностью достижения целей наказания в ходе исполнения приговора, связанного с лишением свободы; искажения целей наказания в виде лишения свободы, а равно оснований для избрания заключения под стражу в контексте репрессивного характера уголовной политики.*

Ключевые слова: *повторная преступность, профилактика преступности, цели наказания, эффективность наказания, лишение свободы, основания применения меры пресечения, заключение под стражу.*

На протяжении ряда лет уровень повторной преступности на территории России остается стабильно высоким, превышая половину от числа оконченных расследованием преступлений, а в некоторых субъектах, например, Томской области, – более 60 %¹. Такое положение дел можно без преувеличения назвать феноменом на фоне сил и средств профилактики, предусмотренных законом².

¹ По данным ИЦ УМВД России по Томской области.

² См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 29.03.2024).

Рассматривая через призму упомянутого феномена эффективность достижения целей наказания, приходим к неутешительному выводу. И если не способствует исправлению наказание, не связанное с лишением свободы, в силу известных причин, так или иначе обусловленных экономической ситуацией (нехватка кадров в государственных органах, ответственных за контроль поведения осужденных; алкоголизация населения и пр.), то еще большее недоумение вызывает отсутствие положительного результата при отбывании наказания в местах лишения свободы.

Многолетняя следственная и прокурорская практика, личный опыт общения с подследственными, ранее отбывавшими наказание, позволяют утверждать, что каждому из них ограничение свободы передвижения лишь досаждало, не послужив ни средством исправления, ни частной превенции. Изоляции от общества в полной мере также не произошло, поскольку в стенах исправительных учреждений для подобного контингента общество имеется.

Определенные категории осужденных, при становлении которых как личностей на ранних этапах были допущены фатальные ошибки, объективно необходимо изолировать исключительно в интересах общества, ограничив тем самым их возможность совершать преступления за пределами исправительного учреждения, склонность к которым для них имеет патологический характер.

Остальных условно можно разделить на две категории:

- одних система в существующем виде не способна исправить лишением свободы;
- для других такое наказание является явно чрезмерным, излишним.

Анализ практики повторного привлечения к уголовной ответственности показывает, что сегодня уголовно-исполнительная система в обобщенном виде успешно выполняет лишь функцию ограничения свободы передвижения, не способствуя достижению целей наказания. Иными словами, система выполняет сугубо репрессивные функции, что вписывается в общую концепцию фактически реализуемой уголовной политики страны.

Проблемы ресоциализации при этом не решаются, намеченные в рамках координации борьбы с преступностью пути, равно как и предусмотренные законом меры, остаются декларациями на бумаге. Опять-таки главной причиной этого является отнюдь не недостаточное финансирование, а общая доктрина неповоротливой репрессивной машины.

Между тем такая машина дорого обходится стране, поскольку бюджетные затраты, выделенные на достижение целей наказания, расходуются неэффективно. Подобное положение дел становится самостоятельным условием, способствующим высокому уровню повторной преступности, а следовательно, преступности в целом.

В сопоставлении с масштабами преступности, по разным оценкам, оцениваемым вдвое и даже втрое больше уровня ее официальной регистрации в 2 000 000 ежегодно, отсутствие результатов достижения целей наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений создает угрозу национальной безопасности [1].

Другими словами, излишне репрессивный вектор российского правосудия, фактически подменяя цели наказания, усугубляет криминогенную обстановку.

Подтверждает данный тезис практика применения мер процессуального принуждения на досудебной стадии, имеющая в равной степени выраженный репрессивный характер. Негласная установка ориентирует органы расследования на приоритетное применение из числа предусмотренных процессуальным законодательством меры пресечения, максимально ограничивающей конституционные права.

Это вновь провоцирует подмену целей, в данном случае отдалив их от оснований для применения меры пресечения¹. Согласно бытующим стереотипам, лишь в определенной степени продиктованным приемами тактики расследования, с первоначального его этапа необходимо максимально ухудшить условия существования обвиняемого (подозреваемого), запустив репрессивный механизм, главными целями которого на деле служат подавление воли и наказание как таковое. Подобная установка диссонирует с концептуальными положениями презумпции невиновности².

Между тем репрессивный характер обеспечительных мер усугубляется крайне низким уровнем законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Проводимыми органами прокуратуры на систематической основе проверками условий содержания под стражей регулярно вскрываются многочисленные нарушения

¹ Статья 97 УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 14 июля 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.03.2024).

² Статья 49 Конституции РФ (принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/780291ec1777fd4e50e27106bea5925f70f298c7/ (дата обращения: 05.03.2024).

законодательства, по итогам 2021 г. их выявлено более 135 тысяч [2], 2022 – более 147 тысяч [3].

Изложенные обстоятельства требуют обратить внимание органов расследования, а также судейского сообщества на существующую практику избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу в контексте ее соответствия целям и задачам, определенным законом; особое – по делам о преступлениях в сфере экономики и совершенных по неосторожности.

Неприемлемо расходовать бюджетные средства на содержание под стражей в отсутствие к этому достаточных оснований трудоспособной части общества, остро востребованной в условиях мобилизации национальной экономики.

Помимо прочего, репрессивный подход на этапе расследования не способствует повышению инвестиционной привлекательности России, вступая в открытое противоречие с обозначенной Президентом России В.В. Путиным задачей в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ¹.

Весьма резко контрастирует репрессивный подход с декларируемой в программных документах линией либерализации уголовной политики², результатами научных исследований [4].

В поисках выхода из сложившейся ситуации приходим к выводу об отсутствии оснований для внесения существенных изменений в законодательство (помимо законопроектов, разработанных в рамках реализации программных документов); наличии таковых к корректировке апелляционной практики посредством механизмов, используемых Верховным Судом РФ (постановление Пленума ВС РФ³, обзор судебной практики⁴).

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. № 38.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года» (в ред. от 27 мая 2023 г.). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=448288&dst=100075&demo=1> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Статья 126 Конституции РФ (принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/780291ec1777fd4e50e27106bea5925f70f298c7/ (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Статья 2 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 16 апреля 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/07f3205feaa78b249b652d3b4e83812b84f7f33a/ (дата обращения: 05.03.2024).

Необходимо обеспечить верховенство закона, прервав порочный круг, в котором суд первой инстанции исходит из того, что «следователю виднее», апелляционной – «суд первой инстанции наверняка разобрался»; а впоследствии формируется устойчивая практика изоляции, не ориентированная на объективную оценку наличия к этому оснований.

В условиях состязательности следователь – сторона в деле, в отстаивании процессуальных интересов склонная к наступательному характеру действий; лишь суд в состоянии обеспечить баланс прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, способствуя тем самым возвращению к истинным целям правосудия как на этапе расследования, так и при исполнении наказания.

Список источников

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 05.03.2024).
2. Выступление Генерального прокурора РФ в Совете Федерации. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=73355996>
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85612220>
4. *Цепелев В.Ф.* Уголовно-политическая обусловленность уголовного законодательства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 124–127.

Лапшин Вячеслав Евгеньевич,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета

Национального исследовательского Нижегородского

государственного университета имени Н.И. Лобачевского

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассмотрены некоторые особенности современной действительности, создающие сложности в развитии криминалистического оборудования при санкционных запретах. На примере источников экспертного света охарактеризованы некоторые виды криминалистической продукции.*

Ключевые слова: *совершенствование криминалистического оборудования, судебно-экспертная продукция.*

Сложившая в нашей стране ситуация, связанная с многочисленными санкционными ограничениями, не только создала комплекс преград в области нормального функционирования налаженной технологической деятельности во многих отраслях, но и нередко способствовала самостоятельной модернизации производства, ускоренному развитию и совершенствованию разнообразных направлений деятельности, находившихся долгое время под активным влиянием прогрессивных иностранных разработок. До определенного времени и отечественная судебно-экспертная деятельность постоянно оснащалась оборудованием и расходными материалами мировых производителей, специализирующихся в данной отрасли не один десяток лет. Стоит отметить, что такие значимые компании, как, например: «Camsonar Int'l (Group) Ltd» Китай; «Foster+Freeman Ltd» Великобритания; «Lumatec» Германия; «Projectina AG» Швейцария; «Sirchie» США; «Spectro-UV» США, специализирующиеся в области разработки экспертного оборудования и оснащения судебно-экспертных организаций по всему миру, прекратили не только поставки своей продукции в связи с санкционными ограничениями, но и отстранились от сервисной поддержки уже функционирующего оборудования, находящегося на территории РФ. Опираясь на многочисленные отзывы криминалистов, нами было отмечено, что профессиональная судебно-экс-

пертная продукция указанных производителей продолжает пользоваться заслуженным доверием у многих российских судебно-экспертных организаций. Разнообразный специфический ассортимент продукции данных компаний прошел успешную апробацию и был рекомендован к применению в практической деятельности судебно-экспертных учреждений, научных и учебных организаций, экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов России [1].

Указанные обстоятельства отчасти также подтолкнули некоторые российские компании, специализирующиеся в том числе в производстве криминалистического оборудования, к переосмыслению и усилению налаженного технологического процесса инновационными подходами функционирования своей деятельности. Не осталась в стороне и интеграционно-производственная компания Торговый Дом «ЕТГ»¹, с самого основания в 2010 г. поставившая в приоритете своего функционирования оснащение высококачественным оборудованием силовых структур России и ближнего зарубежья². Начиная с 2014 г., специалистами «ЕТГ» было заложено производство линейки экспертно-криминалистического оборудования. За данный период времени на счету предприятия уже не одна сотня успешно выполненных крупных проектов, а количество оборудования, приборов и различного инструмента производимого собственными силами перевалила за сотню видов продукции. В направлении производства криминалистического оборудования компания традиционно сосредоточила свои усилия на обеспечении двух направлений судебно-экспертной деятельности, первое призвано покрывать материально-технические потребности деятельности специалистов на местах происшествий, второе – способствовать обеспечению последующей работы экспертов в ходе проведения разнообразных экспертиз.

Расценивая инновационные аспекты развития криминалистического оборудования в условиях санкционных ограничений как безусловно перспективные, можно конечно охарактеризовать данные изменения как вынужденную реакцию на изменение внеш-

¹ ООО «Торговый Дом «Евразийская Технологическая Группа»» г. Санкт-Петербург, Россия. URL: <http://euraztech.ru> (дата обращения: 13.05.2024).

² Стоит отметить, что среди стран даже ближнего зарубежья на данный период времени в рамках налаженных поставок судебно-экспертной продукции остались только Республика Беларусь, Республика Казахстан и Республика Узбекистан.

ней среды. Однако, как отмечалось выше, не только данные факторы оказывают стимулирующее воздействие на переосмысление функционирующих элементов организации. Нередко прогрессивное стремление по использованию всего имеющегося потенциала в развитии компании, специализирующейся на разработке оборудования для нужд криминалистики, лежит в основе ее движущего фактора.

Как отмечают сотрудники обозначенной компании, структурным аспектом их современных разработок является вполне определенный последовательный критерий деятельности: «Технология → Научная разработка → Опытно-конструкторская разработка». Далее следует многократная отладка макета (опытного образца), только потом, минуя скрупулезный процесс проверки, вывод работоспособной и конкурентной продукции на рынок.

Многие виды современного криминалистического оборудования базируются на развитии микроэлектроники, которая постоянно претерпевает изменения, а сами устройства становятся мощнее, компактнее и портативнее. Характеризуя вкратце сложившуюся ситуацию санкционного воздействия не только на развитие специального оборудования, но и на его ценовую составляющую, можно указать две видимых преграды, стоящих на данном пути, – повышенные финансовые затраты на закупку разнообразных комплектующих увеличенные временные критерии самих поставок и финансовые сложности в осуществлении непосредственно закупок необходимых комплектующих у иностранных поставщиков, будь то даже дружественный Китай [2].

Отражая общепринятое (базовое) направление инновационного развития криминалистического оборудования, разрабатываемого данной компанией, следует указать на присущую им неизменную составляющую, кроющуюся в постоянном развитии и модернизации, позволяющую обладать широким спектром конкурентных преимуществ и возможностей на современном рынке востребованной судебно-экспертной продукции.

Лидирующие позиции на рынке судебно-экспертной продукции занимают различные вариации источников экспертного света. Так, компанией «ЕТГ» в широком ассортименте представлены стационарные (лабораторные) и мобильные комплексы, состоящие из специализированного вспомогательного комплекта и основных модулей источников экспертного света. Выборочным примером, дающим основное представление о данных современных техноло-

гических комплексах, может быть представлена следующая продукция [3]:

1. Стационарное предназначение. Например, осветитель Волна-3СТ обеспечивает решение широкого круга задач в процессе неразрушающего контроля (магнитно-порошковый, люминесцентный метод капиллярного контроля) в направлении поиска микрочастиц, биологических следов, а также при производстве экспертизы документов. Излучение генерируется инновационными светодиодами типа SMD (срок жизненного цикла не менее 40 000 ч.), путем применения новых LED-технологий (включающих LED – 365 нм, 450 нм, 500 нм), обладающих высокой мощностью и готовностью к работе без прогрева. Комплекс оснащен микропроцессорным управлением с равномерной интенсивностью излучения. Переключения между спектрами оснащены плавным дистанционным изменением интенсивности свечения (Bluetooth) через мобильное устройство (Android). Прибор влагозащищен, пыленепроницаем и ударопрочен. Совместимые пороговые светофильтры изготовлены в виде защитных очков из износостойкого полимера (пороговые светофильтры – ультрафиолетовый (белый), янтарный, оранжевый, желтый). Данные приборы являются следующим классом развития источников экспертного света, их инновационная модернизация совершенствует предыдущие модификации такого оборудования, как профессиональный лабораторный комплекс для выявления скрытых следов «SVX-X», имеющим и другое, менее распространенное название «Светоч-X».

2. Мобильное предназначение. Например, комплекс источников экспертного света SVX-3KiR включает в себя два самых востребованных модуля, используемых для поиска как биологических объектов, так и традиционных криминалистических следов, как на месте происшествия, так и в лабораторных условиях в различных диапазонах светового спектра, а также ИК-света. Обеспечивается при этом и возможность цифровой съемки в разных диапазонах. Отметим, что модификации данных комплексов позволяют мобильно решать весь спектр задач, что и стационарные варианты.

Остается надеяться, что руководство различных структур правоохранительных органов России по достоинству оценит качество и потенциал указанной продукции, а их следственные, оперативные и экспертные подразделения получат в свой арсенал столь необходимое оборудование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лапшин В.Е.* Выявление скрытых следов источниками экспертного света // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сб. докладов Науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Н. Новгород, 22–23 мая 2024 г.). Н. Новгород: ННГУ, 2024. С. 206–213. URL: https://sudexpertunn.ru/wp-content/uploads/2024/05/Sbornik_dokladov_24.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

2. *Разгуляева М.* Сквозь дружбу. Выяснилось, почему Китай постоянно вводит ограничения для РФ // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/money/economy/skvoz-druzhbu-vyyasnilos-pochemu-kitay-postoyanno-vvodit-ogranicheniya-dlya-rf> (дата обращения: 24.06.2024).

3. Источники экспертного света // Евразийская Технологическая Группа. Производство криминалистического досмотрового и промышленного оборудования. URL: <https://euraztech.ru/glavnaya/folder/ekspertnyye-istochniki-sveta> (дата обращения: 06.06.2024).

Попова Елена Ильинична,
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Уфимского университета науки и технологий*

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ПОТЕРПЕВШИМИ СВОИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *В статье обращается внимание на целесообразность развития научных положений, систематизация которых призвана способствовать формированию учения о криминалистическом обеспечении защиты потерпевших. Отмечается, что в его рамках важно уделять внимание формированию рекомендаций по самостоятельной защите потерпевшими своих прав и законных интересов. Обозначаются направления создания таких рекомендаций.*

Ключевые слова: *криминалистическое учение, теория, криминалистическое обеспечение, защита потерпевших, права, законные интересы.*

В настоящее время в криминалистической науке имеется существенное число научных разработок, систематизация которых позволяет сделать вывод о наличии определенной теоретической основы для формирования самостоятельного учения о криминалистическом обеспечении защиты потерпевших [1, с. 119–125; 2, с. 10–17; 4, с. 155–163; 5; 6, с. 63–65]. В то же время необходимы еще серьезные усилия для того, чтобы названное учение приобрело отчетливые очертания и было признано учеными.

Многие его элементы требуют серьезного научного осмысления (дифференциации положений концепции на общую и особенную части, их развитие, разработка терминологического аппарата и проч.). Данные разработки должны прежде всего обеспечивать баланс между интересами сторон обвинения и защиты. Они призваны:

а) стимулировать представителей обеих сторон, прежде всего следователя и прокурора, принимать все необходимые меры по соблюдению прав и законных интересов потерпевшего;

б) снабдить потерпевших (а фактически и гражданских истцов), их представителей криминалистическими просветительскими рекомендациями по самостоятельной защите своих прав [3, с. 296–371].

В рамках настоящей публикации обратим более пристальное внимание на последнее из названных направлений. Необходимость исследования и формирования прикладных рекомендаций по самостоятельной защите потерпевшими своих прав и законных интересов обусловлена рядом обстоятельств. Среди них как минимум следующие¹:

1. Подавляющее большинство потерпевших не обладают необходимыми знаниями, которые позволили бы им: а) самостоятельно и эффективно защищать свои права и законные интересы; б) выявлять нарушения их прав и законных интересов со стороны должностных лиц и умело пресекать такие нарушения, добиваться их устранения, восстановления своих прав и защиты реальных, не противоречащих закону и требованиям морали, интересов.

2. Для профессиональных участников уголовного судопроизводства приоритетной задачей является, как бы там ни было, не первое из названных в ст. 6 УПК РФ назначений (целей), а лишь третье – «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания». Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) в реальной правоприменительной деятельности является преимущественно факультативным назначением уголовного судопроизводства.

3. Весьма редким привлечением потерпевшими представителей, занимающих активную позицию и имеющих достаточный уровень квалификации для защиты прав и законных интересов первых.

4. Отсутствию у потерпевших необходимых знаний по эффективному взаимодействию с должностными лицами правоохранительных и судебных органов, представителями стороны защиты.

Вышеназванные обстоятельства вносят лепту в то, что до настоящего времени справедливо выражение о том, что потерпевший становится таковым неоднократно – первый раз, когда в отношении него совершается преступление, второй раз, когда он попадает в орбиту уголовного судопроизводства (причем как на досудебных и судебных стадиях, так и на стадиях исполнения приговора, пере-

¹ И хотя представленный ниже перечень обстоятельств весьма условен и содержание его пунктов в определенной степени перекликается друг с другом (и даже повторяется), наша основная задача заключается в том, чтобы обратить внимание на наиболее «яркие» причины проблем, связанных с целесообразностью осуществления потерпевшими самостоятельной защиты своих прав и законных интересов.

смотра судебных решений), в связи с чем полагаем целесообразным формирование комплексов прикладных рекомендаций по самостоятельной защите потерпевшими своих прав и законных интересов. Такие рекомендации могут создаваться с учетом:

- категории/вида преступлений. Здесь, полагаем, уместно создание рекомендаций с учетом именно дифференциации преступлений на основе криминалистических признаков, обуславливающих как специфику их выявления, раскрытия, судебного разбирательства, так и специфику участия потерпевших по тем или иным уголовным делам;

- этапа расследования и стадии досудебного производства. Обязательно следует обращать внимание на этап проверки сообщения о преступлении, типичные ситуации, связанные с отказом в возбуждении уголовных дел при наличии признаков преступления;

- участия в тех или иных следственных, иных процессуальных действиях (допрос, очная ставка, судебная экспертиза, ознакомление с материалами уголовного дела и др.);

- формы расследования (предварительное следствие в «традиционной» форме и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) или дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) и в общем порядке (глава 32 УПК РФ);

- возможных ситуаций незаконного давления на потерпевшего, его близких, наличия угроз в отношении потерпевших юридических лиц;

- вероятной возможности участия в предварительном слушании;

- формы судебного разбирательства в суде первой инстанции (общий, особый порядок (гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ), заочное судебное разбирательство, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей);

- специфики исполнения судебного решения;

- наличия/отсутствия представителя;

- возраста. Здесь следует ориентироваться не только на критерий совершеннолетия. Важно создавать рекомендации, которые были бы понятны тем или иным возрастным группам (подростки, студенты, люди зрелого возраста, пожилые и пр.);

- иных обстоятельств, характеризующих потерпевшего: состояние здоровья, заявления / не заявления гражданского иска, реальной заинтересованности в реализации права на уголовное преследование и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гаврилов Б.Я.* Об оптимизации защиты прав потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 119–125.

2. *Комиссаров В.И.* Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2010. С. 10–17.

3. *Попова Е.И.* Криминалистическое обеспечение упрощенных форм уголовного судопроизводства: методология, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Улан-Удэ, 2020.

4. *Смахтин Е.В.* Механизм защиты прав и законных интересов потерпевших криминалистическими средствами // Lex russica. 2016. № 10 (119). С. 155–163.

5. *Хупсергенов Х.М.* Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

6. *Шаров Д.В.* Защита законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2016. № 5. С. 63–65.

Усанов Игорь Владимирович,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии*

Быстряков Евгений Николаевич,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии*

МЫСЛИТЕЛЬ СТАНИСЛАВ ЛЕМ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КРИМИНАЛИСТИКА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема соответствия футурологических научных прогнозов известного мыслителя Станислава Лема современному научному состоянию отечественной криминалистики на примере искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, футурологический прогноз, Станислав Лем, криминалистика.*

Футурологические прогнозы – важная составляющая развития любой науки. Криминалистика не является исключением. Произведя анализ футурологической литературы, мы пришли к выводу, что, пожалуй, наиболее интересной точкой зрения на перспективы развития техномеханических направлений науки является точка зрения известного мыслителя Станислава Лема (1921–2006).

Одним из перспективных направлений развития науки Лем считал проблему появления и использования искусственного интеллекта. В частности, по этому поводу он писал следующее: «Возможно, искусственный интеллект удастся создать с помощью нанотехнологии», поскольку уже «удалось сконструировать отдельные элементы компьютерных систем, так называемые логические вентили, из одной молекулы» [1, с. 305–306].

Один из возможных вариантов появления искусственного интеллекта – компьютеризация (чипизация) мозга человека. Лем, высказывая отрицательное отношение к чипизации мозга, так как это может привести, по мнению футуролога, к криминальным последствиям [2, с. 143], одновременно допускал возможность появления некоего усилителя человеческого интеллекта [3, с. 152].

Чипизация мозга человека возможна путем производства специфической операции под названием «мозговая пересадка». По поводу «мозговой пересадки» некто Филонус – альтер-эго Лема – вы-

сказался, что: «в принципе этот процесс основан на подключении к живому мозгу, то есть к нейронной сети, сети другого типа, электрической сети (или электрохимической). Естественно, сначала люди должны научиться конструировать такие сети, сложность которых порядка 10 миллиардов функциональных элементов, то есть порядка сложности мозга, и это благодаря сети «общей теории сети с внутренней обратной связью», которая будет для этого необходима. Сама пересадка же должна была бы состоять из значительного числа следующих друг за другом этапов...» [2, с. 143–144].

В рассматриваемой ситуации чип – это своего рода мозговой протез, отвечающий за нормальное функционирование недостающих либо утраченных мозгом функций. Если чипизация мозга человека возможна, это значит, что в принципе возможной становится «вечная жизнь» индивида в виртуальном пространстве. По Лему – это перспектива «вечной жизни» в границах «мозгового протеза» [2, с. 144].

Может ли мозг человека без компьютера, без чипизации решать сложные задачи? Ответ на этот вопрос дает вся история человечества. Возможности человеческого мозга, причем одного мозга, без всяких чипов, разумеется, если он здоров, следует признать безграничными. За примерно 40 тысяч лет существования человека разумного пройден огромный путь от примитивных орудий труда и охоты до нейтронной бомбы и квантового компьютера.

Мозг человека – это биокомпьютер естественного происхождения, но он не наделен способностью быстрого и правильного решения множества сложных задач, задач, прежде всего математического характера. Один из возможных способов решения сложной задачи чипизированным мозгом – постоянный мозговой штурм, когда множество активных элементов одновременно пытаются решить определенную задачу.

Отношение к Artificial Intelligence (AI), или искусственному интеллекту, у Лема, особенно к концу жизни, было однозначным. По Лему, его не было и по-прежнему нет. Возможны только его универсальные представители или частные модели HARDWARE и SOFTWARE, т.е. как программное обеспечение, или в виде экспериментальной философии. Подводя итог своим размышлениям по поводу искусственного интеллекта, Лем констатировал: «Оптимизм по поводу перспектив обладающего Разумом ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА оказался несвоевременным и преждевременным» [2, с. 275].

Анализ текущих теории и практики показывает, что взгляды Лема на проблему искусственного интеллекта (далее – ИИ) носили несколько упрощенный характер.

В современной науке бытует мнение о том, что существование ИИ, имеющего практическое значение, принципиально возможно. Стоящие на данной точке зрения представители интернет-сообщества выделяют три основных вида ИИ: Artificial Super Intelligence (ASI, превосходит человеческий разум); Artificial General Intelligence (AGI, или «сильный искусственный интеллект», находящийся на одном уровне с интеллектом человека); Artificial Narrow Intelligence (ANI, «узкий» или «слабый искусственный интеллект», не способный на самостоятельные действия)¹.

Если отталкиваться от данной точки зрения, то следует признать тот факт, что искусственный интеллект AGI и ANI уровней в современной криминалистике все-таки существует.

Примеры.

Носитель ИИ ANI уровня: АДИС «Папилон». Данная система позволяет обрабатывать большие объемы информации дактилоскопического характера за сравнительно небольшие периоды времени: от нескольких секунд до нескольких минут. Она оказывает помощь следователям, оперативникам и экспертам при подготовке, назначении и производстве дактилоскопической экспертизы, в то же время не подменяя собой эксперта-дактилоскописта.

Сходными по своим функциональным возможностям являются: инструментальный комплекс криминалистического исследования фонограмм речи «ИКАР Лаб», автоматизированные баллистические идентификационные системы «Арсенал», «Кондор» и т.п.

Носителями ИИ ANI уровня, на наш взгляд, являются криминалистические роботы (например, БПЛА Сокол) и робототехнические комплексы (например, АРГК Уран-6) [4, с. 20].

Носитель ИИ AGI уровня: система автоматического цифрового протоколирования «IS Mechanics SRS Femida». Данная система полностью заменяет человека, выполняя за него функцию фиксации текста [5, с. 31].

Носитель ИИ ASI уровня: рой БПЛА (идея «роевого интеллекта» находится в стадии становления). Прогнозируется: выход за пределы человеческого интеллекта, обмен информацией и принятие текущих решений самостоятельно, без участия человека [6, с. 28].

¹ Что такое искусственный интеллект... URL: <http://skillbox.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

Во исполнение стратегических решений президента и правительства на территории исправительной колонии № 6 в Астраханской области до 2025 г. планируется запустить пилотный проект по внедрению системы ИИ, которая могла бы самостоятельно отслеживать около 60 видов нарушений условий режима заключенными и сотрудниками данной колонии.

Научно-технический прогресс не стоит на месте. С появлением квантовых компьютеров возникли новые вопросы – можно ли считать квантовый компьютер реализацией ИИ? И если «да», то какого уровня? Внятных ответов на эти вопросы пока нет...

Список источников

1. *Лем С.* Дилеммы XXI века: сборник / пер. с польск. В. Язневича. М.: АСТ, 2021. 640 с.
2. *Лем С.* Молох: сборник. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. 781 с.
3. *Лем С.* Сумма технологии. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 668 с.
4. *Быстряков Е.Н., Усанов И.В.* Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (7). С. 17–21.
5. *Быстряков Е.Н., Усанов И.В.* Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 29–32.
6. *Смушкин А.Б.* Роевое управление БПЛА в ходе следственного осмотра // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2 (20). С. 24–29.

Хатов Эдуард Борисович,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационных технологий и организации
расследования киберпреступлений Московской академии
Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева,
полковник юстиции, почетный работник прокуратуры РФ*

О ТАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу тактических принципов проведения следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации и совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий. Автор приходит к выводу о том, что прикладной их характер позволит следователям проецировать общие и специальные тактические принципы следственного осмотра по делам о киберпреступлениях на конкретную следственную ситуацию, оптимизировать процесс выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, применять с их учетом уже подтвержденных практикой алгоритмов процессуальных действий и методически выверенных рекомендаций.*

Ключевые слова: *следственный осмотр, тактический принцип, киберпреступность.*

Последние годы наблюдается крайне тревожный численный и структурный рост преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Так, в 2023 г. только учтенная правовой статистикой доля преступлений этой категории выросла до 1/3. В этом году уже превысила 38 %. Отметим, что выраженная негативная динамика такой киберпреступности нашла свое отражение среди вызовов и угроз, а также обусловленная этим потребность в их пресечении и предотвращении – среди приоритетных задач, указанных в Стратегии национальной безопасности (п. 42 и 47 подп. 11)¹.

При этом киберпреступления, собирательное название которых в нашем понимании включает в себя как преступления в сфере компьютерной информации², так и преступления, совершаемые

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400).

² Глава 28 УК РФ.

с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий¹, характеризуются особым способом совершения, специфическими криминалистическими следами.

Поэтому и их расследование, предусматривающее собирание электронных следов, проверку и оценку не только самой электронной информации, но и ее носителей, невозможно без цифровизации следственной деятельности, а также совершенствования компетенций следователей, тактики и методики расследования.

Одно из ключевых мест в следственной деятельности по праву занимает проведение следственного осмотра и связанные с ним вопросы и проблемы. «Вечнозеленый» характер проблем, связанных с таким осмотром, объясняется, по нашему мнению, тем, что именно это следственное действие отличается максимальной информативностью и использованием самых современных технических средств, как правило, применяемых непосредственно на месте происшествия. Наиболее ярко они проявляются в проведении осмотра по делам о киберпреступлениях, число которых в структуре преступности, как мы видим, зашкаливает.

Практика свидетельствует, что следственный осмотр проводится фактически по всем делам о киберпреступлениях. Аксиомой следственной деятельности является вывод о том, что своевременность, полнота, качество осмотра во многих случаях определяет успешность расследования уголовного дела.

Вместе с тем осмотр характеризуется вариативностью определений, методик, возникающих проблем, отражающих процессуальный, исследовательский характер, непосредственность восприятия объектов, неопременность фиксации его результатов. Указанные ключевые признаки полностью применимы к понятию осмотра по делам о киберпреступлениях.

С учетом указанной вариативности на практике нередко качество проведения такого осмотра оставляет желать лучшего, что ввиду его значимости негативно отражается на ходе и результатах расследования уголовного дела в целом. Устранить недочеты осмотра помогает правильная его организация, в том числе за счет совершенствования методики, опирающейся на выверенные тактические принципы. Цитируя Председателя Следственного коми-

¹ Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России от 19 июня 2023 г. № 2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (Приложение 25).

тета РФ А. И. Бастрыкина, отметим, что принципами можно назвать основные условия как основания получения знаний, важные предпосылки и даже формулы, поскольку они есть точное общее определение какого-либо правила, отношения, закона, а принцип тоже можно истолковать как основное правило [1, с. 2]. Причем принципы криминалистической тактики им рассматривались также как принципы криминалистики в целом.

При этом вопрос надлежащего методического обеспечения осмотров, тактики его проведения имеет давние исторические корни. Так, еще в III в. до н.э. на территории Древнего Китая было разработано «Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений», где осмотр уже тогда определялся как одно из важных доказательств по делу и на конкретных примерах разъяснялись наиболее важные принципиальные аспекты, раскрывающие порядок исследования вещественных доказательств, их фиксации и т.п. в т.ч. тактики осмотра [2, с. 191–192].

Традиционно среди общих положений криминалистической тактики выделяют общие положения тактики проведения следственных (процессуальных) действий, к числу которых в первую очередь относят их принципы [3, с. 5–8]. Современные тактические принципы любого следственного действия, в том числе следственного осмотра по делам о киберпреступлениях, должны обеспечивать реализацию общих принципов уголовного судопроизводства, указанных в гл. 2 УПК РФ. Так, тактический принцип своевременности принятия проведения следственного осмотра по уголовному делу о совершенном преступлении в сфере информационных технологий обеспечит соблюдение принципа разумного срока судопроизводства, закрепленного ст. 6.1 УПК РФ.

Как известно, тактические принципы в криминалистике дифференцируются на общие, характерные для всех следственных действий, и специальные, присущие отдельным мероприятиям. Таким образом, исследуя тактику следственного осмотра по делам о киберпреступлениях, будет допустимым определить также некоторые тактические принципы его производства, как специальные.

Прикладной характер выделения тактических принципов заключается в том, что следователи, проецируя общие и специальные тактические принципы следственного осмотра по делам о киберпреступлениях на конкретную следственную ситуацию, смогут оптимизировать процесс выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, применяя с их учетом уже

подтвержденные практикой алгоритмы процессуальных действий и методически выверенные рекомендации.

К указанным тактическим принципам осмотра можно отнести принципы¹:

- законности (в строгом соответствии с уголовно-процессуальными нормами, ведомственными организационно-распорядительными документами);
- единства науки и практики (научности);
- оперативности (подразумеваемая под этим в том числе внезапность);
- этичности (соблюдения ведомственных этических требований при проведении следственных действий);
- а также объективности; всесторонности и полноты; единого руководства (следователем); планомерности; динамичности и избирательности.

К специальным тактическим принципам, по нашему мнению, можно отнести:

- принцип использования технико-криминалистических средств (программно-аппаратных комплексов) и привлечения специалистов, обладающих специальными познаниями в сфере компьютерных технологий (несмотря на то, что все большее число следователей СКР обладает навыками в цифровой сфере, при проведении осмотра по делам указанной категории в силу положений ст. 164.1 УПК РФ их участие необходимо обеспечить)²;

¹ С учетом наличия различных и постоянно совершенствующихся научных позиций приведенный выше перечень тактических принципов не является закрытым, а предложенная нами классификация носит примерный характер.

² Вместе с тем в некоторых случаях при производстве неотложных следственных действий обеспечить такое участие не представляется возможным. При этом современный следователь нередко владеет основными компетенциями в сфере информационных технологий ввиду того, что в учебных программах изучают несколько дисциплин в названной сфере, а поэтому он имеет возможность самостоятельного исследования простейших цифровых следов и электронных носителей. К таким объектам исследования можно отнести следующие цифровые следы: файлы, лог-файлы, IP-адреса, MAC адреса, абонентские номера и IMEI телефонов, метаданные файлов, программ, сайтов, биллинги сотовой связи, движение денежных средств в платежных и банковских системах, данные всех систем видеонаблюдения и видео регистрации и других информационно-технологических систем. С учетом изложенного позиция о необязательном участии специалиста при осмотре по делам о киберпреступлениях представляется небезосновательной [4, с. 81].

- принцип неизменности исходной информации (означает, что копировать обнаруженную информацию необходимо на отдельный носитель, изъятый носитель информации осматривается автономно, т.е. вне аппаратного комплекса, частью которого он являлся. Осмотр проводится только при условии блокирования записи на изъятый носитель информации);

- принцип достаточности (на основании ст. 164 УПК РФ за определенными исключениями не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации у субъектов предпринимательской деятельности, и следователю в ходе производства следственного действия следует рассматривать вопрос о достаточности копирования содержащейся на электронном носителе информации);

- принцип информированности (при проведении осмотра с участием понятых необходимо их информировать, поясняя, какие именно действия и для чего выполняются с цифровой техникой и какие вследствие этого результаты получены (для понимания в целом существа наблюдаемого ими);

- принцип информационной безопасности (предотвращение утраты цифровых следов преступления, в том числе с использованием технологий удаленного доступа; неразглашение служебной информации и иной охраняемой законом тайны [5, с. 107]); использование отечественных программных продуктов¹, согласно п. 57 подп. 13 Стратегии национальной безопасности.

Вместе с тем представляется, что с учетом специфики киберпреступлений без специальных базовых компетенций следователю на осмотре по делам этой категории даже при наличии специалиста будет как минимум непросто достигнуть целей мероприятия.

В связи с чем, по нашему мнению, методическое и ведомственное нормативное закрепление указанных принципов позволит в определенной степени удовлетворить насущную потребность наделения следователей необходимыми компетенциями, наличие которых определено состоянием преступности и научно-техническим прогрессом, а также будет способствовать достижению стратегических целей национальной безопасности.

¹ Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1871453/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бастрыкин А.И.* Принципы криминалистической тактики. URL: <https://proza.ru.turbopages.org/proza.ru/s/2023/01/04/570>
2. Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. М., 1980. Ч. 2.
3. *Антонов О.Ю.* Принципы следственных действий как категория науки криминалистики: современное состояние и возможности использования (на примере следственного эксперимента) / Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Моск. обл. филиал МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 4 октября 2019 г.) / под общ. ред. М.И. Пилякина, А.В. Ростовцева. М.: Мос. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020.
4. *Себякин А.Г.* Тактика использования знаний в области компьютерной техники / под ред. О.Ю. Антонова. М.: Юрлитинформ, 2023.
5. *Хатов Э.Б.* К вопросу цифровой безопасности в деятельности следователя // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 ноября 2022 г.). М.: Мос. акад. СК РФ, 2023. С. 104–112.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РОЛЬ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Сборник тезисов докладов
IV Саратовского юридического форума
(г. Саратов, 4–8 июня 2024 г.)*

В авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – О.А. Фальян

Подписано к использованию 17.05.2025.
Объем издания – 2 Мб.
Комплектация издания – 1 CD-ROM.
Тираж – 10 CD-ROM.

Издательство
Саратовской государственной юридической академии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
<http://сгюа.рф>
E-mail: izdat105@ssla.ru
Тел.: (8452) 29-90-77

ISBN 978-5-7924-2105-9

9 785792 421059 >